

СОВЕТСКИЕ
ПОЛКОВОДЦЫ
И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

ГЕНЕРАЛ
АРМИИ

Н. Ф. ВАТУТИН

СОВЕТСКИЕ
ПОЛКОВОДЦЫ
И ВОЕЧАЛЫНИКИ

Ю. Д. ЗАХАРОВ

ГЕНЕРАЛ
АРМИИ

Н. Ф. ВАТУТИН

Москва

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1985

ББК 68.49(2)243
З-38

Захаров Ю. Д.

З-38 Генерал армии Н. Ф. Ватутин. — М.: Воениздат
1985. — 192 с., 4 л. ил. — (Советские полководцы и
военачальники).

40 к.

В книге освещается жизнь и боевая деятельность советского полководца Героя Советского Союза генерала армии Николая Федоровича Ватутина. В годы Великой Отечественной войны он был заместителем начальника Генерального штаба, представителем Ставки ВГК на Брянском фронте, командовал войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов.

Книга рассчитана на массового читателя.

3 1304010000-207 42-85
068(02)-85

ББК 68.49(2)243
9(с)27(092)

© Воениздат, 1985

ПУТЬ КРАСКОМА

Всего несколько часов назад противоположный днепровский берег содрогался от взрывов снарядов и мин. Но едва наступила ночь, как он сразу притих, придавленный темью, взредка вспарываемой кометными всплесками сигнальных ракет.

Николай Федорович Ватутин, отослав к машине адъютанта майора Семенчука, с минуту постоял на пологом берегу, вслушиваясь в шепот волн. Затем, не удержавшись, пошел к реке, зачерпнул сложными ладонями студеной воды и освежил ею разгоряченное лицо.

Подумал: «Ковечно, Семенчук прав. Негоже командующему фронтом разъезжать ночью по таким вот опасным местам. Глядишь, недолго и на немцев напороться, которые в одиночку, а то и группами бродят по левобережью, изыскивая возможность переправиться через Днепр и соединиться со своими». И все же Ватутин не смог побороть желания пройтись по местам, где в двадцатые годы он, будучи слушателем Киевской высшей объединенной военной школы, водил в учебные атаки взводы и роты. И вот теперь привел на днепровские берега корпус и армии.

Вначале за спиной зашуршал песок, а затем послышалось негромкое знакомое покашливание. Адъютант так-

тично напоминал, что пора возвращаться. Николай Федорович вздохнул, плотно натянул на голову фуражку:

— Иду, иду.

Когда машина рванулась с места, повернулся к сидевшему сзади вместе с автоматчиками Семенчуку, пояснил оживленно:

— А ведь и тут, у Днепра, еще в двадцатые годы воевал. Не по-настоящему, конечно, тактические занятия у нас здесь проходили. Летние лагеря в этих местах располагались. Так что мне они хорошо знакомы.

Недолгую паузу нарушил Семенчук:

— Товарищ командующий, разрешите спросить?

— Спрашивай, — кивнул Ватутин.

— Вы в военную школу по призванию поступили или случайно?

— Да нет, скорее всего в силу сложившихся обстоятельств. До этого не думал, что когда-нибудь стану командиром. Но так уж распорядилась судьба...

В ряды Красной Армии девятнадцатилетний Николай Ватутин вступил добровольно. Было это весной 1920 года. Вначале его зачислили красноармейцем в 3-й запасной полк, а спустя месяц перевели в 113-й запасной батальон, который располагался в Луганске. Вскоре Ватутин принял боевое крещение. Батальону не раз приходилось вступать в схватки с махновцами под Луганском и Старобельском. В этих боях молодой красноармеец показал себя дисциплинированным, храбрым бойцом. Он быстро завоевал авторитет у товарищей. Ватутин был едва ли не самый грамотный боец в батальоне. Он окончил четырехклассную сельскую школу, затем земское и почти полностью коммерческое училища. Вот почему, когда нужно было избрать секретаря батальонной рабоче-крестьянской инспекции, сослуживцы единогласно проголосовали за Николая Ватутина. И он оправдал их доверие.

И это время уже шла война с павской Польней. Вату-тин, как и многие бойцы батальона, рвался на фронт. Он написал несколько рапортов с просьбой направить его в действующую армию, но каждый раз получал отказ. С очередным рапортом он пошел к комиссару батальона. И снова неудача.

— На фронт не пустим, — твердо сказал комиссар. — У Красной Армии сейчас уже достаточно обученных, более опытных красноармейцев, чем повобранцы двадцатого года. — Помолчал, глядя в расстроенное лицо Ватутина, и вдруг спросил: — Послушайте, Ватутин, а не хотели бы вы стать красным командиром? Только не спешите с ответом. Осенью в Полтаве открываются пехотные курсы. Образование у вас хорошее, службу, насколько мне известно, вы любите, да и в боях неплохо себя проявили. Знаю, что люди к вам тянутся. Значит, умеете найти к ним подход. А это для командира очень важно.

Предложение комиссара застало Николая врасплох. Учиться на краскома? Раньше он никогда об этом не думал. Военная служба ему нравится, это верно, но одно дело — быть рядовым красноармейцем, и совсем другое — командиром.

Комиссар, видимо, разгадал его сомнения. Сказал:

— Повторяю, я не тороплю вас. Идите и подумайте хорошенько.

А через три дня выявил Ватутина, показал ему какую-то бумагу и пояснил:

— Это рапортика. От нас на курсы нужно послать одного человека. Ну как, подумали?

— Думал, товарищ комиссар, с товарищами советовался, — ответил Ватутин. — В общем, я решил. Словом, согласен.

— Вот и хорошо. Желаю вам удачи.

В сентябре 1920 года Николай Ватутин был уже в Полтаве. Так он стал слушателем 29-х пехотных курсов.

Учеба часто прерывалась. В стране то и дело вспыхивали кулацкие восстания. И тогда прекращались занятия и курсанты брали в руки винтовки. Учились в перерывах между боями.

В 1921 году Николай Ватутин вступает в ряды РКП(б). Позже он скажет, что день, когда ему вручили партбилет, был самым счастливым и памятным в его жизни. Став коммунистом, он с еще большим старанием выполнял общественную работу, стремился стать настоящим бойцом ленинской партии.

Вскоре пехотные курсы были реорганизованы в 14-ю пехотную школу. Ее начальником стал И. П. Сальников, бывший офицер старой армии, один из тех, кто с первого дня Великой Октябрьской социалистической революции встал на сторону народа. Всегда подтянутый, тактичный и требовательный, он был примером для курсантов. Автор нескольких книг по тактике, Сальников постоянно вводил повествования в учебный процесс, всячески поддерживал инициативу будущих краскомов, вырабатывал у них способность к самостоятельным суждениям. После занятий в поле он требовал от каждого подробного письменного отчета о том, что тот видел, как оценивает действия товарищей, находившихся во время тактических занятий в роли командиров роты, взвода, отделения, как бы поступил сам, находясь на их месте.

Ватутин тоже не раз писал подобные отчеты. И, как вспоминал его сокурсник А. Ф. Скиба, начальник школы почти всегда ставил отчеты Ватутина в пример за их обстоятельность и четкость изложения.

Первый курс школы Ватутин закончил на «отлично». За успехи в учебе и службе его назначили вначале командиром курсантского отделения, а через год — помощником командира взвода.

В полтавскую пехотную школу неоднократно приезжал М. В. Фрунас, внимательно следивший за обучением и воспитанием будущих красных командиров. Стоит ли

говорить, с какой радостью и гордостью встречали его курсанты. Михаил Васильевич бывал на учениях, которые проводились с курсантами, на стрельбищах и в учебных классах. Николай Ватутин на всю жизнь запомнил его призы учиться не только умению вождения войск, но и мастерству воспитания людей, формирования у них высоких морально-боевых качеств.

А учиться было нелегко. И не только из-за предельной загруженности учебной программы. По всей стране еще свирепствовал и голод. В 1921 году Поволжье, некоторые районы Украины и родную Ватутицу Воронежскую губернию охватила сильная засуха. Однажды на вечерней поверке И. П. Сальников зачитал курсантам воззвание Центральной комиссии помощи голодающим ко всем рабочим и крестьянам, ко всем гражданам РСФСР. На глаза Николая Ватутина навертывались слезы. Всего несколько дней назад он получил из родного села страшное известие: от голода умерли его отец, дед и самый младший брат Егор. Очень плох был и старший брат Афанасий. Обдирая кору со старой вербы (ее затем сушили, толкли и употребляли в пищу), он упал с дерева и серьезно повредил грудную клетку.

На той вечерней поверке состоялся митинг. Выступил на нем и Николай Ватутин. Он сказал, что отказывается от трехдневного пайка хлеба. Его единодушно поддержали. Было решено: каждому курсанту школы отчислить в фонд помощи голодающим свой трехдневный хлебный паек.

1 октября 1922 года курсанты 14-й полтавской пехотной школы были построены вблизи своего лагеря — на историческом поле Полтавской битвы. На правом фланге по команде «Смирно» застыли восемьдесят первых выпускников. На это торжество приехал М. В. Фрунзе, командовавший в то время вооруженными силами Украины

и Крыма. Поднявшись на трибуну, Михаил Васильевич вычитал приказ о производстве курсантов в краскомы и назначении их на командные должности.

Ватутин с нетерпением ждал, когда же назовут и его фамилию. Наконец услышал: «...Ватутин Николай Федорович, назначается командиром взвода в 67-й стрелковый полк 23-й стрелковой дивизии».

Затем уже бывшие курсанты стали выходить из строя для прощания со Знаменем школы. Подошла очередь и Ватутина. Печатая шаг, он подошел к трибуне, около которой рядом со знаменосцами стоял М. В. Фрунзе. С волнением опустился на колени и прикоснулся губами к алому шелку Знамени. Когда поднялся, М. В. Фрунзе крепко пожал ему руку.

Молодые командиры в четком строю прошли мимо трибуны, а через некоторое время собрались в огромном зале школьной столовой. Едва утих заволнованный шум, как в дверях появился улыбающийся М. В. Фрунзе. Выпускники бросились к нему и на руках отнесли к почетному месту за столом.

Перед М. В. Фрунзе, как и перед каждым из выпускников, стояла солдатская кружка с киселем и лежал кусок пирога с капустой. Михаил Васильевич встал, любовно оглядел вчерашних курсантов и сказал, что каждый из них вместе с другими командирами становится с этого дня хребтом армии, основой ее военной мощи.

Михаил Васильевич напомнил, что враги Республики Советов не оставили надежд задуть ее, что они готовятся к нападению и что надо быть на страже. Он призвал молодых командиров охранять завоевания революции, подчеркнуть, что нет выше счастья, чем сражаться за Советскую Республику, за дело Коммунистической партии.

После окончания полтавской пехотной школы Н. Ф. Ватутину, как и остальным выпускникам, был предоставлен

трехнедельный отпуск. Он решил провести его среди родных, в селе Чепухино.

..Едва раздав купленные на первую командирскую полочку подарки и пообедав, Николай пачал облачаться в старенький армячок.

— Ты что это надумал, сынок? — забеспокоилась мать, Вера Ефимовна.

— Да крышу собираюсь подновить, — ответил Николай. — Вон как ее ветром порастрепало. Солома-то есть?

— Есть. Только б ты, сынок, не спешил с этим делом, отдохнул.

— Не люблю дела на потом откладывать. К тому ж мы с Павлом часа за три управимся.

— Как знаешь, — сдалась мать. Но тут же не вытерпела, добавила: — Мне ж, сынок, пока светло, хотелось бы с тобой по селу пройтись. И чтоб на тебе форма была. А ты вон как вырядился.

— Ничего, не одежда красит человека! — засмеялся Николай. — Ну а в форме мы с тобой еще успеем пройтись. Не на один же день я приехал.

С крышей пришлось провозиться почти дотемна. И вот, умывшись и поужинав, Николай надел военную форму, надраил до блеска хромовые сапоги.

— Куда же это ты на ночь глядя? — снова забеспокоилась мать.

— В Вороновку.

— Никак, к Танюшке Ивановой?

— К пей.

— Неужто жевиться надумал?

— А что? Согласится — женюсь.

— Как же так? — засуетилась Вера Ефимовна. — Вот так сразу...

— А почему сразу? Мы же с ней с детства дружим.

Они поженились, а в конце октября 1922 года уехали в Чугуев, где в то время размещался 67-й стрелковый полк.

С жильем в городе было плохо. Большинство комсоставских семей снимали частные квартиры, и не только в Чугуеве, но и в окрестных деревнях. Ватутины приглядели небольшую крестьянскую хатку в деревне Малиновке. Чтобы вовремя успеть в полк, Николаю приходилось вставать чуть свет. Домой он возвращался поздно. И каждый раз, наскоро поужинав, садился заниматься с женой. Татьяна Романовна оказалась способной ученицей и успешно овладевала грамотой. А со временем все так же с помощью мужа она стала всесторонне образованным человеком.

Службу в полку Ватутин начал с приема молодого пополнения. Это были в основном крестьянские парни, в лаптях, в ливялых картузах, в домотканых свитках. Точно таким же совсем недавно был и он сам. А вот теперь он их командир. Как-то сложатся у него взаимоотношения с ними? Ведь он еще должен стать для этих парней и тем, кем был для него когда-то первый сельский учитель. Прежде всего новобранцев надо научить читать и писать, чтобы они смогли быстрее овладеть вверенным им оружием, осмысленно действовали в учебном, а если потребуется, то и в настоящем бою.

От командиров отделений Ватутин требовал, чтобы те, прежде чем отдать приказание, хорошенько обдумывали его. Ведь из-за ошибки командира у молодого красноармейца может сложиться неправильное представление о воинской службе. Ватутин постоянно напоминал, что веляя неумелого бойца упрекать в нерадивости, а тем более наказывать. А вот поддерживать, всячески помогать ему овладевать военным делом следует обязательно.

Н. Ф. Ватутин старался стать для подчиненных примером во всем. Он был прекрасным строевиком, метко стрелял, мог с завязанными глазами за считанные секунды разобрать и собрать наган, винтовку или пулемет любой системы. Это поднимало его в глазах бойцов, вызывало у них стремление быть похожими на своего командира.

К середине года завод Ватутина уже заметно отличался от других своей слаженностью, крепкой воинской дисциплиной, высокими показателями в учебе. А к концу года он стал отличным. Успех молодого командира был замечен вышестоящим командованием. Ватутину предложили продолжить учебу в Киевской высшей объединенной военной школе. Он с радостью согласился и в январе 1924 года, сдав дела новому командиру, уехал в Киев.

В Киевской высшей объединенной военной школе в годичным сроком обучения проходили переподготовку молодые краскомы, имеющие среднее военное образование и получившие опыт на полях сражений гражданской войны.

Снова потекли дни и месяцы напряженнейшей учебы. Ватутин занимался очень старательно, не давая себе передышки даже в выходные дни.

Незаметно подошло лето. Слушатели выехали в Дарницкие лагеря, располагавшиеся на левом берегу Днепра. Здесь они отрабатывали тактические вопросы, производили топографические съемки местности, учились форсированию такой мощной водной преграды, как Днепр. В лагерях Ватутин написал на имя начальника школы рапорт, в котором просил разрешить сдать выпускные экзамены досрочно. Командование пошло ему навстречу. В конце июля Ватутин вернулся в Чугуев, в 67-й стрелковый полк, и получил назначение на должность помощника командира роты полковой школы, а через полгода Н. Ф. Ватутин становится командиром стрелковой роты. Это подразделение было отстающим. Новый командир за короткий срок вывел его в передовые.

В аттестации Н. Ф. Ватутина в тот период было записано: «Сила воли развита в высшей степени. Энергичный. Авторитетный. Служит примером для комсостава полка. Здоров. Вынослив. В обстановке разбирается хорошо. Оценивает правильно. Твердо знает свое дело. К себе в подчиненным требователен. Хороший стрелок. Методист стрелкового дела. Любит военную службу».

А вот Ватутин был недоволен собой. Не раз говорил жене: «Знаний, знаний мне. Таюша, не ххатает».

В 1928 году ему разрешали сдавать вступительные экзамены в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

С огромным волнением переступил он порог небольшого здания академии на Кропоткинской улице в Москве. Вступительные экзамены длились почти месяц. И вот наконец в фойе, на доске объявлений, был вывешен список тех, кто принят. Почти в самом начале его Николай Федорович прочитал и свою фамилию.

И снова Ватутин в пути. Он возвращается в Чугуев, чтобы сдать роту новому командиру. В кармане — предписание, выданное в академии на имя командира 23-й стрелковой дивизии: «Слушателя Ватутина Н. Ф. откомандировать в распоряжение начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе».

Начались занятия. Все было подчинено одной цели — как можно лучше усвоить то, чему учат в академии. Преподаватели сразу же подметили у Ватутина такие черты, как целеустремленность, настойчивость, глубина тактического мышления, прозорливость, умение в нужный момент пойти на обоснованный риск, быстро принять решение и провести его в жизнь. «Не признает шаблона. Склонен к ведению маневренного боя. Умеет трезво оценивать самые сложные ситуации и находить оптимальные варианты выхода из них». Так были оценены военные знания Николая Федоровича уже к концу первого года учебы.

В академии Ватутин впервые столкнулся со штабной службой и полюбил ее. В то же время он все больше и больше увлекался военной историей. Овладевая марксистским методом ее познания, Ватутин учился оценивать милувшие события исходя прежде всего из тех экономических условий и предпосылок, которые определяли состояние развития оружия и боевой техники, организацию и тактику войск.

Но ни одна из войн мировой истории так не обогатила его знания, как опыт недавно отгремевшей гражданской войны. Изучая ход этой войны, сравнивая ее со многими другими, Ватутин видел, что Красная Армия была единственной армией в мире, которая побеждала в невероятно трудных, зачастую в стратегически невыгодных для нее условиях. И он знал, что это стало возможным благодаря могучей революционной силе народа, который под руководством Коммунистической партии поднялся на борьбу за свою родную Советскую власть.

Н. Ф. Ватутин был избран членом бюро партийной организации третьего курса. К партийной работе он всегда относился как к делу первостепенной важности. Любое партийное поручение выполнял с большим желанием, проявляя при этом инициативу. Однажды ему предложили выступить со статьей в выпускаемом в академии сборнике и поделиться опытом организации партийной работы на курсе. Он согласился. Статья, по всеобщему признанию, получилась хорошей. «Главнейшей задачей нашей партработы, — говорилось в ней, — являлась постоянная и бдительная забота об укреплении идеологической устойчивости наших рядов на основе генеральной линии партии». Говоря об успехах слушателей, Николай Федорович подчеркивал, что они стали возможны благодаря правильному партийному руководству в масштабе всей академии. «Только при этом условии, — писал он, — мы могли в основной массе воспитать партийца-большевика, активного и непримиримого борца за ленинскую линию нашей партии, воспитать новую когорту строителей Красной Армии в духе решений нашей партии, решений пленумов РККА и на основе единства всего начсостава».

Закапчивалась статья словами: «Уходя из академии, мы желаем, чтобы опыт нашей работы был учтен, чтобы академия организовала прочную связь со своими питомцами, а о себе мы говорим: «Мы готовы к работе в РККА».

Учеба в академии подходила к концу. 1 мая 1929 года Н. Ф. Ватутин был в числе участников военного парада на Красной площади. Выпускной курс по традиции шел впереди остальных батальонов академии. После прохождения мимо Мавзолея им разрешили остаться на Красной площади и посмотреть парад боевой техники и демонстрацию трудящихся столицы.

А вскоре начались выпускные экзамены. Н. Ф. Ватутин сдал их блестяще и был назначен на должность помощника начальника оперативного отделения 7-й стрелковой дивизии, штаб которой в то время находился в Чернягове. Поскольку Ватутин был единственным человеком в соединении, имеющим академическое образование, командование поручило ему проводить со штабными работниками дивизии в полков занятия по тактической подготовке. Николай Федорович успешно справился с этим заданием.

Через полтора года Н. Ф. Ватутина переводят в штаб Северо-Кавказского военного округа на должность помощника начальника одного из отделов штаба. И на этой работе Николай Федорович зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Его ценили за то, что, выезжая в войска, он всегда искал новое, поучительное, глубоко изучал и грамотно обобщал опыт передовых частей и соединений. Так, в одном из приказов по штабу СКВО отмечалось, что «проведенные под руководством Ватутина Н. Ф. опытные учения дали богатый материал по организации управления войсками». В другом ему объявлялась благодарность «за добросовестное и вдумчивое инспектирование войск и за ряд ценных предложений».

Однако Николай Федорович мечтал о самостоятельной работе. Просил отправить его в войска. Ему пошли навстречу, назначив начальником штаба 28-й горнострелковой дивизии.

В те годы в стране быстрыми темпами развивалась социалистическая индустрия. В армию поступали новей-

ние по тому времени отечественная боевая техника и оружие. Совершенствовались тактика, оперативное искусство. Все это предъявляло повышенные требования к командному составу, к руководству войсками. И в 1934 году Н. Ф. Ватутин снова переступил порог Военной академии имени М. В. Фрунзе, чтобы продолжить учебу на курсах усовершенствования командного состава.

Учиться было интересно, тем более что рядом были такие сокурсники, как Ф. И. Толбухин, А. И. Антонов, И. С. Конев, прекрасно подготовленные в военном отношении командиры, имеющие богатый опыт армейской службы. Ватутину, находящемуся на стороне то «синих», то «красных», не раз приходилось меряться с каждым из них силами,водя условные полки и дивизии в наступление, организуя прочную оборону.

По окончании курсов на каждого слушателя были написаны характеристики. Их лично просматривал и утверждал начальник академии Б. М. Шапошников — прекрасный педагог, человек глубокой эрудиции, ставший впоследствии Маршалом Советского Союза. Когда дошла очередь до характеристики на Н. Ф. Ватутина, Б. М. Шапошников вписал в нее такую строку: «По всем вопросам имеет свое самостоятельное суждение». По свидетельству очевидцев, это был его наивысший отзыв о человеке.

Некоторое время Ватутин продолжал службу в своей горнострелковой дивизии. Но вскоре его назначили начальником отдела штаба Сибирского военного округа. Здесь он принимает деятельное участие в инспектировании войск, в подготовке и проведении учений. Воочию видит, как неузнаваемо изменилась наша армия. На вооружение поступали новейшие танки, увеличилось количество автоматического оружия, артиллерия переводилась на механизированную тягу. Словом, армия вступала в машинный период, который конечно же стал предъявлять к командирам и штабам более высокие требования. И хотя за плечами у Ватутина были уже академия и курсы

усовершенствования, все равно он чувствовал, что знания ему подчас не хватает.

Словно разгадав душевное состояние молодого начальника отдела штаба, командование Сибирского военного округа в 1936 году посылает его на учебу в Академию Генерального штаба. Но закончить академию Н. Ф. Ватутина не довелось. После успешной сдачи экзаменов за первый курс он, получив отпуск, поехал вместе с Татьяной Романовной на курорт. А через неделю получил телеграмму, в которой ему предлагалось срочно вернуться в Москву.

В поезде мучался в догадках — почему такая спешность? Обстановка прояснилась в Москве: начальник академии объявил, что его, Ватутина, и еще нескольких слушателей приказано отозвать из академии и направить в войска.

В Главном управлении кадров Н. Ф. Ватутина вручили предписание и предложили в этот же день убыть в столицу Украины и вступить там в должность заместителя начальника штаба Киевского военного округа¹.

На новой должности Николай Федорович проработал год с небольшим и уже в конце 1938 года стал начальником штаба округа.

В войсках сразу же почувствовали, что штаб возглавил энергичный, прекрасно знающий свое дело начальник. Учения он проводил в обстановке, максимально приближенной к боевым условиям.

Н. Ф. Ватутин не терпел формализма и волокиты. Любой вопрос, в котором к нему обращались, решал быстро и четко. В отношениях с подчиненными всегда сохранял спокойствие и корректность. И если видел, что кому-то что-либо не ясно, терпеливо объяснял, советовал, учил. Это еще больше поднимало его авторитет в глазах подчиненных.

¹ С июля 1938 г. Киевский Особый военный округ (КОВО).

Службу Н. Ф. Ватутин сочетал с большой общественной и партийной работой. С 1938 по 1939 год он был членом партбюро штаба округа, а на XV конференции Коммунистической партии Украины его избрали членом Центральной ревизионной комиссии ЦК КП(б)У.

За массой дел Ватутину, всегда заботившемуся о других, часто некогда было подумать о самом себе. В его личном деле, относящемся к периоду службы в КОВО, из года в год шла одна и та же записка: «Очередным отпуском не пользовался...»

Обстановка в мире становилась все более тревожной. Немецко-фашистские войска оккупировали Чехословакию, а 1 сентября 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу. Войска КОВО в этих условиях тоже вынуждены были двинуться на запад, чтобы взять под защиту мирное население Западной Украины.

В выполнении этой исторической задачи участвовал и Н. Ф. Ватутин. Итогом были вот эти строчки в его аттестации: «Всесторонне развит, с большим кругозором, прекрасно работал по руководству отделами штаба, проявил большую оперативность и способность руководить войсковыми соединениями.

...В период освобождения единокровных братьев-украинцев Западной Украины из-под гнета польских панов, капиталистов как начальник штаба округа показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией».

Летом 1940 года генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин возглавил оперативное управление Генштаба. В этой должности он проработал несколько месяцев, после чего был назначен заместителем начальника Генштаба.

Коммунистическая партия и Советское правительство с обоснованным беспокойством следили за тем, как фашистская Германия, поощряемая международным империализмом, бесцеремонно перекраивает на свой лад кар-

ту Европы. Война уже подступила непосредственно к западным границам Советского Союза.

В начале января 1941 года Н. Ф. Ватутина вызвал начальник Генерального штаба РККА генерал армии К. А. Мерецков.

— Серьезное дело вам поручается, Николай Федорович, — сказал он. — Нужно подготовить доклад о состоянии железных дорог в приграничных военных округах. Сопровождение у наркома состоится в феврале, так что, сами понимаете, времени у вас мало.

— Исно, — кивнул Ватутин. — Когда представить доклад для просмотра?

— Принесете его не мне, а новому начальнику Генштаба. Ну а я... Уже есть приказ о переводе меня на другую работу.

— А кто, если не секрет, возглавит Генштаб?

— Генерал армии Жуков.

— Георгий Константинович?

— Да. Приказ о его назначении уже подписан. Правда, пока он еще в Киеве, сдает дела.

От Мерецкова Ватутин вышел взволнованным. Всего лишь полтора года назад Георгий Константинович Жуков, будучи еще тогда командующим Киевским Особым военным округом, как говорится, благословлял его, Ватутина, на службу в Генеральный штаб. И вот теперь их дороги снова сходятся.

Весь январь Николаю Федоровичу пришлось работать с небывалым напряжением. Он, можно сказать, дневал и ночевал в своем кабинете. И все же к концу месяца доклад был в основном готов.

31 января в Москву приехал Г. К. Жуков. На следующий день он вызвал к себе Н. Ф. Ватутина.

Когда Николай Федорович вошел в кабинет нового начальника Генштаба, Жуков сидел за столом, углубившись в чтение какого-то документа. На негромкий стук двери вскинул голову, кивнул, жестом показал на кресло.

— Присаживайтесь, Николай Федорович. Прошу минутку подождать.

Георгий Константинович почти не изменился. Лишь на лбу вроде бы прибавилось морщин.

Закончив чтение документа, Жуков отложил его в сторону, тяжело вздохнул, поднялся, обогнул стол и уселся напротив Ватутина. Сказал, заметно оживляясь:

— Ну, во-первых, вам большущие приветы от бывших сослуживцев. Перед отъездом из Клева ко мне целые делегации шли. Помнят вас. — Откинулся в кресле, положил руки на подлокотники. Не спросил — потребовал: — А теперь рассказывайте, как вы здесь. Успели войти в курс дел?

— Да как сказать, Георгий Константинович, — пожал плечами Ватутин. — Кто-то освоил, но чтоб полностью...

— Не скромничайте, Николай Федорович. С вашей-то работоспособностью да знаниями. Мерецков очень хорошо о вас отозвался. — Помолчав, добавил: — Мне сейчас тоже нелегко. Еще позавчера войсками округа командовал, а сегодня... Ни людей, ни специфики работы не знаю. А время очень тревожное. Серьезные дела надвигаются, очень серьезные. Война, можно сказать, у нашего порога. — Георгий Константинович потер выпуклый лоб, энергично поднялся с кресла: — Ладно, хватит об этом. — Пошел на свое место, спросив на ходу: — Февральское совещание у наркома помните?

— Конечно, — кивнул Ватутин. — Уже и доклад по своему вопросу подготовил. Вот он, при мне, — показал палку, которую все это время держал в руках. — Будете с ним знакомиться?

— Непременно. Оставьте. Вы, если не ошибаюсь, вопрос о состоянии железных дорог в приграничных военных округах готовили?

— Так точно.

— Первым будете докладывать, — предупредил Жуков. — Нарком очень этим вопросом интересуется.

— Понятно.

— У меня пока все, Николай Федорович. Будет время, еще поговорим.

Жуков пригласил Ватутина уже на следующий день. На этот раз Георгий Константинович был более сдержан.

— С докладом я ознакомился, — сказал он. — По моему, Николай Федорович, слишком уж мрачная картина в нем парисована. Думаю, парком будет недоволен.

— Доклад составлен на основании реального положения дел, Георгий Константинович, — твердо ответил Ватутин. — Что-то сглаживать в нем я не считал необходимым. Вот документы, на основании которых составлялся доклад.

— Что ж, посмотрим.

Они просидели тогда почти всю ночь. Наконец Жуков отложил в сторону карандаш, удовлетворенно произнес:

— Все верно. Спасибо, Николай Федорович. Так и будем докладывать наркому.

Как и предупреждал Г. К. Жуков, на совещании, на котором рассматривались вопросы о ходе строительства укрепленного рубежа вдоль государственной границы, состоянии железных, шоссеиных, грунтовых дорог и средств связи, первым предоставили слово Н. Ф. Ватутину.

— Приграничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск, — сказал в начале своего выступления Ватутин.

Маршал С. К. Тимошенко с удивлением взглянул на него, затем на Жукова, который утвердительно кивнул головой.

— Об этом свидетельствуют следующие цифры, — продолжал Николай Федорович. — Железные дороги немцев, идущие к границам Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки. Наша же литовская дорога, подходящая к границам Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело и на территории Западной Белоруссии и Западной Украины: здесь у нас почти вдвое

меньше железнодорожных линий, чем у вероятного противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести...

Нарком обороны заметил, что еще в 1940 году по заданию ЦК ВКП(б) Наркомат путей сообщения разработал семилетний план технической реконструкции западных железных дорог.

— Да, я знаю об этом плане, — сказал Ватутин. — Однако докладываю, что пока ничего серьезно не сделано, кроме перешивки колес и элементарных работ по приспособлению железнодорожных сооружений под погрузку и выгрузку войск и вооружения.

Маршал С. К. Тимошенко несколько раз просил докладчика более подробно остановиться на том или ином разделе. Прекрасная подготовленность Николая Федоровича, обширный и тщательно выверенный материал помогли ему убедительно осветить самые сложные вопросы.

Позднее, вспоминая о своей работе в Генеральном штабе, Г. К. Жуков отмечал, что Николая Федоровича отличали исключительное трудолюбие и широта стратегического мышления». Работал Ватутин, как правило, по 16—18 часов в сутки, случалось, что и неделями не выходил из здания Генерального штаба. Его часто, особенно в первые месяцы совместной работы, вызывал на доклады и консультации Г. К. Жуков. Нередко эти вызовы приходились на два-три часа ночи, и Ватутин без задержек являлся в кабинет начальника Генштаба.

В феврале 1941 года Н. Ф. Ватутин был награжден орденом Ленина.

Накануне войны в Генштабе наряду с многими другими вопросами составлялись и корректировались мобилизационные планы Вооруженных Сил страны, их стратегического развертывания. В марте была закончена разработка мобилизационного плана для промышленности

по производству носимой продукции на случай начала боевых действий.

Но на дель не прекращалась работа и над оперативным планом, который предусматривал проведение необходимых мероприятий на случай нападения агрессора на Советский Союз. Общее руководство этой сложной и ответственной работой осуществлял Н. Ф. Ватутин, а непосредственными исполнителями ее были работники оперативного управления Генерального штаба Г. К. Маладин, А. М. Василевский, А. Ф. Анисов и др.

Ватутину приходилось выезжать и в войска. Так, в апреле 1941 года он проводил командно-штабное учение в Лепицградском военном округе. Он собирался провести учения и в Закавказском военном округе, которые должны были состояться в мае. Однако из-за тревожной обстановки на западной границе поездку в Тбилиси пришлось отменить. Руководить учениями поручили генерал-майору М. Н. Шарохину.

Утром 21 июня в кабинет Ватутина зашел Жуков.

— Вот что, Николай Федорович. Нельзя так себя изматывать. Завтра на работу не выходить. Поезжайте за город, на Шахру. Покупайтесь, позагорайте.

— Хорошо, Георгий Константинович.

Вечером Ватутин собрал бумаги, положил их в сейф. Протянул руку к телефонной трубке, чтобы вызвать машину, но требовательный звонок опередил его. Звонил Жуков.

— Еще на месте? — спросил он. — Зайдите-ка ко мне.

Г. К. Жуков, заложив руки за спину, прохаживался у стола. Увидев Ватутина, остановился, сказал:

— Только что звонил Пуркаев¹. Сообщил тревожную

¹ В то время генерал-лейтенант М. А. Пуркаев был начальником штаба Киевского Особого военного округа.

весть. К нашим пограничникам перебежал немецкий фельдфебель. Утверждает, что их войска уже выходят в пехотные районы для наступления, которое начнется рано утром 22 июня. Что думаете по этому поводу?

— А что тут думать, — пожал плечами Ватутин. — Значит, война...

— Я тоже такого же мнения, — кивнул Жуков. Помолчал. И добавил: — Я уже доложил о звонке Пуркаева наркому и Сталину. И еще. Набросал вот вчерне проект директивы о приведении войск в боевую готовность. Ознакомьтесь, может, что следует добавить.

Ватутин прочитал проект директивы.

— По-моему, добавлять здесь нечего. Все предельно ясно. Вот только утвердит ли эту директиву Сталин?

— Нужно, чтобы утвердил. — Георгий Константинович снова прошелся взад-вперед по кабинету. Сказал: — Сейчас жду звонка от Тимошенко. Договорились ехать по этому поводу в Кремль... Думаю, что и вам следует поехать с вами, мало ли что потребуется.

— Я готов.

И. В. Сталин находился в кабинете один. Он был тоже сильно озабочен известием из Киева.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил Иосиф Виссарионович, пристально глядя на наркома обороны.

— Нет, товарищ Сталин, — ответил Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

— Что будем делать?

— Нужно немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — твердо сказал нарком. — Проект такой директивы генерал армии Жуков уже имеет.

— Читайте, — повернулся к Жукову Сталин.

Выслушав, прошелся взад-вперед по кабинету. Затем остановился, покачал головой:

— Нет, такую директиву сейчас давать преждевременно. Может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Сказано это было так, что все находящиеся в кабинете поняли: это решение окончательное. Г. К. Жукову и Н. Ф. Ватутину пришлось идти в другую комнату и срочно составлять проект новой директивы. Ее текст гласил:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.»¹

Вернувшись в кабинет, Жуков и Ватутин попросили разрешения доложить. Сталин, прослушав проект директивы, взял его и еще раз молча перечитал. Сев за стол, сделал несколько незначительных поправок и передал проект Тимошенко для подписи.

Затем Ватутин уже с подписанной директивой выехал в Генеральный штаб. Ему было приказано еще до возвращения Жукова и Тимошенко передать ее в округа.

Передача директивы была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 года. После чего Николай Федорович вернулся в свой кабинет. Всем работникам Генштаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. До начала войны оставалось всего несколько часов.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Под утро 22 июня Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин вызвал С. К. Тимошенко, чтобы обсудить очередное доведение от начальника штаба Киевского Особого военного

¹ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971, с. 233—234.

округа М. А. Шуркаева. Стало известно, что кроме фельдфебеля к советским пограничникам, переплыв в сумерках реку, явился солдат из 222-го немецкого пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он тоже утверждал, что 22 июня немецкие войска перейдут в наступление, даже назвал время его начала.

— События действительно приобретают весьма опасный характер, — прохаживаясь по кабинету, заключил Тимошенко. — И провокация тут, думаю, исключена. Дело идет к войне.

В этот момент на столе наркома зазвонил телефон.

— Георгий Константинович, — обратился Тимошенко к Жукову, — возьмите трубку.

Жуков поднял ее, назвал себя. С минуту, хмурясь, слушал. Затем сказал:

— Хорошо, сейчас доложу наркому.

— Кто это? — спросил Тимошенко.

— Командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский. Докладывает, что система ВНОС флота засекла подход со стороны моря большого количества неизвестных самолетов. Флот находится в полной боевой готовности. Октябрьский просит указаний.

— А каково его решение?

Жуков передал вопрос наркома Октябрьскому. Выслушал ответ.

— У командующего флотом решение одно, товарищ нарком: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

— Пусть действует, — после некоторого колебания сказал Тимошенко. — Только доложит своему наркому.

Жуков передал эти слова адмиралу Октябрьскому и положил трубку.

Некоторое время в кабинете стояла напряженная тишина. Нарушил ее Жуков. Глянув на часы, он сказал:

— Сейчас три часа двадцать минут. Разговор наш длился минуты три, не больше. Значит, Октябрьский по-

звонил где-то в три семнадцать. — Снова взглянул на часы, покачал головой: — Да, дела... Похоже, начинают сбываться самые худшие наши опасения. — Спросил у наркома: — Будем звонить в Кремль?

— Непременно, — кивнул Тимошенко. — Хотя... Георгий Константинович, свяжитесь-ка снова с Октябрьским, узнайте, что у них там происходит. А уже потом доложим Сталину.

— Хорошо.

Едва Жуков протянул руку к телефону, как тот зазвонил. На проводе был начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В. Е. Климовских. Он доложил о налете немецкой авиации на ряд городов Белоруссии.

Затем доклады стали следовать один за другим. В 3 часа 35 минут генерал М. А. Пуркаев сообщил о бомбежке городов Украины, в 3 часа 40 минут командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал Ф. И. Кузнецов доложил о воздушном налете на Каунас и другие города Прибалтики¹.

По указанию Тимошенко Жуков позвонил Сталину, доложил ему обстановку и попросил разрешения начать ответные боевые действия.

— Презжайте с Тимошенко в Кремль, — приказал Сталин.

После их отъезда уже Ватутин стал принимать сообщения из округов. В начале пятого Западный и Прибалтийский военные округа доложили, что на их участках немецко-фашистские войска начали боевые действия. Николай Федорович тут же продублировал это сообщение в Кремль. Последние сомнения развеялись: это война.

С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков возвратились из Кремля утром.

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1983, т. 2, с. 8.

— Есть что-нибудь новое? — спросил парном у Ватутина.

— Товарищ маршал, противник нанес сильные бомбовые удары по многим аэродромам Западного, Киевского и Прибалтийского военных округов.

— Потери большие? — заинтересовался Жуков.

— Серьезно пострадали в первую очередь авиаэскадры, не успевшая подняться в воздух и рассредоточиться по полетным аэродромам, — доложил Ватутин. — Кроме того, бомбардировке подверглись многие города и железнодорожные узлы Прибалтики, Белоруссии, Украины, военно-морские базы Севастополя и в Прибалтике...

— А как обстоят дела на сухопутном фронте? — спросил Тимошенко.

— Огнесточивые бои идут сейчас едва ли по вдоль всей нашей западной границы. Единственным исключением пока — участок Одесского военного округа. На многих других участках немцы вступили в бой с передовыми частями Красной Армии.

— Какова обстановка на участке Ленинградского военного округа?

— Там пока спокойно.

Кроме того, Ватутин доложил, что из западных военных округов сообщают об активных действиях вражеской агентуры и диверсионных групп. В частности, они нарушают линии связи, поэтому штабы округов и армий зачастую не имеют возможности достаточно быстро передавать свои распоряжения в войска. Штабы нередко получают из различных источников неверные сведения, иногда даже провокационного характера.

А вскоре С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин приехали в Кремль, чтобы доложить И. В. Сталину проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования.

Проект постановления о создании Ставки ГК

И. В. Сталин оставил у себя, чтобы обсудить его на заседании Политбюро, а проект Указа о проведении мобилизации, частично сократив, передал А. Н. Поскребышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета.

С 22 июля Прибалтийский, Западный и Киевский Особые военные округа были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты.

Ватутин стал исполнять обязанности начальника Генерального штаба, поскольку Жуков был срочно направлен на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования, хотя она официально еще и не была создана¹.

Перед отъездом Жуков обратил внимание на необходимость получения возможно более точных данных о положении в наших войсках.

Ватутин и сам прекрасно понимал, что нарушение управления ими, не говоря уже о его полной потере, значительно осложняет организацию отпора врагу. Ведь отсутствие постоянной связи с соединениями и подчиненными штабами лишает командиров и штабы оперативного и стратегического звеньев возможности получать регулярную информацию о реальном ходе событий и порождает большие трудности в осуществлении контроля за развитием боевых действий.

Однако, несмотря на самые энергичные меры, Н. Ф. Ватутину так и не удалось к исходу 22 июня получить от штабов фронтов, армий и ВВС точные сведения о положении на фронтах, о глубине проникновения врага на советскую территорию. Отсутствовали данные о потерях в авиации и в наземных войсках. Ником не удавалось связаться с командующими фронтами Ф. И. Кузнецовым и Д. Г. Павловым.

И все же уже ночью из штаба ВВС сообщили, что бой

¹ Состав Ставки ГК был объявлен 23 июня.

идут в районах наших укрепленных рубежей и частично в 15—20 километрах в глубине территории Советского Союза.

В последующие четверо суток положение на фронтах еще больше осложнилось. Николай Федорович за это время вконец сорвал голос, отдавая по телефону распоряжения и принимая сообщения из войск, сильно осунулся. Но на предложение А. М. Василевского хотя бы на несколько часов подменить его (Ватутин все четверо суток почти не спал) ответил категорическим отказом. Время, мол, такое, что не до сна.

26 июня Николай Федорович связался с командным пунктом Юго-Западного фронта. Попросил к аппарату Жукова. Доложил ему, что наиболее неблагоприятная обстановка сложилась на Северо-Западном фронте. 8-я армия этого фронта отходит к Риге, а 11-я с тяжелейшими боями — в направлении Полоцка.

— Какие приняты меры? — спросил Жуков.

— Для усиления фронта перебрасывается из Московского военного округа 21-й механизированный корпус, — ответил Ватутин.

— Что ж, верное решение, — одобрил Георгий Константинович. — На первое время это неплохое усиление. Мехкорпус — это сила! Да и командир его... Я знаю Лелюшенко, он сделает все от него зависящее. Ну а в последующем... В последующем подумаем уже вместе, Николай Федорович. По приказу Ставки я сегодня вылетаю в Москву. — Жуков помолчал и добавил после паузы: — Вижу, что вы до предела вымотались, а, Николай Федорович?

— А кому сейчас легко, Георгий Константинович? — вопросом на вопрос ответил Ватутин. — Тем, кто сейчас в боях, думаю, еще труднее.

— Это верно, — тяжело вздохнул Жуков.

Положение на Северо-Западном фронте ухудшалось с каждым часом. Правда, 8-й армии генерала П. П. Со-

белышкова и 11-й армии генерала В. И. Морозова удалось избежать окружения. Но они из-за недостаточной организованности командования войск фронта продолжали отходить в расходящихся направлениях, неся при этом большие потери. В еще более трудном положении оказалась 27-я армия, которой командовал генерал Н. Э. Берзарин. Ее, сражавшуюся в районе Даугавпилса, уже обтекали танковые клещи врага, готовые вот-вот сомкнуться. Вот почему Ватутин на помощь именно этой армии и наделил усилия 21-го механизированного корпуса генерала Д. Д. Лелюшенко...

26 июня гитлеровцы крупными силами форсировали Западную Двину и захватили Даугавпилс. Но подошедший в это время корпус Лелюшенко с ходу вступил в бой и остановил дальнейшее продвижение противника, довольно сильно потрепав 56-й моторный корпус противника. Правда, успех 21-го механизированного корпуса дал выигрыш во времени немногим более суток (вскоре под давлением превосходящих сил противника он тоже вынужден был отойти и занять новый рубеж обороны), но и этого оказалось достаточно, чтобы выручить из беды 27-ю армию.

С возвращением Жукова Ватутину стало легче. Во всяком случае, теперь он мог выкроить несколько часов в сутки на отдых. Спал в кабинете не раздеваясь.

Утром 30 июня Жуков вызвал Ватутина. Когда Николай Федорович вошел в его кабинет, Георгий Константинович разговаривал по телефону. Увидев своего заместителя, кивнул, сказал в трубку:

— А вот он как раз у меня... Хорошо... Нет, лучше не одного, а с группой. Да, конечно, товарищ маршал. Слушаюсь.

Положил трубку, пояснил:

— Тимошенко. Звонит уже второй раз. И все по Северо-Западному фронту. Предлагает послать туда пред-

ставителей из Генштаба, чтобы разобраться во всем на месте. Возглавить группу придется вам.

— Когда ехать?

— Желательно сегодня же.

— Я готов.

— Желаю удачи, Николай Федорович.

Вернувшись к себе, Ватутин позвонил жене. Попросил собрать в дорогу необходимые ему вещи. Предупредил, что к вечеру заедет на несколько минут домой.

Из Москвы Николай Федорович выехал со своей группой на нескольких машинах. Смеркалось. На Ленинградском шоссе водители держали достаточно высокую скорость. Но затем пришлось петлять по проселочным и лесным дорогам. Чем ближе подъезжали к Пскову, тем чаще навстречу попадались беженцы. То и дело на дорогах возникали пробки, особенно у переправ. Слухи были одни тревожнее другого. Говорили, что фашистские танки вот-вот будут в Пскове, что Новгород полностью разрушен вражеской авиацией.

Машины продвигались вперед с большим трудом. Николай Федорович, оглядываясь по сторонам, недовольно хмурился: «Беженцы — это понятно. Но почему среди них бойцы и даже командпры? Окруженцы, отбившиеся от своих частей?»

Около одной из групп красноармейцев, расположившихся на отдых прямо на пыльной обочине, приказал водителю остановить машину. Бойцы поднялись, начали приводить себя и свою амуницию в порядок. К Ватутину подбежал и вскинул руку к пилотке худощавый сержант. Но ничего не доложил, даже не представился.

— Откуда? — спросил Ватутин.

— Из-под Даугавпилса, товарищ генерал, — хрипло выдал сержант. — Наш полк там в окружение попал. Трое суток дрались, а потом немец нас танками подавил. Вот двенадцать человек только и осталось. Идем вторые сутки, а куда — и сами не знаем. Хоть бы сборный

пункт где найти либо часть какую. — С надеждой спросил: — Может вы, товарищ генерал, нас куда-нибудь определите?

— Ведите, сержант, своих бойцов к Пскову, — приказал Ватутин, садясь в машину. — Там разберемся.

— Слушаюсь, — козырнул повеселевший сержант.

Штаб Северо-Западного фронта Ватутина нашел в лесу южнее Пскова. По всему было видно, что здесь совсем недавно рвались вражеские бомбы. Зияли свежие, пахнущие взрывчаткой воронки, лежали вырванные с корнем деревья, лес в нескольких местах горел.

Вид у начальника штаба фронта генерала П. С. Кленова был подавленным. На вопросы Н. Ф. Ватутина он отвечал путанно. Он не знал даже, где находится командующий фронтом, каково положение его армий, их местонахождение. Не было у начштаба сведений и о состоявшемся приданном им на усиление 21-го мехкорпуса. Не лучше знал обстановку и член Военного совета фронта корпусной комиссар П. А. Диброва. Было ясно, что штаб потерял управление войсками.

— Об этом я немедленно доложу в Ставку, — сказал Ватутин. — Не скрою, что буду просить о замене командования фронта. Ну а уж там как решат.

Решение Ставки ГК совпало с решением Ватутина. И даже было несколько неожиданным для него: именно он должен был занять должность начальника штаба фронта. Командующим войсками фронта назначался генерал П. П. Собенников, членом Военного совета — корпусной комиссар В. Н. Богаткин. Телеграмма заканчивалась словами: «...до прибытия Собенникова¹ фронтом командовать Ватутину».

С чего же начал Ватутин? Прежде всего потребовал выяснить, где находятся соединения и объединения фрон-

¹ Генерал-майор П. П. Собенников в это время еще командовал 8-й армией.

та, и установить с ними надежную связь. Основная тяжесть при выполнении этого приказа легла на самолеты связи. Летчикам было приказано искать не только штабы армий и дивизий фронта, но даже отдельных полков, вышедших из окружения групп.

Выполнить это было нелегко. Ведь садиться нужно было на случайные площадки, а подчас едва ли не в боевых порядках войск, и взлетать, передав распоряжение штаба фронта, под артиллерийским, а то и минометным огнем врага.

Одновременно офицеры оперативной связи на мотоциклах и бронемашинах пробирались в те обнаруженные с воздуха части и соединения, где посадка самолета была вообще невозможна.

Не теряя времени, Н. Ф. Ватутин наводил порядок в штабе фронта. Отделы, не принимавшие непосредственного участия в руководстве войсками, лишние машины и обременяющее штаб имущество были отправлены в тыл фронта. За короткий срок были построены блиндажи, открыты щели. Оставшиеся машины надежно замаскированы, организована надежная охрана штаба. И все это делалось в обстановке, когда люди знали, что скоро придется покинуть эти места. Но они понимали и другое: с палатками, поставленными на скорую руку, с телефонами, висящими на сучках деревьев, отныне покончено раз и навсегда. С этого дня, где бы и на какой бы срок ни располагался штаб, им будут созданы нормальные условия для работы.

Усилия Н. Ф. Ватутина давали свои результаты: все четче работали отделы штаба, постепенно с войсками налаживалась связь.

Сведения о положении войск фронта были неутешительными. 8-я армия с тяжелыми боями отходила в Эстонию, и генерал П. П. Собенников в этих условиях не считал пока возможным сдать командование армией другому человеку и принять командование фронтом. 27-я

армии отходила на восток, к реке Великая, а 11-я — в район Певеля.

Наладив связь с армиями, Ватутин получил возможность установить боеспособность частей и соединений, а также понесенные ими потери. Выяснилось, что во многих дивизиях в строю оставалось по 40—50 процентов штатного состава. Николай Федорович доложил об этом в Ставку. Его заверили: поможем, выделим из резерва несколько корпусов, но до их подхода придется обходиться наличными силами.

Это была невероятно трудная задача. Ведь даже мимолетного взгляда на карту было достаточно, чтобы определить всю сложность создавшейся обстановки. Войска фронта, отходя с боями под натиском превосходящих сил противника по расходящимся направлениям, образовали в линии фронта брешь, перед которой находился Псков. Ватутин принимает все меры, чтобы «залатать» ее. Офицеры штаба и некоторые представители группы, прибывшей вместе с ним из Генштаба, начинают формировать из выходящих к Пскову разрозненных подразделений боеспособные полки и батальоны и ставить их в оборону. Подразделения обеспечения сокращаются едва ли не наполовину, а высвободившийся личный состав тоже сводится в батальоны. Организуется срочный ремонт поврежденной в боях боевой техники.

Вскоре Ватутин получил донесение о том, что 21-й мехкорпус вынужден был оставить занимаемые ранее рубежи и влиться в состав тоже отходящей 27-й армии. Не лучшим было положение и под Псковом. Воспользовавшись несвоевременным выходом выделенных Ставкой резервов на реку Великая, гитлеровцы ворвались в город. 8-я армия вновь потеряла связь со штабом фронта и продолжала отходить на север, а 11-я, ведя ожесточенные бои с 4-й танковой группой врага, отходила в направлении на Дво и Струги-Красные.

Противник рвался к Пскову, не считаясь с потерями.

После занятия его немецко-фашистскими войсками штаб фронта переместился в Новгород. И здесь Ватутин прилагает все усилия к тому, чтобы организовать оборону. На этом участке фронта создалась реальная угроза прорыва подвижных сил врага к Ленинграду. Эта угроза усугублялась тем, что юго-западные подступы к городу не были укреплены, а соотношение сил было не в пользу советских войск. В распоряжении командующего немецкой группой армий «Север» Лееба для действий в Эстонии (против 8-й армии) и нанесения удара по Ленинграду в середине июля находилось 23 дивизии¹, в том числе 3 танковые и 3 моторизованные. А в войсках Северо-Западного фронта, которые в то время были главной силой, сдерживающей рвущегося к Ленинграду противника, было 33 дивизии, причем только 7 дивизий — полностью укомплектованных.

Тут, казалось, лишь бы выстоять до подхода подкреплений, не дать врагу продвинуться еще ближе к городу на Неве. Но штабные работники знали, что к Ватутину бесполезно идти с проектом приказа, предусматривающего пассивную оборону. Ватутин не признавал ее. Задачи обороны, несмотря на превосходство сил противника и наши временные неудачи, все равно ставились им исключительно в предвидении все новых и новых контрударов. Не заслоняться от врага, а бить его — было главным в решениях Ватутина. И когда иным командирам казалось, что наступать немислимо, контратаковать невозможно, он требовал именно контратаки. И эта ватутинская тактика всякий раз путала и срывала планы врага.

Сейчас Н. Ф. Ватутин тоже задумал, казалось бы, нереальное — как следует потрепать вырвавшийся вперед остальных вражеских войск 56-й моторизованный корпус,

¹ Еще 6 правофланговых пехотных дивизий группы армий «Север» (из 16-й армии) в это время наступали на великолукском направлении, взаимодействуя с группой армий «Центр».

остановить его. И даже вчера набросал план предстоящей операции. Оставалось лишь уточнить некоторые детали, а затем согласовать план с генералом П. П. Собенниковым, который обещал на днях быть в Новгороде и принять командование войсками. Это радовало Ватутина, как радовало и то, что с 8-й армией вновь удалось восстановить связь.

Вскоре в Новгород прибыл новый командующий войсками фронта. Вот тут-то и проявилась еще одна черта в характере Ватутина — умение не только командовать, но и подчиняться. Николай Федорович был старше П. П. Собенникова по воинскому званию, занимал до этого высокую должность в Генеральном штабе. Но он отлично понимал, что Петр Петрович обладает гораздо большим, чем он, опытом. Ему довелось воевать еще в первую мировую войну в чине вахмистра. В годы гражданской войны Собенников командовал дивизией. В Великую Отечественную войну он вступил в должность командующего 8-й армией, которая оказала упорное сопротивление превосходящим силам врага в Эстонии, удерживая рубеж Пярну, Тарту, а затем защищая подступы к Таллину.

Командующий фронтом с первых же дней убедился в том, что Ватутин прекрасно знает и ведет порученное ему дело. Подготавливая данные для выработки решений, Николай Федорович всегда тщательно продумывал все их варианты, обосновывал свои предложения убедительными расчетами. Словом, оба генерала-коммуниста, каждый на своем посту, с первых же дней совместной работы начали делать все от них зависящее, чтобы наилучшим образом претворить в жизнь решения Ставки.

...Было уже за полночь, когда Ватутин вошел к Собенникову.

— У меня приятная новость, Петр Петрович.

— Это хорошо, — улыбнулся Собенников.

— В перестрелке с партизанами был убит немецкий

офицер, у которого найдена карта с оперативной обстановкой по 4-й танковой группе противника на вчерашний день.

— Где же она?

— Операторы и разведчики пока над ней колдуют. Расшифровывают до конца. Но главное я уже выяснил.

— Что именно?

— Вот смотрите. — Ватутин взял со стола командующего карандаш и, водя им как указкой по развешенной на стене карте, начал пояснять: — Здесь — 41-й моторный корпус 4-й танковой группы немцев. Его задача: двигаясь на левом фланге группы, нанести удар по Ленинграду по кратчайшему направлению — через Лугу. В свою очередь 56-й моторный корпус рассчитывает прорваться к городу в обход с востока, вот здесь, через Новгород...

— Та-ак, любопытно. — Собенников встал и подошел ближе к карте. — Выходит, у них как бы соревнование происходит — кто первым войдет в Ленинград?

— Вот именно, Петр Петрович. А отсюда и сценка. Особенно у командира 56-го моторного корпуса. Не хочет лавры соседу отдавать. Только, думается, и 41-й моторный корпус вряд ли что выиграет от взятого им кратчайшего направления. Ведь здесь...

Ватутин не договорил. Но командующему фронтом было ясно, что скрывалось за словом «здесь». На днях перед войсками их фронта и Краснознаменным Балтийским флотом вновь со всей твердостью была поставлена задача не пропустить противника к Ленинграду, удерживать коммуникации, связывающие город со страной, прикрыть военно-морские базы. Но поскольку силы Северо-Западного по-прежнему были малы, Ставка привлекала для обороны юго-западного и южного подступов к Ленинграду часть войск Северного фронта, объединенных в Лужскую оперативную группу, которая уже заняла оборонительный рубеж по реке Луга от Финского залива до озера Ильмень.

— Полагаю, — продолжал Ватутин, — что наше главное внимание сейчас должно быть уделено моторизованному 56-му корпусу. Ведь если мы его остановим...

— ...а 41-й завязнет на Лужской линии обороны, — продолжил Собеников, — то немцы вынуждены будут если не перейти к обороне, то во всяком случае остановиться в ожидании подкрепления. Так?

— Совершенно верно.

— Да-а, заманчиво, — сказал командующий. — Остановить 56-й моторкорпус... Сил бы нам побольше. А то как ни крути, а на сегодняшний день у нас из всего фронта только 11-я армия более-менее укомплектована.

— И все-таки преподать противнику урок можно, Петр Петрович, — убежденно сказал Ватутин.

— Есть конкретный план?

— Да как вам сказать... Я к действиям командира 56-го корпуса давно уже приглядываюсь. Идет вапроша-лую, о своих флангах не заботится. Вот этим, думается, и надо воспользоваться, тем более что в наших руках оказалась вся их оперативная обстановка.

Ватутин уверенно нанес на карте карандашом расположение дивизий 56-го моторкорпуса.

— Видите, как он идет? Совершенно не заботится о прикрытии флангов. Ему некогда, он спешит. А мы и ударим по этим флангам: с севера — из района Городище на Ситю и из Уторгоши на Сольцы, а с юга — вот сюда...

— По сходящимся направлениям? — уточнил Собеников.

— Именно, Петр Петрович.

— Что ж, заманчиво, — снова повторил командующий. — Вот только сил у нас... Как думаете, Николай Федорович, одна 11-я армия справится с этой задачей?

— Вряд ли. Нужно по крайней мере еще две-три полнокровные стрелковые дивизии. Да и авиацию. Хотя бы несколько полков.

— А где все это взять? — спросил Собенников.

— Единственный выход — занять на время операции у соседей.

— У Северного фронта?

— Да, — кивнул Ватутин. — Связаться со Ставкой, доложить наш замысел, попросить помощи. Думаю, что не откажут.

— Что ж, попробуем, — после некоторого раздумья согласился Собенников. — Попытка, как говорится, не пытка. Замысел-то действительно стоящий.

Ставка одобрила идею операции Северо-Западного фронта. По ее приказу в распоряжение генерала П. П. Собенникова из состава Северного фронта было передано несколько стрелковых дивизий и авиационных частей.

И вот уже план операции, разработанный Н. Ф. Ватутиным, обрел конкретные формы. С севера по неприкрытому левому флангу 56-го моторизованного корпуса должны были ударить: из района Городище на Ситню — 21-я танковая и 237-я стрелковая дивизии, а из Уторгоши на Сольцы — 70-я стрелковая дивизия. С юга по правому флангу корпуса нанесла удар 183-я стрелковая дивизия. Начало операции было назначено на 14 июля.

Контрудар по флангам и тылам прорвавшихся к Новгороду вражеских войск явился для фашистского командования полной неожиданностью. В тяжелом положении оказались 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии противника, а также некоторые части дивизии СС «Мертвая голова». Войска Северо-Западного фронта отсекли их в районе Сольцы от основных сил, окружили и приступили к планомерному уничтожению.

Ожесточенные бои, не затихавшие ни на минуту, длились до 18 июля. С большим трудом гитлеровцам удалось прорваться на запад, на соединение с 4-й танковой группой.

В этих боях части и соединения 56-го моторизованно-

го корпуса понесли значительные потери в живой силе и технике. Только от ударов советской авиации гитлеровцы потеряли 30 танков и большое количество автомашин. В 8-й немецкой танковой дивизии после боев под Сольцами в строю осталось всего 80 годных к боевым действиям танков.

Нанесенный по немецко-фашистским войскам контрудар позволил временно устранить опасность их прорыва к Новгороду. Мужественное сопротивление Лужской оперативной группы Северного фронта в сочетании с контрударами в районе Сольцы соединений Северо-Западного фронта вынудило противника 19 июля приостановить наступление на Ленинград. Чтобы возобновить его, гитлеровцам понадобилось около трех недель. Советское командование использовало эту передышку для усиления обороны на непосредственных подступах к городу с юга.

К 30 июля немецко-фашистские войска в основном завершили перегруппировку. На этот раз главный удар враг планировал нанести между озером Ильмень и Нарвой, с тем чтобы разгромить советские войска в районе Ленинграда, к 20 августа овладеть городом и соединиться с финской армией.

Однако перейти в наступление группа армий «Север» смогла лишь 8—10 августа. Вначале противнику сопутствовала удача. Так, 18-й немецкой армии удалось расчлнить на две части в Эстонии 8-ю армию¹ и выйти к побережью Финского залива. Затем гитлеровцы нанесли удар на Таллин, который оборонял 10-й корпус 8-й армии, временно подчиненный командованию Краснознаменного Балтийского флота.

Три недели длилось ожесточенное сражение за город. Части 10-го корпуса, моряки, полк латышских и эстонских рабочих мужественно сдерживали атаки во много

¹ С 14 июля 8-я армия была переподчинена командованию Северного фронта.

раз превосходившего их по силам врага. В конце августа советские войска вынуждены были оставить Галлии и присоединиться к остальным защитникам Ленинграда.

Но наиболее мощный удар немецко-фашистские войска нанесли с юга и юго-запада по Ленинграду. 8 августа они перешли в наступление с плацдарма на реке Луга в сторону Красногвардейска (Гатчина), а 10 августа — на лужско-ленинградском и новгород-чудовском направлениях. Попытки противника с ходу преодолеть Красногвардейский укрепрайон и оборону советских войск под Лугой провалились. Однако на левом фланге Лужской линии обороны фашисты сумели продвинуться вперед. 16 августа части 1-го немецкого армейского корпуса ворвались в западную часть Новгорода, но захватить с ходу весь город им не удалось. Гитлеровцы встретили упорное сопротивление советских войск.

Среди тех, кто отягился в этих боях, были и воины 28-й танковой дивизии, которой командовал полковник И. Д. Черняховский. Особенно тяжелым для дивизии был день 15 августа. С утра противник возобновил артиллерийскую и авиационную подготовку. Над Новгородом повисли фашистские бомбардировщики. Затем началась атака.

Наблюдательный пункт И. Д. Черняховского находился тогда на втором этаже старинного здания, примкнувшего к городскому валу. Отсюда были видны Новая Мельница и Слобода Псковская. Там кипел жаркий бой.

Когда вражеская атака была отбита, к НИИ подкатила эмка, которую сопровождали два тяжелых танка КВ. Из машины вышел И. Ф. Ватутин. Пожав руку встретившему его Черняховскому, сказал, кивнув в сторону танков:

— Это вам подарок от Военного совета, Иван Данилович. Больше, к сожалению, пока ничем помочь не сможем.

Ватутин сообщил Черняховскому, что командование Северо-Западного фронта предприняло контрудар из рай-

она юго-восточнее Старой Руссы в северо-западном направлении. К вечеру 14 августа контратакующие войска 34-й и 11-й армий продвинулись до 60 километров, глубоко охватили правый фланг старорусской группировки противника и создали реальную угрозу его войскам, вышедшим в район Новгорода.

— Так что вам, Иван Данилович, надо продержаться еще делька два-три, — закончил Николай Федорович. — Двадцать посьмой танковой выпала ответственная задача, и вы должны ее выполнить чего бы это ни стоило.

И дивизия Черняховского держалась. В конце дня после часовой артподготовки фашисты предприняли тринадцатую по счету атаку. Наступили самые трудные минуты. На отдельных участках противнику удалось прорвать оборону дивизии. И тогда Черняховский бросил в бой свой танковый резерв. Славяно поработали «ватутинские» КВ. И эта атака гитлеровцев была отбита.

20 августа противник овладел Чудово, перерезав Октябрьскую железную дорогу.

Ватутин был в гуще всех этих событий. И хотя положение войск, оборонявших Ленинград, день ото дня становилось все более тяжелым, Николай Федорович не падал духом. Его вера в победу над ненавистным врагом оставалась непоколебимой. Вот что он писал в то трудное время жене:

«Милая Танечка!

Шлю сердечный, горячий привет и крепко целую тебя и Ленусю. Горячий привет и Витюше.

Не удивляйтесь, пожалуйста, и не обижайтесь, что пишу редко. На фронте работы очень много. Все мысли заняты тем, как бы лучше организовать дело и побольше уличтожить врага, не упустить ни одного случая, чтобы нанести ему поражение. Часто нам это удается...

Мы на фронте твердо настроены бить врага до конца. Вы в тылу также не падайте духом. Русский народ никогда не будет побежден!

Теперь кратко о себе. Пока здоров. Очень часто вспоминаю вас, дорогие мои!

Ленусечку прошу получше заниматься. Не забывайте меня. Я без вас скучаю...

До свидания».

Н. Ф. Ватутин не упускал ни одного случая, чтобы нанести врагу как можно больший урон. Принимая самое деятельное участие в укреплении обороны войск Северо-Западного фронта, он одновременно искал возможность для нанесения встречного удара по рвущемуся к Ленинграду врагу. Пример тому контрудар наших войск под Старой Руссой, в разработку которого Николай Федорович внес большой вклад.

Вначале действия советских войск под Старой Руссой развивались успешно. За 12—14 августа 34-я армия¹ продвинулась вперед на 60 километров и совместно с 11-й армией стала угрожать тылу всей новгородской группировки вражеских войск. Фашистское командование было вынуждено срочно перебросить сюда с новгородского направления и из-под Луги две моторизованные дивизии. Против наступающих советских войск были направлены основные силы 8-го корпуса пикирующих бомбардировщиков.

Гитлеровское командование задержало также переброску к Ленинграду из района Старой Руссы 39-го моторизованного корпуса из состава 3-й танковой группы. И лишь после этого 34-я и 11-я армия начали организованный отход за реку Ловать.

В конце сентября 1941 года, так и не сумев сломить сопротивление защитников Ленинграда, немецко-фашистские войска вынуждены были перейти к обороне.

Обе стороны, не имея сил для крупных наступательных операций, зарывались в землю, прикрывались надол-

¹ 34-я армия была передана в состав Северо-Западного фронта 6 августа 1941 г.

бами, колючей проволокой и минными полями. Боевые действия на непосредственных подступах к Ленинграду приняли типичные формы позиционной войны: велась артиллерийская и минометная перестрелка, изредка предпринимались частные наступательные операции с целью улучшения положения своих войск.

В это время главная задача Северо-Западного фронта состояла в том, чтобы, находясь на стыке ленинградского и московского стратегических направлений, не допустить захвата противником Валдайской возвышенности и Октябрьской железной дороги и содействовать другим фронтам в разгроме врага, рвущегося к Москве и Ленинграду. И фронт выполнил эту задачу: прочно закрепившись на линии от озера Ильмень до озер Селигер и Волго, войска фронта отбили все попытки гитлеровцев продвинуться за эту линию на Валдай и Бологое.

В октябре 1941 года войска Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов сорвали план немецко-фашистского командования обойти Москву с севера. Для парирования удара гитлеровцев из района Калинина на Торжок, что давало им возможность выйти в тыл Северо-Западного фронта и к Бологому, по указанию Ставки командование фронта создало специальную оперативную группу войск. Ее возглавил Н. Ф. Ватутин, временно передав свои обязанности начальника штаба Северо-Западного фронта заместителю. Эта группа нанесла в районе Медного, на полпути между Калинином и Торжком, сильный контрудар по врагу и сорвала его планы.

В последние месяцы 1941 года противник, действующий против войск Северо-Западного фронта, вновь занимался лишь укреплением своей обороны. Не предпринимали активных действий и наши войска. На это не было ни сил, ни средств.

В начале января 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования, оценив результаты успешного контрнаступления под Москвой, Тихвином и Ростовом, приня-

ла решение пачать общее наступление Красной Армии на широком фронте от Ленинграда до Крыма. Войскам Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов предстояло разгромить немецко-фашистскую группу армий «Север» и деблокировать Ленинград. Калининский, Западный и Брянский фронты при поддержке левого крыла Северо-Западного фронта должны были окружить и уничтожить главные силы группы армий «Центр».

Таким образом, на долю Северо-Западного фронта выпала задача участвовать одновременно в двух операциях, проводимых на двух стратегических направлениях — Северо-Западном и Западном, причем действовать предстояло по расходящимся направлениям.

В директиве Ставки ВГК от 18 декабря фронту была поставлена задача: «не позднее 26 декабря 1941 г. нанести удар силами не менее шести усиленных стрелковых дивизий» из района Осташков в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудню, чтобы во взаимодействии с войсками Калининского фронта «отрезать пути отхода противнику и не дать ему возможности задержаться для обороны на заранее подготовленном рубеже оз. Отолово, Андреаполь, западный берег р. Западная Двина, Ярцево. В дальнейшем ударом на Рудню отрезать Смоленск с запада». Правофланговая 11-я армия наносила второй удар фронта на Старую Руссу с ближайшей задачей овладеть этим городом, а в дальнейшем, наступая на Дно, Сольцы, «во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пути отхода противнику со стороны Новгород и Луга». В центре фронта войскам 34-й армии предстояло «сковать противника на демянском направлении»¹.

Но выполнение этой директивы было временно отложено. Советское Верховное Главнокомандование решило

¹ Цит. по: На Северо-Западном фронте. 1941—1943. М., 1969, с. 20.

вначале усилить войска привлекаемых к операции фронтов. В результате Северо-Западный фронт получил новые 3-ю и 4-ю ударные армии. Намечалось также передать в его состав 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса, которые формировались под Москвой.

И все же наличных сил фронта явно не хватало для того, чтобы одновременно решать две задачи оперативно-стратегического масштаба. Из всех армий лишь левофланговые, 3-я и 4-я ударные, были неплохо укомплектованы личным составом. Но боевой техники было мало и здесь. Вообще же фронт при общей ширине полосы в 250 километров имел немногим больше 800 орудий, 510 минометов и 170 танков. Авиация фронта насчитывала всего 69 исправных самолетов¹.

Здесь было над чем подумать. И командование фронта — генерал-лейтенант П. А. Курочкин (он 23 августа принял командование фронтом от генерал-майора П. П. Собенникова), начальник штаба генерал-лейтенант П. Ф. Ватутин и член Военного совета корпусной комиссар В. П. Богаткин — приложило все силы для выработки наиболее перспективного решения.

Основная тяжесть при этом легла на штаб фронта. П. Ф. Ватутин, склоняясь над картой, будто воочию представлял войска, вытянутые в одну линию. Анализировал. На старорусском направлении ведет бой одна слабая, понесшая потери 11-я армия генерала В. И. Морозова. Ей конечно же будет не под силу осуществить прорыв на глубину почти 110 километров к Сольцам, южнее Ильменя, без поддержки войск, наступающих справа и слева... На торопецком направлении соединения 3-й и 4-й ударных армий имеют слишком глубокие задачи, а поддержать их в случае необходимости совершенно нечем... 34-я армия генерала Н. Э. Берзарина, расположенная между обеими ударными группировками, на широком

¹ См.: На Северо-Западном фронте, с. 21, 25.

фронте может практически быть использована лишь для прикрытия или же быть связующим звеном между этими ударными группировками. Сплошной обороны врага перед фронтом не было. Но противник превратил в опорные пункты деревни и поселки, блокировал дороги, все мало-мальски пригодные для наступления пути и подступы. Ватутин хорошо понимал, что движение вне дорог значительных войсковых масс исключалось, значит, преодолеть такую оборону будет чрезвычайно трудно.

Значит, нужно рассчитывать на маневр. Использовать незанятые промежутки, смело обходить через них опорные пункты врага, выбрасывая далеко вперед отряды лыжников, перерезать коммуникации противника в его тылу.

В сложившихся условиях очень важное значение приобретала внезапность перехода в наступление. Чтобы добиться этого, нужно было использовать даже погодные условия. Снег, метели, вьюги превратить из недругов в союзников. Войскам передвигаться только ночью или в плохую погоду. Вновь прибывающие соединения держать позади фронта в деревнях и лесах, а в первом эшелоне в течение всей подготовки к наступлению оставлять прежние, уже знакомые гитлеровцам дивизии.

И наконец, Ватутин решил предложить командующему начать наступление не утром, а вечером. Это тоже будет неожиданностью для врага.

Наступление Северо-Западного фронта началось 7 января 1942 года. Едва на землю опустились ранние зимние сумерки, на правом крыле фронта противника атаковали соединения 11-й армии. Используя фактор внезапности, они уже в первый день операции прорвали вражескую оборону и продвинулись на 6—7 километров. Развивая наступление, ударная группировка армии в составе трех соединений обошла правый фланг 290-й пехотной дивизии противника и завязала бои на северной и восточной окраинах Старой Руссы. А в это время лыж-

ные батальоны перерезали дороги, ведущие от Старой Руссы на Шимск. Часть сил армии блокировала опорные пункты гитлеровцев на реке Ловать.

9 января в наступление на левом крыле фронта перешли 3-я и 4-я ударные армии, войска которых совместно с левофланговыми соединениями 34-й армии в течение нескольких суток с упорными боями форсировали по льду озеро Селигер и прорвали тактическую зону обороны противника.

34-я армия развивала наступление на демянском направлении.

Однако вскоре в штаб фронта начали поступать тревожные донесения. 11-я армия, несмотря на все усилия, не смогла взять Старую Руссу. Ее 84-я дивизия отстала от основных сил, артиллерия застряла в глубоком снегу.

Н. Ф. Ватутин докладывает об этом командующему фронтом. II генералу В. И. Морозову направляется телеграмма:

«Для решения вопроса по захвату Старой Руссы крайне необходимо форсировать действия 84-й сд... Кроме того, полк второго эшелона 188-й сд также может быть брошен для атаки Старой Руссы и все другие силы армии по вашему усмотрению...»¹

Замедлила темпы наступления и 34-я армия. Это грозило открыть фланг левой ударной группировки фронта для контратак противника с севера. Ватутин немедленно связывается со штабом этой армии, требует разъяснения обстановки. После чего командующему армией указывается, что для нанесения фланговых ударов он выделил недостаточно сил, но даже эти силы «распыляются на блокирование и атаку мелких населенных пунктов, вместо того чтобы смело обходить их, выходить в тыл и про-

¹ На Северо-Западном фронте, с. 28.

двигаться вперед, в тыл демьянской группировки противника»¹.

К сожалению, сил у 34-й армии было мало, а резервов у командующего фронтом не было. Армии приходилось направлять все больше усилий для обеспечения своего правого фланга, ибо нависавший с севера 2-й армейский корпус врага представлял угрозу всей южной ударной группировке фронта. Стремление же 3-й ударной армии обеспечить безопасность правого фланга 34-й армии вылилось в ожесточенные затяжные бои за Ватолино и Молвотницы, продолжавшиеся много суток подряд.

И все же наступление войск фронта продолжалось. Они действовали все более решительно и успешно. Это особенно относилось к левой ударной группировке. Здесь удар 4-й ударной армии на Цепо оказался полной неожиданностью для противника, который считал, что созданные им укрепления и опорные пункты образуют огневой мешок и, фланкируя подступы к городу, полностью обеспечивают его направление. Поэтому гитлеровцы, укрепив стенки мешка, не обратили серьезного внимания на оборону его дна, полагая, что удар в этом направлении невозможен. А вот штаб фронта определил это слабое место во вражеской обороне.

Еще более неожиданным для противника оказалось наступление одной дивизии и двух бригад по лесной бездорожной местности на правом фланге 4-й ударной армии. Немецко-фашистское командование исключало возможность активных действий значительных сил на данном направлении и ограничилось организацией здесь лишь нескольких небольших опорных пунктов.

Наступление 4-й ударной армии опрокинуло все расчеты противника. Организовать сопротивление ему удалось только на участке Дроздово, Давыдово и особенно Колобово, Бор.

¹ На Северо-Западном фронте, с. 29.

Прорыв советских войск на главном направлении завершился к 12 января. Задача, поставленная 4-й ударной армии командованием Северо-Западного фронта, была выполнена.

3-я ударная армия за восемь дней наступления растянулась на 90—95 километров по фронту, пройдя на правом фланге 22—40 километров, в центре 70 и на левом фланге 60—70 километров.

Разрыв между 3-й и 4-й ударными армиями, прикрытый лишь 31-й стрелковой дивизией, все увеличивался и достиг 35 километров. Это, естественно, волновало штаб и командование фронта. П. А. Курочкин и Н. Ф. Ватутин потребовали от командования 3-й ударной армии ускорить темпы наступления.

17 января Ватутин докладывал командующему обстановку в войсках 3-й ударной армии:

— В штабах соединений и частей чувствуется недостаточная подготовка и несрабатанность, за исключением, пожалуй, 245-й стрелковой дивизии. Сказываются и отсутствие опыта, слабая подготовка командного состава. Судите сами: 20-я стрелковая бригада вот уже три дня топчется перед Ватолينو, атакует его в лоб, тогда как у нее есть возможность обойти Ватолينو западнее, в направлении на Щеглово.

— Вы правы, Николай Федорович, — сказал Курочкин. — Населенные пункты, занятые врагом, будто магнит притягивают наши части.

— Думается, Павел Алексеевич, что нужно еще раз и самым строжайшим образом указать на недопустимость этого как командующему 3-й ударной, так и командующему 34-й армией.

— Согласен.

18 января Военный совет фронта направил командованию 3-й ударной и 34-й армий директиву следующего содержания:

«Вы ведете бои за овладение отдельными пунктами

неправильно. Это наглядно видно на примере боев за Молвотицы и Ватолино. Вместо глубокого обхода населенных пунктов вы их окружаете непосредственно, скользя при этом крупные силы и замораживая их. Противник этим очень умело пользуется. Еще три-четыре такие операции, как операции под Молвотицы и Ватолино, и все ваши силы будут заморожены. Двигаться вперед будет нечем».

Требую брать населенные пункты обходом, Военный совет указывал, что необходимо «разъяснить командирам частей и соединений эти ошибки и впредь их не допускать...».

Постепенно наши войска осваивали наиболее рациональные приемы борьбы. Шире стал применяться маневр, обход опорных пунктов врага. А это приносило успех. Так, 4-я ударная армия, разгромив противника под Андреаполе, вышла к Торопцу и 20 января освободила этот город. Одновременно 3-я ударная армия вышла к Холму и завязала за него бои совместно с подошедшими сюда партизанами.

Но тут на Северо-Западном фронте произошли существенные изменения. 22 января 3-я и 4-я ударные армии по указанию Ставки были переданы в состав Калининского фронта. Взамен их Северо-Западный фронт получил 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса и 1-ю ударную армию. Соответственно с этим Ставка уточнила и задачу фронта. Его войска должны были ударами из района Старой Руссы в южном направлении и из района Молвотицы в северном окружить и уничтожить противника на демянском плацдарме.

29 января соединения фронта возобновили наступление, и 25 февраля части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшие с севера на Рамушево, соединились с 42-й стрелковой бригадой 34-й армии, нанесившей удар с юга. 2-й гвардейский стрелковый корпус, не встречая серьезного сопротивления противника, к концу февраля

вышел на подступы к городу Холм. В результате наступления 1-го и 2-го гвардейских стрелковых корпусов старорусская и демянская группировки противника были разъединены и последняя в составе 6 дивизий 16-й армии оказалась окруженной.

Нужно было как можно скорее уничтожить окруженного врага. Между тем гитлеровцы, опираясь на многочисленные опорные пункты, вынуждали войска фронта рассредоточивать свои усилия по отдельным очагам борьбы и, задерживая их продвижение, выигрывали время для организации прочной обороны. К тому же окруженную группировку не удалось блокировать с воздуха, что позволило противнику перебрасывать на самолетах пополнение, боеприпасы и продовольствие.

К 20 марта обстановка на Северо-Западном фронте резко осложнилась. Враг, воспользовавшись относительной стабилизацией фронта, 19 марта создал в районе южнее Старой Руссы корпусную группу «Зейдлиц» в составе 5 дивизий. 20 марта она нанесла удар в направлении на Рамушево в стык 11-й и 1-й ударной армий. Наступление было поддержано авиацией. Чуть позже окруженные войска нанесли встречный удар севернее Залучья также в направлении Рамушево. В результате образовался так называемый рамушевский коридор шириной до четырех километров, и противник 23 апреля соединился с окруженной группировкой.

К концу апреля коридор был расширен до 6—8 километров.

С 3 по 20 мая войска Северо-Западного фронта предприняли новое наступление с целью ликвидации демянской группировки противника. Но Н. Ф. Ватутину пришлось принять участие лишь в самом начальном его периоде. 12 мая он был отозван в Москву, где снова вступил в должность заместителя начальника Генерального штаба РККА. Начальником Генштаба в это время был уже А. М. Василевский.

УДАР ЛЕВЫМ КРЫЛОМ

В начале июля 1942 года И. Ф. Ватутин был назначен представителем Ставки ВГК на Брянском фронте. 7 июля этот фронт был разделен на два — Брянский и Воронежский. Временное командование Брянским фронтом было возложено на генерала И. Е. Чибисова. Воронежский фронт возглавил генерал Ф. И. Голиков.

И. Ф. Ватутин стал представителем Ставки ВГК на Воронежском фронте. Однако через несколько дней Николая Федоровича отозвали в Москву, на совещание, на котором должен был решаться вопрос о командующих Брянским и Воронежским фронтами.

Кандидатуру на должность командующего Брянским фронтом подобрали быстро: А. М. Василевский предложил генерала К. К. Рокоссовского. И. В. Сталин согласился. А вот на должность командующего Воронежским... Начальник Генштаба назвал уже несколько кандидатур, но Сталин отводил их.

— Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом, — неожиданно для всех предложил Ватутин.

— Вас? — удивился Сталин.

Ватутин выполнял огромный объем работы в Генеральном штабе, и вряд ли ему можно было пайти сразу достойную замену. Василевский высоко ценил его как крупного штабного работника. И, конечно, ему не хотелось расставаться с ним. Но задерживать Ватутина значило бы остановить его служебный рост. И Василевский поддержал кандидатуру Николая Федоровича.

Верховный Главнокомандующий внимательно посмотрел на Василевского, потом на Ватутина и сказал:

— Если товарищ Василевский согласен... я не возражаю¹.

¹ См.: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1984, с. 181.

Тогда уже было известно, что главные силы немецко-фашистских войск перенацелены на Сталинград. Казалось бы, в этих условиях Воронежский фронт, который принял Ватутин, приобретает вспомогательное значение и его войскам можно перейти к стабильной обороне. Однако Ватутин рассматривал действия фронта в интересах общей стратегии. И стремился выполнить требования этой стратегии: непрерывными контратаками беспокоить противника, сковывать его силы. Он наносил удары то на одном, то на другом участке фронта. И гитлеровцы порой не знали, куда им раньше посылать подкрепления — под Сталинград или под Воронеж...

13 июля, вступив в командование 18-м танковым корпусом 60-й армии, генерал-майор И. Д. Черняховский прибыл с докладом в штаб Воронежского фронта.

Ватутин встретил Ивана Даниловича как старого боевого соратника.

— Очень рад, что мы снова вместе. Ну, рассказывайте, как устроились, довольны ли корпусом? — поинтересовался Николай Федорович.

— К личному благоустройству я неприхотлив, товарищ командующий, война научила приспособляться ко всему. Что же касается состояния и расположения корпуса, то я ими не удовлетворен.

— Что так?

— Видите ли, распоряжением командующего армией генерала Антоюка танковые и мотострелковая бригады корпуса усиливают стрелковые дивизии. Командир же корпуса, то есть я, оказываюсь в роли инспектора. Думаю, что это неправильно. Войска и штабы следует еще учить, а возможностей для этого нет.

— Что вы предлагаете?

— Было бы неплохо, если б корпусу выделяли самостоятельный участок обороны. Тогда можно одновременно и обороняться, и учить войска.

— Хорошо, я разберусь, — кивнул Ватутин. — Перего-

ворю и с вашим командармом. — Николай Федорович помолчал. А затем как бы случайно спросил: — А как бы вы, Иван Данилович, отнеслись к тому, если бы вам вместо танкового соединения предложили общевойсковое?

— Но я же танкист, товарищ командующий, я люблю этот род войск.

— Я знаю об этом, — улыбнулся Николай Федорович. — Но знаю и то, что, прежде чем стать им, вы были артиллеристом, командовали стрелковой дивизией.

Выдержав небольшую паузу, Ватутин сказал:

— Ну хорошо, к этому вопросу мы еще, возможно, вернемся...

Перед 60-й армией была поставлена задача — выбить врага из Воронежа. Однако она все еще не была выполнена. Это серьезно тревожило Ватутина. Чтобы разобраться с положением дел на месте, он выехал в 60-ю армию. Вначале заехал в 18-й танковый корпус.

Уже с порога начал строго, официально:

— Товарищ генерал, помните, как на северо-западе вы жаловались, что нет танков? Теперь они у вас есть, но где же успехи?

— Товарищ командующий, дело не только в нас, — возразил Черняховский. — Командование армии мало заботится о том, чтобы обеспечить действия корпуса артиллерией и поддержать авиацией. Командарм продолжает, видимо, считать, что если танкисты в броне, то им не нужно помогать огнем. Танковые бригады несут потери с флангов, особенно от огня противотанковой артиллерии противника. Поэтому они не могут прорваться в глубину обороны противника.

— Только ли эти причины мешают вам действовать более решительно? — спросил Ватутин уже более мягко.

— Есть и другие трудности, — ответил Черняховский. — Например, по штату корпусу не положена зенитная артиллерия. И получается, что танкисты совершенно беспомощны перед авиацией противника. Но и это не

главное. Беда в том, что действуем мы пока по старинке, плохо учитываем опыт войны в применении массированного удара танков на направлении прорыва. Вот и сейчас... Бригады разбросаны, а мне пока не дают возможности собрать их в единый кулак.

— Хорошо, Иван Данилович, Военный совет фронта разберется во всем и поможет вам. Но и вас прошу в кратчайший срок получить командный состав корпуса и бригад грамотно управлять танковыми соединениями и частями в бою.

— Сделаем все, что от нас зависит, товарищ командующий, — заверил Черняховский.

Прошло несколько дней. «Мне хорошо запомнилось заседание Военного совета армии, — вспоминал бывший комиссар 17-го танкового корпуса генерал-майор В. Г. Гуляев, — на которое были вызваны все командиры и комиссары соединений. Антоюк открыл его... И как раз в этот момент позволил по ВЧ Верховный. Командующий прервался на полуслове и поспешил к аппарату. Вернулся он скоро чуть бледный и чрезвычайно взволнованный.

— Черняховский, вас... — Антоюк жестом показал на дверь, за которой находился телефон, связывающий армию прямо с Москвой.

Участники совещания молча переглядывались. Каждый, по-видимому, строил про себя всякого рода догадки. Молчал и Антоюк. Лишь когда вернулся Иван Данилович, он объявил, что Черняховский назначен командующим 60-й армией, и тут же уступил ему свое председательское место...»¹

А у Черняховского со Сталиным состоялся следующий разговор:

— Ватутин попросил назначить вас командующим 60-й армией. Мы не возражаем. А как вы сами смотрите на это?

¹ Гуляев В. Г. Человек в броне. М., 1964, с. 121—122.

— Как прикажете, товарищ Сталин. Ваше высокое доверие постараюсь оправдать всей своей жизнью, — взволнованно ответил Черняховский.

— Вот и хорошо. Припимайте армию, — сказал Сталин. — А Антошку мы подберем другую работу.

Николай Федорович на первых порах приглядывался к боевой деятельности молодого командующего армией. Он дважды побывал у Черняховского, утвердил ряд мероприятий по усилению обороны армии. В то же время обратил внимание командарма на неудовлетворительную работу штаба 195-й стрелковой дивизии, посоветовал, что нужно сделать для устранения недостатков.

Наступила осень. Во второй половине октября Н. Ф. Ватутина неожиданно вызвали в Москву. Дорогой терялся в догадках: зачем? За время командования Воронежским фронтом особых срывов вроде бы не было. Напротив, Ставка не раз высказывала удовлетворение действиями вверенных ему войск.

По прибытии в столицу сразу же направился в Генеральный штаб. А. М. Василевский ознакомил его с планом операции по разгрому группировки противника в районе Сталинграда. Для участия в этой операции привлекались войска еще только создаваемого Юго-Западного, Довского и Сталинградского фронтов.

Заключая беседу, Василевский сказал, что на должность командующего Юго-Западным фронтом будет предложена его, Ватутина, кандидатура.

Вскоре после возвращения из Москвы Ватутин позвонил Черняховскому:

— Иван Данилович, приезжайте ко мне вечером часам к десяти.

— Что прикажете захватить с собой?

— Ничего.

Николай Федорович принял командарма по-домашнему, не в штабе, а на квартире. Объявил:

— Завтра я убываю на новый фронт, а сегодня хочу на досуге вместе поужинать.

— Куда же переводят вас, Николай Федорович? — подавляя нахлынувшее чувство горечи от услышанного, спросил Черпяховский.

— Приказано возглавить создаваемый Юго-Западный фронт. А сюда, на Воронежский, Стаяка вновь назначила Филиппа Ивановича Голикова.

В тот прощальный вечер они долго вели душевный разговор. Вспоминали о прошлом, заглядывали в будущее. Черпяховскому было тяжело расставаться с Ватутиным.

Войска Юго-Западного фронта должны были занять оборону от Клетской до Верхнего Мамона. Времени на организацию обороны Ватутину дали мало — всего три недели. К середине ноября на левом крыле фронта должна была быть создана ударная группировка войск, которой во взаимодействии с войсками Довского фронта предстояло перейти в наступление, разгромить на своем пути противника, соединиться в районе города Калач-на-Дону с ударной группировкой Сталинградского фронта и тем самым завершить окружение гитлеровских дивизий, стремящихся овладеть Сталинградом.

Ватутину нужно было не только создать гибкий и оперативный механизм руководства, но и подтянуть и подготовить к наступлению прибывающие части и соединения, произвести перегруппировку войск, накопить необходимое количество снаряжения, переправочных средств, продовольствия и боеприпасов. И сделать все это на голой местности, где нет ни хороших мостов, ни дорог. Сюда вела лишь одноколейная железная дорога, составы двигались по ней медленно, с частыми остановками на полустанках и разъездах. Чтобы ускорить дело, Ватутин приказал выгружать некоторые части из эшелонов вдали от фронта и ночью направлять их колоннами к пунктам сосредоточения.

Время поджимало. Ведь сосредоточение последних воинских соединений и всего необходимого для операции Ставка приказала закончить не позднее 15 ноября.

А еще раньше, в первых числах ноября, во фронтах сталинградского направления состоялись итоговые совещания по проверке готовности к предстоящим действиям. 3 ноября такое совещание прошло на Юго-Западном фронте. Его провел маршал Г. К. Жуков, представитель Ставки на Юго-Западном и Донском фронтах. Кроме командования фронта и армий в совещании принял участие руководящий состав корпусов и дивизий. Присутствовал и представитель Ставки на Сталинградском фронте маршал А. М. Василевский.

На этом совещании еще раз были тщательно проверены точность понимания командирами поставленных перед ними задач и их решения. Буквально с каждым из них вновь были рассмотрены вопросы организации взаимодействия с артиллерией, танками и авиацией при прорыве обороны противника, взаимодействия с танковыми и кавалерийскими соединениями при вводе их в прорыв и при действиях в глубине обороны противника; обеспечения флангов в ходе операции; взаимодействия с соседними войсковыми объединениями и соединениями; организации управления войсками на всех стадиях операции. Были заслушаны подробные доклады участников совещания о состоянии войск фронта, боевом и материальном обеспечении, готовности соединений к выполнению ответственного задания партии, правительства и Верховного Главнокомандования.

4 ноября такое же совещание было проведено в 21-й армии Юго-Западного фронта с привлечением руководящего состава Донского фронта, а 10 ноября — с руководящим составом Сталинградского фронта при штабе 57-й армии¹.

¹ См.: Василевский А. М. Дело всей жизни, с. 200.

А фронты сталинградского направления продолжали жить напряженной жизнью, в том числе и Юго-Западный фронт. Н. Ф. Ватутин спал урывками, в основном в машине, когда выезжал в войска. А днем си вместе с начальником штаба фронта и членом Военного совета сидел над картами, вповь и вповь в деталях прорабатывая план предстоящей операции.

Немецко-фашистская группа армий «В», на правое крыло которой должен был обрушиться основной удар советских войск, обороняла фронт протяженностью до 1400 километров. Ее лепофланговая 2-я армия находилась северо-западнее Воронежа, прикрывая курское направление. Соседняя с ней 2-я венгерская армия стояла в обороне по правому берегу Дона, прикрывая харьковское направление. Далее по Дону, от Новой Калитвы и до ставицы Вешенская, на ворошиловградском направлении, располагалась 8-я итальянская армия. Восточнее, от Вешенской и до Клетской, занимала оборону 3-я румынская армия.

Именно на этом участке сосредоточил все свое внимание Ватутин. Румынские части были наименее стойкими. Но Ватутин не рассчитывал на легкий успех. Он хорошо знал, что противник построил оборону на большую глубину, располагал мощными огневыми средствами. Чтобы прорвать ее, нужно было добиться превосходства над ним в силах и средствах. С этой целью командующий к началу наступления сосредоточил на участке прорыва половину стрелковых дивизий фронта, три танковых и два кавалерийских корпуса, около 85 процентов артиллерии РВГК и всю реактивную артиллерию. В результате была создана мощная ударная группировка, которая превосходила противостоящего противника в людях в 2—2,5 раза, а в артиллерии и танках — в 4—5 раз.

По плану, представленному Н. Ф. Ватутиным в Ставку, в состав этой группировки должны были войти 5-я танковая армия генерала П. Л. Романенко и 21-я армия ге-

верала И. М. Чистякова. Переход группировки в наступление намечался с плацдармов в районах Серафимовича и Клетской. Здесь она должна была прорвать оборону 3-й румынской армии и, развивая наступление в общем направлении на Калач, к исходу третьего дня операции соединиться с войсками (ударной группировкой) Сталинградского фронта. 1-й гвардейской армии генерала Д. Д. Лелюшенко предстояло нанести удар в юго-западном направлении. После выхода ее частей и соединений за рубеж рек Кривая и Чир здесь планировалось создать активно действующий внешний фронт окружения врага.

Прикрытие и поддержка наступающих войск возлагались на 17-ю воздушную армию генерала С. А. Красовского и некоторые соединения 2-й воздушной армии генерала К. Н. Смирнова. В полосе действия войск Юго-Западного фронта планировалось использовать и авиацию дальнего действия.

План операции, разработанный Н. Ф. Ватутиным, был принят без каких-либо изменений.

Для согласования вопросов взаимодействия Ватутин выехал в 17-ю воздушную армию. Путь был неблизким. Дорога, по которой катил «виллис», была разбита грузовиками, артиллерийскими тягачами и танками, поэтому машину сильно трясло.

— Дай-ка мне папиросу, — обратился Ватутин к адъютанту.

— Но вы же не курите, товарищ командующий, — удивился тот.

— Раз прошу, значит, давай. Может, сон удастся прогнать.

— А вы бы, товарищ командующий, на мое место пересели да вздремнули бы, — предложил адъютант. — У меня здесь попросторнее. Пожалуйста, товарищ командующий...

— Спасибо.

Затянувшись, Ватутин тут же закашлялся:

— Не пойму, что люди находят в курении? Гадость какая-то.

— Это без привычки, товарищ командующий, а как втянешься...

Не договорил. В ночи внезапно возник нарастающий гул моторов.

— Никак танки?

Ватутин прислушался:

— Точно. — Приказал водителю: — Прижмись к обочине и остановись.

Ватутин вышел из машины, поднял руку. Идущий во главе колонны танк резко затормозил.

— Чье хозяйство? — спросил Ватутин свесившегося из башенного люка танкиста.

— А ты кто такой будешь? — вместо ответа поинтересовались сверху.

— Ватутин.

Танкист горопливо выбрался из башни, прыгнул на землю, приложил руку к ребристому шлемофону:

— Командир 45-й танковой бригады 4-го танкового корпуса подполковник Жидков! Виноват, товарищ командующий, не узнал в темноте.

— Нечего извиняться, вы все правильно сделали. Мало ли кто ездит ночью по дорогам да спрашивает. Как матчасть? Отставших машин нет?

— Никак нет.

— Продолжайте марш. И поторапливайтесь.

— Слушаюсь, товарищ командующий!

Когда танки прошли, поехали дальше. Через полчаса наткнулись на колонну артиллерии. Она стояла. Оказалось, что на подъеме через овраг опрокинулся один из тягачей и загородил дорогу. Теперь его пытались поставить на гусеницы.

— Но почему стоит основная колонна? — выслушав рапорт майора, командира артполка, недовольно спросил Ватутин. — Вы что, ситуации не понимаете?! Оставьте

пару тягачей, а остальным — вперед! — Прежде чем отпустить стоявшего навытяжку майора, пообещал: — Завтра днем непременно побываю у вас. Посмотрю огневые позиции. Если что не так, спрошу по всей строгости.

В машине приказал адъютанту:

— Запиши номер части и запомни мне завтра утром. Надо съездить туда и помочь майору. Он, видимо, недавно принял полк.

На КП 17-й воздушной армии попали под утро. Здесь Н. Ф. Ватутина встретили командарм генерал-майор авиации С. А. Красовский, его заместитель по политической части генерал-майор авиации В. Н. Толмачев и начальник штаба полковник К. И. Тельнов.

— Ну как дела, товарищи? — поздоровавшись, спросил Ватутин. — План боевого использования авиации готов?

— Так точно, — ответил Красовский.

— Что ж, давайте посмотрим.

Несколько дней назад Ватутин уже побывал в этой армии. Тогда он поставил перед ее командованием боевые задачи. 17-я воздушная должна была прикрыть ударную группировку 5-й танковой армии на исходном рубеже для наступления, содействовать войскам 5-й танковой и 21-й армий в прорыве обороны противника на направлении их главных ударов. Кроме того, авиаторам предстояло обеспечить ввод в прорыв подвижных соединений, содействовать их выходу в район города Калач и не допускать подхода резервов противника к участку прорыва и району действий подвижных соединений с юга и юго-запада¹.

Напряженно работал в эти дни оперативный отдел. Разрабатывались и уточнялись план боевого использо-

¹ См.: 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены, М., 1977, с. 8.

вания частей 17-й и 2-й воздушных армий, плановая таблица взаимодействия с войсками фронта, боевой приказ командующего армией и другие оперативные документы. Отделы штаба детально спланировали организацию боевого и оперативного, материального и аэродромного обеспечения боевых действий авиации. И вот теперь все это было представлено на рассмотрение и утверждение командующему войсками фронта.

— Чтобы завоевать и удержать господство в воздухе, — докладывал генерал Красовский, — буду уничтожать авиацию противника силами двух истребительных дивизий во время прикрытия ими сухопутных войск и обеспечения других родов авиации, а также ударами 221-й и 262-й бомбардировочных дивизий по вражеским аэродромам. Поддержку войск фронта в ходе прорыва обороны противника и ввода в прорыв подвижных соединений намерен осуществлять эшелонированными действиями групп штурмовиков. Для борьбы с подходящими резервами противника имею в готовности резерв — одну бомбардировочную дивизию и четыре полка ночных бомбардировщиков.

— Если я правильно понял, — сказал Ватутин, — в основу планирования боевых действий авиации положен принцип массирования ее сил на направлении главных ударов и тесного взаимодействия с сухопутными войсками?

— Так точно, — подтвердил Красовский. — Для чего пункты управления командующих армиями, моей и 2-й воздушной, будут развернуты неподалеку от вашего КП. В штабы 5-й танковой и 21-й армий мы направим авиационных представителей со средствами связи. Люди для этого уже подобраны и проинструктированы.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Ватутин. — А как вы намерены осуществлять приближение частей соединений армии к районам предстоящих боевых действий?

— Чтобы замаскировать основные взлетно-посадочные полосы, личный состав батальонов аэродромного обслуживания оборудовал ложные аэродромы. С них будет имитироваться взлет самолетов. Для этого в ночное время станем запускать шары-пилоты с горящими лампочками¹.

— Что ж, — выслушав Красовского, подытожил Ватутин, — чувствуется, что у вас все продумано, учтено. Дайте карту. У меня лишь несколько частных замечаний, вернее, пожеланий. — И прежде чем утвердить план боевого использования авиации, он сделал на карте следующую запись: «Боевой авиации вести разведку на себя, искать объекты противника (резервы, колонны, районы сосредоточения). Быть готовой наносить массированные удары всей авиацией при обнаружении крупных резервов, особенно танковых и моторизованных дивизий противника».

Днем Н. Ф. Ватутин прибыл в 21-ю армию. Генерал И. М. Чистяков хотел было доложить по-уставному, но Николай Федорович взмахом руки остановил его:

— Не надо докладов, Иван Михайлович. Ведите-ка лучше в тепло да накормите чем-нибудь. Со вчерашнего вечера во рту маковой росники не было. За столом и поговорим.

— Да как же так?! — Чистяков с укором взглянул на Семенчука. — Что же вы, майор, о командующем так плохо заботитесь?

— А что я могу сделать? — развел руками адъютант. — Ведь день и ночь на колесах. Даже консервы некогда подогреть.

— Семенчук ни при чем, — заступился за адъютанта Ватутин. — Он и так поровит из моего «виллиса» походную кухню сделать.

¹ См.: 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены,

— Не у Романенко были, Николай Федорович? — спросил Чистяков.

— У танкистов я после вас думаю побывать.

— Понятно. — Пропуская Ватутина в блиндаж, Чистяков посторонился. Спросил уже из-за спины: — Вам что, тушенку разогреть или...

— Все равно, главное, чтобы побыстрее. И чаю, пожалуйста, погорячее.

— А может, что-нибудь еще и покрепче?

— Не надо, — отрицательно покачал головой Ватутин. — Снял шипель, прошел к столу, сел. Ожидая, пока принесут поесть, спросил Чистякова: — Ну как, Иван Михайлович, не тесно вам стало? Как-никак два корпуса добавилось.

— В тесноте, да не в обиде, — улыбнулся Чистяков. — Я вот сорок первый вспоминаю. Тогда, под Москвой, роту свежую подбросят — рад-радешенек. А тут — корпуса.

— Да, приближается и наш праздник. — Ватутин о силой потер свой высокий лоб. После небольшой паузы заинтересовался: — Как противник себя ведет?

— Беспокойства вроде бы не проявляет.

— Радиоигру продолжаете?

— В районах, где располагались святые нами соединения, по-прежнему работают группы радистов. Думаю, немцы ни о чем не догадываются. — Не удержался, спросил о том, что волновало его все эти дни: — Ну а когда это самое-то начнется?

— Вы меня на недозволенное не сбивайте, — жестковато ответил Ватутин. — Достаточно и того, что Ставка разрешила до командармов замысел ВГК довести. Ну а день и час... Могу лишь одно сказать — скоро. Так что готовьтесь.

— За свою армию могу поручиться, не подведу.

— Я до вас у Красовского был. Могу обещать вам надежное прикрытие с воздуха, — сказал Ватутин.

Потом они долго сидели над картой, еще и еще раз обговаривая все детали предстоящей операции. Ватутин больше слушал командарма, нередко ненавязчиво подсказывая ему тот или иной ход.

Спусти много лет после войны, вспоминая ноябрьские дни 1942 года, генерал И. М. Чистяков пишет: «И еще было одно замечательное качество у Николая Федоровича. Он умел слушать других, не давить своими знаниями и авторитетом. С ним мы, его подчиненные, чувствовали себя свободно, что, понятно, развязывало инициативу. Даже когда он подсказывал верное решение, то делал это... так незаметно и в то же время убедительно, что подчиненный принимал его решение как свое»¹.

Согласно разработанному Ватутиным плану операции глубина построения войск достигалась эшелонированием сил и средств в армиях, осуществляющих прорыв. Так, оперативное построение 5-й танковой армии выглядело следующим образом: из шести ее стрелковых дивизий две были развернуты в полосе 25 километров, а четыре сосредоточены на 10-километровом участке (две дивизии, усиленные танковыми бригадой и батальоном, — в первом эшелоне; еще две — во втором). 1-й, 26-й танковые и 8-й кавалерийский корпуса составляли подвижную группу армии и предназначались для развития успеха. Их предусматривалось использовать и для завершения прорыва тактической зоны обороны противника.

Находясь в первом эшелоне ударной группировки фронта, 5-я танковая армия должна была наступать в полосе 35 километров, а оборону противника прорывать на участке всего лишь в 10 километров.

21-я армия прорывала оборону противника на участке в 12 километров. Из шести ее стрелковых дивизий четыре со средствами усиления находились в первом эше-

¹ Чистяков И. М. Служим Отчизне. М., 1975, с. 89.

лоне. Две стрелковые дивизии выделялись во второй эшелон. В поднижнюю группу армии входили 4-й танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпус.

И. Ф. Ватутин регулярно докладывал представителям Ставки Г. К. Жукову и А. М. Василевскому о ходе подготовки к операции, получал от них необходимые указания. Николай Федорович установил тесную связь и с генералами К. К. Рокоссовским и А. И. Еременко, командовавшими в это время соответственно Донским и Сталинградским фронтами. Был разработан детальный план взаимодействия фронтов.

Приказ о переходе в наступление войскам Юго-Западного фронта был объявлен в ночь на 19 ноября. До рассвета они заняли исходное положение для атаки.

Утро 19 ноября выдалось на редкость туманным. Вскоре повалил густой снег, окутав сплошной пеленой весь район предстоящих боевых действий. Из-за неслетной погоды авиация могла действовать лишь мелкими группами, а артиллерия — вести по целям ненаблюдаемый огонь. Однако Ватутин решил выполнить разработанный план артиллерийского наступления в полном объеме. Вольше того, часть задач по подавлению противника, ранее по плану возложенных на авиацию, он переложил на артиллерию.

В 7 часов 30 минут залпом реактивной артиллерии началась 80-минутная артподготовка. Затем огонь был перенесен в глубину вражеской обороны. Это было сигналом для начала наступления. Вперед пошла пехота и танки 5-й танковой армии и стрелковые соединения 21-й армии. Одновременно с войсками Юго-Западного фронта начала наступление на своем направлении и ударная группировка 65-й армии Донского фронта.

Ватутин с нетерпением ждал первых докладов с поля боя. И вот они начали поступать. Неутешительные. Командующий 5-й танковой армией генерал П. Л. Романенко доложил: пехота и танки за первые два часа на-

ступления вклинились в оборону противника всего на 2—3 километра.

— Румынские части мы смяли легко, — докладывает Романенко. — Но за ними оказались немецкие. Они непрерывно контратакуют нас.

— Ваше решение? — спросил Ватутин.

— Прошу ввести в бой дополнительно хотя бы еще один танковый корпус, товарищ командующий.

Короткое раздумье. Командарм-5 просит дополнительный корпус. Такая возможность существует, наготове стоят два танковых корпуса. Но по плану они предназначены для развития успеха 5-й танковой армии. Успех же пока у Романенко минимальный. Но в то же время важен заев. Каков заев, говорят в народе, такова будет и песня. К тому же, как докладывает Романенко, гитлеровцы на направлении удара его армии не только обороняются, но и непрерывно контратакуют. Отсюда вывод: сил у них здесь хватает не только для прочной обороны. Значит, нужно бить не растопыренной пятерней, а всем кулаком.

— Разрешаю ввести в бой не один, а два корпуса: 1-й и 26-й, — говорит Ватутин. — И энергичнее, энергичнее. Жду от вас сообщения о прорыве тактической обороны противника.

Через час Романенко доложил: противник смят. Тактический прорыв на участке завершен.

Успешно действовали 26-й и 4-й танковые корпуса, которыми командовали генералы А. Г. Родин и А. Г. Кравченко. В первый день наступления эти соединения продвинулись вперед на 25—30 километров.

На участке, где наступала ударная группировка 65-й армии Донского фронта, соединения генерала П. И. Батова вначале довольно легко заняли две первые линии вражеских траншей. Однако решающие бои развернулись за находящиеся позади этих траншей меловые высоты, превращенные противником в сильные опорные

пункты. Подступы к ним прикрывались сплошными минными полями, многорядными проволочными заграждениями.

Дивизия Батова в конце концов сломали сопротивление врага и к 16 часам заняли группу высот в районе Мело-Клетской. Всего же к концу дня соединения 65-й армии продвинулись вперед лишь на 5 километров, не прорвав полностью даже первую полосу вражеской обороны.

Войска ударной группировки Юго-Западного фронта к исходу первого дня наступления, прорвав на двух участках (юго-западнее Сердфимовича и в районе Клетской) оборону 3-й румынской армии, вышли на оперативный простор. 2-й и 4-й румынские корпуса были полностью разгромлены, а их остатки вместе с 6-м армейским корпусом, находившимся в районе Распопинской, охвачены с флангов.

Командование группы армий «Б», пытаясь остановить или хотя бы замедлить продвижение войск Ватутина вперед, начало срочно перегруппировывать силы 6-й армии. Вечером 19 ноября командующий группой армий «Б» генерал Вейхс направил генералу Паулюсу приказ немедленно прекратить все наступательные действия его армии. Вейхс потребовал выделить из состава 6-й армии два моторизованных соединения, одну пехотную дивизию и вспомогательное моторизованное соединение, усилить их противотанковыми средствами и подчинить эти силы штабу 14-го танкового корпуса с последующим сосредоточением их позиционно за левым флангом 6-й армии. С утра 20 ноября эти соединения должны были нанести удар по наступающей группировке Юго-Западного фронта в северо-западном и западном направлениях.

20 ноября сопротивление противника во всей полосе наступления войск Юго-Западного фронта заметно возросло. Немецким и румынским частям и соединениям в

ряде мест удалось втянуть основные силы наступающей группировки фронта в затяжные бои. Но Н. Ф. Ватутин предвидел, что такое может случиться, и заранее принял соответствующие контрмеры. В частности, еще с вечера 19 ноября, получив от синоптиков благоприятную метеосводку на следующий день, он тут же связался со Ставкой, попросил хотя бы временно, на день-два, переподчинить ему в дополнение к уже имеющимся 2-й и 17-й воздушным армиям еще и 16-ю воздушную армию.

С утра 20 ноября командующий фронтом бросил на обозначившиеся опасные направления всю штурмовую авиацию трех воздушных армий. Одновременно в прорыв были введены 8-й и 3-й гвардейские кавалерийские корпуса генералов М. Д. Борисова и И. А. Плиева. Решительными действиями эти соединения начали закреплять успех танковых корпусов и расширять фронт наступления.

20 ноября в наступление перешла и ударная группировка войск Сталинградского фронта. Это было для немецко-фашистского командования полнейшей неожиданностью. Только теперь оно осознало всю серьезность угрозы для своих войск в районе Сталинграда, поняло, что 6-й армии Паулюса не избежать окружения.

Пока гитлеровцы в растерянности искали пути предотвращения надвигающейся катастрофы, наступление советских войск успешно продолжалось. Подвижные соединения Юго-Западного фронта получили приказ Ватутина: не ввязываясь в затяжные бои с контратакующим противником, обходить его опорные пункты и двигаться вперед, чтобы как можно скорее завершить окружение главных сил врага.

21 ноября 26-й и 4-й танковые корпуса Юго-Западного фронта, выйдя в район Манойлина, по приказу Ватутина круто повернули на восток, устремившись по кратчайшему пути к Дону, в район Калача.

К исходу дня передовые части 4-го танкового корпу-

са уже подходили к Голубилскому, а 26-й танковый корпус стремительно продвигался к Калачу. Впереди шел передовой отряд во главе с командиром 14-й мотострелковой бригады подполковником Г. Н. Филипповым. Перед этим отрядом была поставлена задача во что бы то ни стало захватить переправу через Дон и удержать ее до подхода главных сил корпуса.

На рассвете 22 ноября отряд подошел к Дону. И тут обнаружилось, что мост через реку у Калача взорван фашистами. Что делать?

На помощь пришел один из местных жителей. Он провел отряд Филиппова к другому мосту, находившемуся северо-западнее города. Правда, этот мост тоже был подготовлен к взрыву и охранялся. Но это не смутило советских воинов. Дерзкой атакой мост был взят, охрана перебита. Но гитлеровцы тут же бросили к мосту новые силы. Закипел жаркий бой, который не утихал до вечера. Отряд Филиппова стоял насмерть.

Вечером на помощь передовому отряду подошли танки 19-й танковой бригады подполковника Н. М. Филиппенко. Враг вынужден был прекратить попытки вернуть переправу и отступил. А вскоре по мосту переправились через Дон некоторые соединения 26-го и 4-го танковых корпусов. После жестокого боя они освободили от врага Калач.

Узнав о подвиге передового отряда и 19-й танковой бригады при захвате переправы через Дон, Ватутин распорядился представить подполковников Г. Н. Филиппова и Н. М. Филиппенко к званию Героя Советского Союза, что и было сделано. Вскоре оба отважных офицера получили эту высшую награду Родины.

В то время когда подвижные соединения Юго-Западного фронта еще только подходили к Калачу и захватывали переправы через Дон, с юго-востока навстречу им спешили бригады 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. 21 ноября они выбили врага из

целого ряда опорных пунктов на пути к Советскому, в том числе и из Верхнедарицынского. К исходу 21 ноября расстояние, разделяющее передовые соединения ударных группировок Юго-Западного и Сталинградского фронтов, сократилось до 80 километров. Встала задача в кратчайшие сроки перерезать последние коммуникации 6-й армии Паулюса. Для этого по приказу Ватутина 26-й танковый корпус должен был форсировать Дон своими главными силами, 8-й кавалерийский корпус — развивать наступление в направлении Обливской, а 1-й танковый корпус — выбить гитлеровцев с железнодорожной станции Суровикино.

Но была и еще одна задача, которую нужно было решить как можно быстрее, а именно: уничтожить группировку румынских войск в районе Распопнянской, окружение которой было фактически завершено уже к исходу 21 ноября. Эту задачу Ватутин возложил на 21-ю армию Чистякова, приказав ликвидировать окруженную группировку румынских войск не позднее 10 часов 23 ноября. Существовало опасение, что эта группировка могла вырваться из окружения и двинуться на Калач, на соединение с главными силами сталинградской группировки противника.

Приказ командующего фронтом И. М. Чистяков получил в первой половине дня 22 ноября. Он тут же пригласил начальника штаба генерала В. А. Пеньковского, члена Военного совета генерала П. И. Крайнова и начальника политотдела армии полковника Л. И. Соколова. Зачитал им приказ командующего фронтом. Предложил:

— Прошу высказывать свои предложения, товарищи. Срок нам, как видите, отведен весьма сжатый. Завтра в 10.00 я должен доложить командующему о выполнении его приказа.

— Да уж, задача не из легких, — покачал головой Пеньковский. — За сутки ликвидировать такую груп-

правку. Румын-то словно подменили, дерутся прямо-таки с остервенением.

— Будешь драться, если другого выхода нет, — сказал Соколов.

— А что, если дать им этот выход? — предложил Крайнов.

— Не понял? — вопросительно посмотрел на него Чвстяков.

— Предлагаю направить к окруженным парламентаров, Иван Михайлович, — пояснил член Военного совета. — Пусть разъяснят, что дальнейшее сопротивление бессмысленно.

— Парламентаров? — задумался Чвстяков. Повернулся к начальнику штаба: — Как, Валентин Антонович?

— А что, предложение дельное, — кивнул Пельковский. — У нас в данной ситуации лишь два выхода: или просить у командующего фронтом подкреплений, или предложить противнику сложить оружие.

— Что ж, на том и порешим. Буду сейчас связываться с командующим. Вначале попрошу хотя бы танковую бригаду. Если откажет, тогда о парламентарях скажу.

Вот как вспоминал тот свой телефонный разговор с Н. Ф. Ватутиным генерал И. М. Чистяков:

«...обратился я к командующему фронтом Н. Ф. Ватутину. Доложил обстановку.

Он со свойственным ему спокойствием выслушал меня и сказал:

— Да, Иван Михайлович, положение у тебя очень тяжелое, но помочь тебе ничем не могу. Нет у меня сейчас таких возможностей...

И доложил ему:

— Товарищ командующий, мне советуют направить к противнику парламентаров. Может, и правда, пошлем...

Он подумал и согласился»¹.

Быстро подготовили текст ультиматума. В нем говорилось: «Желая избежать напрасного кровопролития, советское командование предлагает окруженным войскам ультиматум — прекратить сопротивление и сдаться в плен». С этим документом за линию фронта были направлены капитаны Е. И. Иткин и И. К. Стулин. Они пробыли там около трех часов и вернулись ни с чем: генерал Стэнеску, командующий окруженной группировкой, отклонил ультиматум.

Чистяков доложил об этом по телефону командующему фронтом.

— Ваши дальнейшие действия? — спросил Ватутин.

— Будем атаковать противника паличными силами, — ответил Чистяков. — Любой ценой, но заставим его сложить оружие.

— Подождите, Иван Михайлович, не горячитесь, — остановил его Ватутин. — Мне победа любой ценой не нужна. Дайте подумать...

В трубке некоторое время стояла тишина. Но вот снова в ней послышался голос Ватутина:

— Иван Михайлович, вы меня слышите?

— Так точно, товарищ командующий!

— У меня тут идея возникла. Нет, не насчет подкрепления, у меня действительно на данный момент ни одной свободной бригады нет. А вот несколько десятков тракторов и тягачей я бы выделить мог. До наступления темноты никаких активных действий не предпринимать. Ну а ночью пошумите этими тягачами и тракторами, пусть противник думает, что к вам крупные резервы подходят.

— Понял, товарищ командующий. Сделаем все как надо.

Как развивались события дальше и к чему привела

¹ Чистяков И. М. Служим Отчизне, с. 104.

и лей Ватутина, можно узнать опять же из воспоминаний генерала Чистякова.

«Несколько часов ушло на подробную разработку ложной операции, — писал он. — С наступлением темноты к переднему краю противника потянулись десятки парных светящихся точек, сопровождаемых гулом моторов. К линии фронта машины шли с зажженными фарами, а обратно с потушенными. А поскольку машины было все-таки маловато, то к каждой из них мы прицепляли по несколько саней с фонарями. Гул танков имитировали тракторы. Движение вкруговую продолжалось до рассвета.

Кочующие батареи, меняя позиции, не давали покоя противнику короткими огневыми налетами. По радио и по телефону отдавались ложные приказы и распоряжения.

И противник клюнул на нашу хитрость. Генерал Стэнеску решил, что мы подтянули крупные механизированные войска, дальнейшее сопротивление бесполезно, надо сдаваться»¹.

Так кончила свое существование располинская группировка румынских войск.

Общая же обстановка тем временем разливалась следующим образом. Командующий Сталинградским фронтом приказал 51-й и 57-й армиям максимально ускорить продвижение в направлении на Советский, Карповка, чтобы быстрее соединиться с войсками Юго-Западного фронта. Командующий Донским фронтом потребовал от 24-й и 65-й армий активизировать действия по окружению и уничтожению вражеской группировки войск в малой излучине Дона.

Кольцо окружения вокруг 6-й армии Паулюса вот-вот должно было сомкнуться. 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта, ворвавшись в Советский, нахо-

¹ Чистяков И. М. Служим Отчизне, с. 106.

дился всего в 12 километрах от передовых соединений ударной группировки войск Юго-Западного фронта.

И вот наступил исторический день 23 ноября 1942 года. К 16 часам 45-я танковая бригада подполковника Н. К. Жидкова из 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта, сметая на пути последние очаги сопротивления врага, вышла к Советскому. Навстречу ей с северной окраины хутора тоже двинулись танки и пехота. Это были подразделения 36-й механизированной бригады подполковника М. И. Родионова из 4-го мехкорпуса Сталинградского фронта.

Радости советских бойцов не было предела. В воздух взлетели шапки, шлемофоны, над заснеженным полем грянуло мощное «ура». В котле оказались 22 дивизии врага и более 160 отдельных частей, входивших в состав 6-й и частично 4-й танковой немецких армий.

А для Н. Ф. Ватутина наступали новые заботы и волнения. Ведь было ясно, что враг не смирится с подобным положением и попытается деблокировать свои окруженные в Сталинграде войска. Нужно было готовиться к новым жестоким боям.

«МАЛЫЙ САТУРН»

Чтобы не допустить деблокирования окруженной под Сталинградом вражеской группировки, Ставка ВГК приняла решение без какой-либо паузы и без дополнительной подготовки продолжать решительные действия по ликвидации гитлеровских войск.

Общий замысел советского командования сводился к тому, чтобы ударами по сходящимся направлениям на Гумрак расчленить группировку Паулюса и уничтожить ее по частям. К выполнению этой задачи привлекались:

с запада — 21-я армия Юго-Западного фронта, усиленная 26-м и 4-м танковыми корпусами; с севера — 65, 24 и 66-я армии Донского фронта; с востока — 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта.

Войскам 1-й гвардейской и 5-й танковой армий Юго-Западного фронта надлежало прочно закрепиться на занятых рубежах по рекам Кривая и Чир и не допустить контрудара противника с юго-запада. С юга обеспечение операции возлагалось на 4-й кавалерийский корпус и стрелковые дивизии 51-й армии Сталинградского фронта.

2 декабря в Ставке ВГК был заслушан план операции «Сатурн». О готовности войск Юго-Западного фронта к этой операции, ввиду чрезмерной занятости Н. Ф. Ватутина и Г. Д. Стельмаха (они руководили боевыми действиями войск, занятых в операции по расчленению и уничтожению окруженной в Сталинграде вражеской группировки), докладывал в Ставке заместитель начальника штаба фронта генерал С. П. Иванов.

Операция «Сатурн» предусматривала нанесение двух охватывающих ударов в общем направлении на Миллерово, Каменск-Шахтинский: одного — смежными флангами 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта и 6-й армии Воронежского фронта с осетровского плацдарма (южнее Верхнего Мамона); другого — войсками 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта из района Боквской. На первом этапе операции предусматривалось окружить и разгромить 8-ю итальянскую армию, а на втором — совместными усилиями развить удар на Миллерово, Ростов-на-Дону.

В первом варианте начало операции планировалось на 10 декабря. Но к этому сроку не было закончено сосредоточение войск, и операция была перенесена на 16 декабря.

Обстановка тем временем диктовала свои условия. Немецко-фашистское командование уже в последних числах

ноября начало подготовку и деблокированию 6-й армии.

К 30 ноября территория, занимаемая окруженной группировкой противника, уменьшилась более чем вдвое. Ее протяженность с севера на юг составляла 30—40 километров, а с запада на восток — 70—80 километров.

Однако расчлениить вражеские войска, а затем уничтожить их по частям не удалось. Паулюс сумел вывести свои соединения из малой излучины Дона и укрепить ими позиции западнее реки Россошка.

Здесь, безусловно, сказались и усталость, значительные потери войск советских фронтов в ходе непрерывного десятидневного наступления в суровых условиях зимы и бездорожья. Но главная причина состояла в том, что по первоначальным разведанным фронтам, принимавших участие в контрнаступлении, и даже Генерального штаба, общая численность окруженных в Сталинграде немецко-фашистских войск определялась в 85—90 тысяч человек. Фактически же вражеская группировка насчитывала более 300 тысяч солдат и офицеров.

Преуменьшенными были и сведения о количестве боевой техники (особенно в танках и артиллерии), которыми располагали гитлеровцы.

Как только было завершено окружение противника под Сталинградом, началась интенсивная подготовка наступательной операции и на Среднем Дону с целью развития контрнаступления на сталинградско-ростовском направлении.

Но сначала нужно было в кратчайшие сроки завершить разгром окруженной вражеской группировки, так как по данным разведки стало известно, что гитлеровское командование спешно накапливает крупные силы в районах Тормосин и Котельниковский, перебрасывая сюда свежие части и соединения из Франции, снимая дивизии с других участков советско-германского фронта.

Для упорядочения управления войсками и создания необходимых условий для организации контрудара в полосу от Вешенской до реки Маныч немецко-фашистским командованием была сформирована новая группа армий — «Дон». Общая протяженность фронта, которую она занимала, достигала 600 километров. В нее вошли смешанная румыно-немецкая оперативная группа «Холлидт», остатки 3-й румынской армии, сводная армейская группа «Гот» (в нее были сведены избежавшие окружения части и соединения 4-й немецкой танковой и 4-й румынской армий) и, наконец, сама окруженная в районе Сталинграда 6-я армия Паулюса. Поддерживали группу армий «Дон» около 500 самолетов 4-го воздушного флота.

Командовать группой армий «Дон» был назначен генерал-фельдмаршал Манштейн. Оценив создавшуюся в районе Сталинграда обстановку, он пришел к выводу, что одновременно с деблокирующим контрударом 6-я армия должна в свою очередь нанести встречный удар и через образовавшийся коридор выйти из окружения. Однако этот замысел не нашел поддержки в гитлеровской ставке. Правда, Гитлер согласился запросить Паулюса о возможности встречного удара, но с тем условием, что тот одновременно будет «удерживать оборону вдоль Волги». Командующий 6-й армией отверг это предложение, не согласился на встречный удар, и Манштейну пришлось готовиться пробивать коридор без участия 6-й армии.

По первоначальному плану предполагалось нанести удары по советским войскам с двух направлений — из района Тормосин и Котельниковской. Однако создание ударных группировок шло медленно. Партизаны активизировали свои действия в тылу гитлеровских войск, пуская под откос вражеские эшелоны, направлявшиеся в район Сталинграда. Один срок начала операции по деблокированию армии Паулюса, получивший кодовое название «Зимняя гроза», уже прошел, а второй, намеченный на 12 декабря, паходился под угрозой срыва. В

создавшейся обстановке Мавштейн принял решение: не дожидаясь создания ударной группировки в районе Тормосиц, перейти в наступление одной лишь котельниковской группировкой.

Утром 12 декабря две танковые дивизии противника нанесли удар на узком участке фронта вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград. На их флангах наступали кавалерийские и пехотные соединения. Танковым дивизиям удалось прорвать на этом участке оборону советских войск и к исходу 13 декабря выйти в район Верхне-Кумского. Положение в полосе оборонявшейся здесь 51-й армии Сталинградского фронта, несмотря на все принятые меры, оказалось тяжелое.

В этой обстановке Ставка ВГК вынуждена была внести изменения в замысел разработанной ранее операции «Сатурн». Вместо глубокого удара на Ростов генерал-полковник Н. Ф. Ватутин (это звание ему было присвоено 7 декабря) получил задачу перенацелить главные усилия фронта на разгром группы армий «Дон». В директиве Ставки от 13 декабря предписывалось «видоизменить операцию «Сатурн»... главный удар направить не на юг, а на юго-восток в сторону Нижней Асташов и с выходом на Морозовск, с тем чтобы боковско-морозовскую группу противника взять в клещи, пройти по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока силами Ромащенко и Лелюшенко и с северо-запада силами Кузнецова и приданных ему подвижных частей»¹.

Этот вариант операции получил наименование «Малый Сатурн». В соответствии с директивой Ставки ВГК Н. Ф. Ватутин принял решение главный удар нанести силами 1-й и 3-й гвардейских армий на тех же участ-

¹ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976, т. 6, с. 65.

ках, которые были определены по плану «Сатурн», по направлению Миллерово, Лихая, а по сходящимся направлениям на Тацинскую, Морозовск. 6-й армии Воронежского фронта после прорыва обороны противника на своем участке предстояло обеспечить главную ударную группировку Юго-Западного фронта с запада.

Накануне наступления каждому воину 1-й и 3-й гвардейских армий была вручена газета с текстом обращения к войскам Военного совета Юго-Западного фронта. «Вы слышите стоны замученных и обездоленных советских людей: отцов и матерей, жен и детей наших, — говорилось в обращении. — Ваши сердца преисполнены священной ненавистью к фашистской мерзости, отродью рода человеческого. Так же, как и в боях под Москвой, Ростовом и Тихвином, вы ждете приказа — идти вперед на разгром врага, на освобождение наших городов и сел, наших семей.

Настал грозный час расплаты с лютым врагом. Приказ дан. Вперед, всесокрушающей лавиной, славные воины!»

В этой операции, как и в других, Н. Ф. Ватутин благодаря решительному, смелому массированию сил и средств сумел создать на участках прорыва более чем двойное превосходство над противником.

Утром 16 декабря после артиллерийской подготовки войска ударных группировок Юго-Западного и Воронежского фронтов перешли в наступление. Как и 19 ноября, в день начала исторического контрнаступления под Сталинградом, стоял туман. Поддерживающая авиация не смогла подняться в воздух, эффективность артиллерийского огня также была низкой. Поэтому наступление развивалось в невысоком темпе. Так, 1-я гвардейская армия Юго-Западного фронта (ею командовал генерал В. И. Кузнецов, а генерал Д. Д. Лелюшенко принял 3-ю гвардейскую) и 6-я армия Воронежского фронта за

первую половину дня продвинулись вперед всего на 2—3 километра.

Не лучшие обстояли дела и в полосе наступления 3-й гвардейской армии. Зябко поживаясь, Ватутин выслушивал неутешительные доклады командармов. Он был болен, но скрывал свой недуг. Ровным и спокойным голосом отдавал распоряжения.

Вот сейчас дивизии армии, казалось бы, должны пойти вперед. Но... Едва танки 25-го корпуса, ведя за собой пехоту, двинулись в атаку, как раздалось несколько мощных взрывов. Пять тридцатьчетверок неподвижно застыли на заснеженном поле. Подорвались на минах? Не может быть. Ведь саперы заранее расчистили проходы для танков, обозначили их вешками. Об этом ему, Ватутину, доложили.

Полуобернувшись, Н. Ф. Ватутин спросил командующего 1-й гвардейской армией генерала В. И. Кузнецова:

— Почему подрываются танки?

— Сам понять не могу, товарищ командующий, — ответил Кузнецов. — Что проходы проделывались — это точно. И вешки стоят.

— Может, не была организована охрана проходов и немцы за ночь снова закрыли их?

— Никак нет, проходы охранялись.

— Тогда в чем же дело?

— Выясню, товарищ командующий...

Вскоре Кузнецов доложил:

— Немцы ставили мины еще летом, затем осенью, а теперь вот сейчас, зимой. Саперы извлекли и обезвредили те, что были наверху. А мины, скрытые под глубоким снегом, вмерзшие в землю, не обнаружили. Так что и не поймешь, кто виноват.

— Выходит, перед нами многослойное минное поле?

— Так точно.

Случай действительно невероятный. Что делать? Продолжать наступление? Пехота пройдет: верхний слой мин

сят. Да и артиллерию протянуть можно. Но вот танки. А без них... Приказал:

— Танки вернуть на исходные. Стрелковые части тоже. Пока не будут разминированы проходы, вперед ни шагу.

Утром 17 декабря после артиллерийской и авиационной подготовки соединения 1-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова и 6-й армии генерала Ф. М. Харитонова возобновили наступление. Их поддерживали четыре танковых корпуса.

К исходу дня последовал запрос из Москвы: как развиваются события? Ватутин доложил: 1-я гвардейская и 6-я армии прорвали тактическую оборону противника и продвинулись вперед на 20—30 километров.

Особенно упорное сопротивление противник оказал 18 декабря, по соединению Юго-Западного фронта все же сокрушили его оборону. Итальянские, немецкие дивизии, понеся большие потери, начали откатываться на юг и юго-восток.

В результате трехдневных боев ударные группировки Юго-Западного фронта и действующего вместе с ним Воронежского взломали организованную оборону противника. В полосе 1-й гвардейской и 6-й армий прорыв был расширен до 60 километров по фронту и до 40 километров в глубину. В полосе наступления 3-й гвардейской армии оборона врага была прорвана на фронте в 20 километров. В ходе этих боев советские войска полностью разгромили две немецкие и две итальянские дивизии.

Успешное наступление ударных группировок Юго-Западного и Воронежского фронтов на Среднем Дону вынудило немецко-фашистское командование предпринять срочные меры для усиления своих войск в данном районе, и прежде всего за счет созданной тормосинской группировки. Против ударной группировки Юго-Западного фронта противник спешно выдвинул также 6-ю танковую ди-

ни во, действовавшую до этого на котельниковском направлении.

Сообщение об этом Николай Федорович встретил внешне спокойно. Лишь дольше обычного изучал разостланную на столе карту. Связавшись со Ставкой, Ватутин доложил создавшуюся обстановку и попросил, чтобы в целях улучшения управления войсками 6-ю армию передали в состав его фронта.

Москва ответила согласием. Закачивая переговоры с Ватутиним, Ставка потребовала повысить темпы наступления, особенно танковых корпусов.

И снова Н. Ф. Ватутин не выпускает из рук трубку. Звонит в войска. Приказывает командующим 6, 1 и 3-й гвардейскими армиями приложить максимум усилий к быстрейшему достижению ранее поставленных целей. Командующий 5-й танковой армией получает приказ всемерно содействовать наступлению войск правого крыла фронта ударами в направлении Тормосии, Нижнечирская.

Танковые корпуса, не ввязываясь в бои за опорные пункты противника, при поддержке авиации устремляются в тыл главных сил 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт». Стрелковые войска, наступая за подвижными соединениями, окружают и уничтожают расчлененные итало-немецкие группировки, блокируют и штурмуют их опорные пункты и узлы сопротивления.

Против вырвавшихся далеко вперед советских танковых корпусов противник бросил всю свою авиацию, а в районе Миллерово, Тациска, Морозовск срочно подтягивал свежие пехотные, танковые и альпийские части и соединения. С других участков советско-германского фронта, а также из Западной Европы сюда было переброшено 8 дивизий, из них 4 — танковые. Но все эти соединения вводились в бой в спешке, по мере выгрузки,

разрозненно, поэтому не могли сколько-нибудь существенно изменить катастрофическую для врага обстановку.

28 декабря Н. Ф. Ватутин докладывал по «Бодо» в Ставку:

«— Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, и запасы захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тысяч человек, по менее этого убито; таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления, за редким исключением.

Перед войсками фронта противник продолжает упорно обороняться на фронте Обливская — Верхне-Чирская. В районе Морозовска сегодня уже захвачены пленные 11-й танковой дивизии и 8-й авиационной полевой дивизии, которые раньше были перед армией Романенко. Наибольшее сопротивление армии Лелюшенко и нашим подвижным войскам оказывают части противника, которые из района Котельвицкого переправились через реку Дон и выдвинулись на фронт Чернышковский — Морозовск — Скосырская — Тацкая. Эти войска противника стремятся занять рубеж, чтобы воспрепятствовать дальнейшему наступлению наших подвижных соединений и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск. А может быть, противник при благоприятных для него условиях попытается вообще удержать за собой весь этот выступ, с тем чтобы потом выручить через него свою окруженную группировку. Однако это ему не удастся. Все силы будут приложены к тому, чтобы отрезать этот выступ.

Авиаразведка ежедневно отмечает выгрузку войск противника в районах Россоси, Старобельска, Ворошиловграда, Чеботовки, Каменска, Лихой, Зверева. О намерениях противника судить трудно, видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северский (Северный) Донец. Противник вынужден в первую очередь затыкать сделанную нашими войсками брешь шириной по прямой

350 километров. Было бы хорошо без особой паузы продолжать бить противника, однако для этого надо давать сюда подкрепление, так как те силы, которые здесь есть, заняты завершением «Малого Сатурна», а для «Большого Сатурна» нужны дополнительные силы...

— Первая ваша задача — не допустить разгрома Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова, — сказал И. В. Сталин. — Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае попытаться Тацинскую. Ваш встречный удар на Тормосин 8-го кавалерийского корпуса хорошо бы подкрепить еще какой-либо пехотной частью. Что касается 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и одной стрелковой дивизии, направляемых через Суворовский на Тормосин, это очень кстати.

Для того чтобы превратить «Малый Сатурн» в «Большой Сатурн», мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса и три-четыре стрелковые дивизии... У нас имеется сомнение насчет 18-го танкового корпуса, который вы хотите направить на Скосырскую, лучше оставить его в районе Миллерово — Верхне-Тарасовское вместе с 17-м танковым корпусом. Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова»¹.

Но что же произошло с корпусом Баданова?

17 декабря в 18 часов 30 минут, войдя в прорыв северо-восточнее Богучара, 24-й танковый корпус генерала В. М. Баданова стремительно двинулся на Тацинскую. Корпус шел форсированным маршем, громя по пути тыловые части противника. Заправлялись трофейным горючим. За пять дней танковые бригады корпуса прошли

¹ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 317—318.

240 километров. На шестые сутки, к ночи, были уже в станции Скосырской. До Тацинской оставалось несколько часов хода.

На рассвете 24 декабря танкисты атаковали железнодорожную станцию, поселок и ворвались на аэродром, где захватили несколько сот вражеских самолетов.

Гитлеровцы были выбиты из Тацинской, но вскоре попытались вернуть ее. Командование группы армий «Дон» направило сюда резервы, в том числе 11-ю немецкую танковую дивизию. Корпус Баданова был отрезан от основных сил Юго-Западного фронта, и танкисты перешли к круговой обороне. В строю оставалось всего 54 танка с ограниченным запасом боеприпасов и горючего. Ватутин держал постоянную связь по радио с Бадановым, поэтому хорошо знал обстановку, сложившуюся в районе Тацинской. Он разрешил командиру корпуса в случае крайней необходимости оставить Тацинскую и пробиваться на соединение с главными силами фронта. На помощь Баданову Ватутин направил 25-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса.

Между тем, выбрав удачный момент, генерал В. М. Баданов прорвал кольцо окружения и соединился с главными силами фронта. Предварительно танкисты вывели из строя все подъездные пути к станции, взорвали стрелки и депо в Тацинской, привели в негодность взлетные полосы на аэродроме и уничтожили захваченные самолеты.

Ставка высоко оценила боевые действия 24-го танкового корпуса. За высокое воинское мастерство, стойкость и дисциплинированность личного состава при действиях в глубоком вражеском тылу он был преобразован во 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус и награжден орденом Ленина, а генерал В. М. Баданов стал первым кавалером ордена Суворова II степени. Высоких наград удостоились и многие другие танкисты корпуса.

В то время когда танкисты генерала В. М. Баданова

громляли врага в Тацинской, а затем прорывались из кольца окружения, стрелковые соединения 1-й и 3-й гвардейских армий Юго-Западного фронта во взаимодействии с 18-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусами (еще до перенацеливания последнего на Тацинскую) расчленили в районе Алексеево, Лозовое основные силы 8-й итальянской армии, разгромили их, захватив богатые трофеи и взяв в плен тысячи солдат и офицеров. Такая же участь вскоре постигла и вражескую группировку, окруженную в районе Арбузовки и Каптемировка. В итоге напряженных двухнедельных боев войска генерал-полковника Н. Ф. Ватутина продвинулись вперед до 200 километров и к концу декабря вышли на рубеж Новая Калитва, Миллерово, Ильинка, Чернышковский. Операция «Малый Сатурн» успешно завершилась.

В результате блестяще проведенной операции советских войск на Среднем Дону потерпела полный провал попытка немецко-фашистского командования деблокировать окруженную под Сталинградом группировку Паулюса. Создались благоприятные условия для ее окончательного разгрома.

Но в победном финале Сталинградской битвы войска Ватутина участия уже не принимали. По решению Ставки ВГК задача разгрома группировки Паулюса возлагалась на Донской фронт, а Юго-Западный начал готовиться к выполнению новой, не менее важной задачи.

ОГНЕННАЯ ДУГА

28 марта 1943 года генерал армии¹ Н. Ф. Ватутин вступил в командование войсками Воронежского фронта.

¹ Это воинское звание было присвоено ему 12 февраля 1943 г.

К этому времени после ожесточенных зимних сражений на всем советско-германском фронте наступило относительное затишье. Продвинувшиеся далеко на запад советские войска закреплялись на достигнутых рубежах. Воюющие стороны готовились к новым операциям.

К разработке плана ведения войны на лето и осень 1943 года Ставка ВГК приступила в конце марта, сразу же по завершении зимних сражений. Предусматривалось начать кампанию широкими наступательными действиями, нанося главный удар на юго-западном направлении. Для этого были все условия. Советские войска прочно удерживали стратегическую инициативу и превосходили гитлеровский вермахт в силах и средствах.

Но вскоре в эти первоначальные замыслы были внесены существенные изменения. В конце марта — начале апреля советскому командованию стало известно, что гитлеровцы готовятся к активным действиям в районе Курска. 7 мая органы агентурной разведки снова информировали Государственный Комитет Обороны о готовящейся на орловско-курском направлении крупной наступательной операции врага под кодовым названием «Цитадель». 23 мая были получены дополнительные данные, подтверждающие сообщения о приготвлении немецко-фашистских войск к большому стратегическому наступлению в районе Орла и Курска. Поступили сведения о том, что противник применит в предстоящей наступательной операции в большом количестве новые танки, в том числе и «тигры».

Учтя все это, Ставка ВГК приняла решение создать на курском направлении мощную оборону, дать противнику возможность первому нанести удар, обескровить его, перейти в контрнаступление, а затем и в общее стратегическое наступление.

Отразить наступление гитлеровцев со стороны Орла предстояло войскам Центрального, а из района Белгорода — Воронежского фронтов. После решения задач оборо-

ны наступательную операцию на орловском направлении должны были провести войска левого крыла Западного, Брянского и правого крыла Центрального фронтов. Эта операция получила кодовое название «Кутузов». Разгром белгородско-харьковской группировки врага предстояло осуществить силами Воронежского фронта и Степного военного округа во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта. План этой операции получил наименование «Полководец Румянцев».

Приняв командование войсками Воронежского фронта, И. Ф. Ватутин узнал о том, что танкистами генерала П. С. Рыбалко освобожден от врага Валуйский район, его, Ватутина, родные места. Ему очень хотелось хотя бы на несколько минут заехать в Челухино, узнать о судьбе матери и сестер. Живы ли они?

Но как ни велико было желание побывать в родном селе, все же поездку пришлось отложить. Слишком много было у командующего фронтом неотложных дел. Николай Федорович попросил начальника штаба генерала Ф. К. Корженевича узнать, проживают ли в Челухино Ватутины. Через несколько дней ему доложили: проживают. И даже привезли записку, в которой мать, Вера Ефимовна (по записку, Николай Федорович сразу узнал по почерку, писала младшая сестра Лена), спрашивала, знает ли он что-нибудь о судьбе своих братьев.

О братьях он знал. Хоть и редко, но переписывался с ними, а с одним из них, Афанасием, даже довелось встретиться, когда тот, получив после излечения в госпитале краткосрочный отпуск, заехал к нему на два дня.

Вглядываясь Ватутин в осунувшееся лицо брата, вслушиваясь с тревогой в его свистящее дыхание и думал: как же, наверно, трудно ему с поврежденной еще в двадцатые годы грудью там, в окопах, на передовой. А тут еще и осколок, засевший в левом предплечье. Может, предложить брату остаться при своем штабе? Но правильно ли поймут его, командующего фронтом, люди?

Не предложил. К тому же был уверен, что Афанасий не согласится.

Вот так, в урывочных разговорах о его, Афанасия, службе, о новостях, что сообщали в своих письмах остальные два брата — танкист Семен и наводчик орудия Павел, и прошли те два дня. А затем Афанасий уехал в свою саперную часть.

Обо всем этом и написал Николай Федорович матери. Пообещал при первом же удобном случае известить ее. Но такая возможность выдалась лишь в конце мая. Тогда по делам службы И. Ф. Ватутин оказался в одном из соединений своего фронта, которое располагалось всего в нескольких километрах от райцентра Валуйки.

Бронетранспортер командующего и следующая за ним машина с охраной втянулись на окраину Валук. И хотя все вокруг было сильно разрушено, многие дома сгорели. Ватутин сразу узнал эту окраину — Казацкая слобода!

И всплыло в памяти детство. Вот он лежит в старом сарае на соломе и горько плачет. И было отчего. Учитель, Николай Иванович Попов, пришел утром к отцу, чтобы уговорить его послать сына на учебу в земское училище. А отец сказал, будто отрезал:

— А зачем? Читать и писать умеет, хватит с него!

— Но поймите, Федор Григорьевич, — наступал Попов, — Николай очень способный мальчик. Он у меня первым учеником школу закончил.

— Так-то оно так. А на что я его учить-то дальше буду? Ведь он у меня не один.

Только под вечер отыскал тогда в сарае внука дед Григорий. Привел его домой осунувшегося, но не примирившегося. Сказал с одобрением:

— Упорный, ох, упорный. Нашей породы, ватутинской. — И твердо — отцу Николая: — Вот что, Федор, отдавай его дальше в учение. Ну а насчет денег, помогу.

Под осень дед увез сияющего от счастья Николая в Ва-

луйки и поселял у своих дальних родственников Сялиных вот здесь, на окраине, в Казацкой слободе...

Бронетранспортер с машиной охраны, попетляв по узковатым улицам городка, выбрался на противоположную его окраину, к недавно наведенному саперами мосту через реку Валуй. И снова при взгляде на реку ожили воспоминания.

Вот здесь он ловил рыбу. Вырубал топориком лунки в еще нетолстом льду и таскал на пемудрящую спасть окуньков в ершей. Делал это конечно же не из-за рыбацкой страсти, а в силу необходимости: еды, что присылали из дому на неделю, едва хватало на три-четыре дня, а у Сялиных у самих было шестеро детей.

Двухклассное земское училище Николай Ватутин окончил с отличием. Но ему хотелось учиться дальше. И тут на помощь снова пришел учитель Н. И. Попов.

В то время в Воронежской губернии несколько лет подряд выдавались хорошие урожаи. Заметно оживилась торговля хлебом, пенькой, промышленными товарами. Местному купечеству потребовались дополнительные приказчики — грамотные, понимающие толк в торговом деле люди. Их выпускало коммерческое училище, расположенное неподалеку от Валуйков, в торговой слободе Уразово. Но состоятельные люди отдавали туда своих сынков неохотно, предпочитая отправлять их в Воронеж, поэтому училище испытывало постоянный недобор. И вот тогда-то по настоянию купечества земство и разрешило некоторым крестьянским детям, проявившим большие способности в учебе в земском училище, держать экзамены в коммерческое училище. Эти экзамены Ватутин сдал прекрасно и даже получил небольшую стипендию.

В коммерческом училище обучались преимущественно сынки купцов и чяловников. Они, естественно, сторожились. Няколая — паренька, одетого в домотканую рубаху и латаяые штаны. Да он и сам не стремился сблизиться с ними. Учеба — вот что было тогда для него главным.

Однако закончить коммерческое училище Ватутипу не удалось. Когда он перешел уже на четвертый, выпускной, курс, земство без объяснений каких-либо причин прекратило выплату и без того мизерной стипендии. И Николаю пришлось возвратиться в Чепухино.

Вначале помогал отцу, учил грамоте младших братьев и сестер, затем устроился переписчиком в волостное управление.

На западе шла первая мировая война, донося в Чепухино свои страшные отголоски. Появились вдовы и осиротевшие дети. Возвращались с фронта травленные газами, израненные и искалеченные солдаты. Вот тогда-то он, Николай, и услышал впервые слова «Ленин», «большевики»...

О том, что произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, что власть в Петрограде перешла к Советам во главе с В. И. Лениным, жители села узнали от приехавшего из Воронежа агитатора-большевика. Он же зачитал на митинге и первые декреты Советской власти — о мире, о земле.

Тут же было принято решение о разделе помещичьей земли. Шестнадцатилетнего Николая Ватутина, как самого грамотного из сельчан, единодушно избрали председателем комиссии по разделу.

Но недолго просуществовала в Чепухино, да и во всей Воронежской губернии, Советская власть. Уже в начале 1918 года с Украины двинулись сюда войска кайзеровской Германии и гайдамаки, затем их сменили белогвардейцы.

Через год разгулу белогвардейщины пришел конец. Под ударами Красной Армии денкиинцы откатились на юг. В Воронежской губернии была восстановлена Советская власть. Ее надо было защищать, и Ватутип вступает добровольцем в ряды Красной Армии...

— Товарищ командующий, — оторвал Ватутипа от воспоминаний Семенчук. — Кажется, подъезжаем...

Когда бронетранспортер подкатил к дому и из него вышел Ватутип, первой его увидела младшая сестра Лена.

По бросилась она не к нему, а к раскрытым дверям дома, крича на бегу:

— Мама. Коля приехал!

Мать торопливо выпла на крыльцо и тут же оказалась в сильных объятиях сына. Не сказала, а выдохнула:

— Кровишка ты моя родненькая, дождалась!

Из-за ее слезы, плача и смеха, тербели брата сестры Матрена, Дарья и Лена.

Войдя в дом и сняв шинель, Николай Федорович хотел было по привычке отдать ее Семенчуку, но в последний момент, что-то вспомнив, сказал:

— погоди, Алексей, я сам... Припеси-ка лучше мой походный чемодан.

Адъютант вышел. А Ватутин, обернувшись с шинелью в руках к двери, удовлетворенно улыбнулся. Гвоздь, тот самый, что вбил когда-то в стену рядом с входом отец, был на месте. На него-то Ватутин и повесил свою шинель.

А вскоре Ватутины уже сидели за семейным столом. И вспомнилось Николаю Федоровичу, как когда-то, еще в пору его детства, они обедали не в хате, а во дворе, за длинным, сбитым из досок столом.

Сколько же времени с тех пор прошло, скольких дорогих ему людей уже нет в живых! А тех, что живы, раскидала война. Кто знает, когда все вместе соберутся?

Из раздумий его вывел голос матери:

— Ты бы, сынок, о себе рассказал...

— А что рассказывать-то? Воюю. А вот вы-то как все это время жили? Боялся я за вас.

— Ой, сынок, — всплеснула руками Вера Ефимовна. — Да если б не добрые люди. Поначалу, правда, дело чуть до беды не дошло. Щеголев — помнишь нашего председателя колхоза? — все уехать предлагал. А нам жалко было с насиженного места срываться. Верили, что остановит наша армия фашиста. Потом собрались было уйти, да дальше Валуиков не получилось. Ихние танки опередили. Пришлось возвращаться. А на околице с Канюком, ну с

Командир роты Н. Ф. Ватутин

Н. Ф. Ватутин (в центре) с группой командиров Красной Армии, 1925 г.

Н. Ф. Ватутин с женой Татьяной Романовной

Генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин — начальник штаба Северо-Западного фронта. 1941 г.

М. И. Калинин вручает Н. Ф. Ватутину государственную награду. 1941 г.

В штабе Юго-Западного фронта. В центре — командующий генерал-полковник Н. Ф. Ватутин и члены Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов и генерал-майор В. М. Лайок

Артиллеристы ведут огонь по врагу

Н. Ф. Ватугин в период
Курской битвы

Разгромленная боевая техника противника

Представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов и командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин. Зима 1943/44 г.

За Днепр

На наблюдательном пункте

П. С. Рыбалко, Н. Ф. Вагутин и К. С. Москаленко. Октябрь 1943 г.

Пам'ятник генералу армії Н. Ф. Ватутину в Києві

тем плюгавеньким мужичонком, что в колхозе конюхом работал, встретились. На руке — повязка. Полицай, значит. Больше того, немцы его старостой села назначили. Увидел он нас и обрадовался: «А-а, вернулись?! Вот вы-то мне и нужны. Думаете, смолчу, что ваш Колька-то в советских генералах ходит? Завтра же явитесь ко мне».

Ну, думаем, выдаст проклятый. Но в тот же вечер к нам какой-то паренек квартироваться напросился. Не наш, не чепухинский. Сказал, что сапожник. Пустили. А паутро узнаем, что Каныюка-то ночью убили. И кто бы ты думал? Наш квартирант, паренек-сапожник. Он мне под подушкой записку оставил. Написал, что не волнуйтесь, дескать, мамаша, семью генерала Ватутина мы, партизаны, в обиду не дадим. Каныюка, что вас выдать собирался, согласно советскому закону караем. Другим, мол, паука будет. Новый староста, — продолжала Вера Ефимовна, — нас как будто и не замечал. Ну а тот сапожник с той ночи будто в воду канул.

Пока мать рассказывала Николаю Федоровичу о пареньке-сапожнике, у хаты Ватутиных собралось едва ли не все село. В дом из-за скромности, а больше из-за того, что у ворот прохаживался молчаливый часовой с автоматом, не входили. Сдержанно гудели под окнами:

— Вот она, Советская-то власть! Дед Григорий, почи-тай, восемнадцать лет царской службе отдал, а ни одной лычки на погоны так и не получил. Внук же, эвон, генерал!..

— Небось не меньше как дивизией командует...

— Да куда уж там дивизией, бери выше!

До Николая Федоровича, вначале увлеченного материнским рассказом, наконец дошел этот сдержанный людской гомон. Распахнув окно, он высунулся из него едва ли не по пояс, приветливо поздоровался с сельчанами, спросил:

— Что же вы здесь стоите? Заходите.

— Так тебя ж, Федырыч, с часовым теперича охра-

няют. — выступил вперед старик Балашов, по прозвищу Балаши. — Как тут пройденшь...

— Пожалуйста, заходите, милости просим, — радушно пригласил Ватутин. И — часовому: — Пропустите, это же моя односельчане.

В минуту хата набилась народом. Николай Федорович, выйдя из-за стола, с каждым здоровался за руку, рассаживал где только было можно. А с Женей Лыковой, с которой некогда вместе учился, расцеловался.

И завязался разговор.

— Немцев-то надежно отогнали, а, Федырыч? Не получится ль так, что они опять...

— Что насчет второго фронта слышно?

— Как Москва поживает?

— Какие указания правительства есть насчет нас, освобожденных?

С вопросами обращались не просто как к Ватутину-земляку, а как к генералу Красной Армии, представителю Советской власти. И Николай Федорович отвечал как ее представитель. Заверил земляков, что Красная Армия гонит и впредь будет гнать ненавистного врага с нашей священной земли и непременно дойдет до Берлина. Объяснял международную обстановку. Говорил, что Коммунистическая партия и Советское правительство сделают все возможное, чтобы в кратчайшие сроки палатить жизнь людей на территории, освобожденной из-под вражеской оккупации.

В свою очередь односельчане рассказывали о том, как собираются восстанавливать колхоз, поднимать опаленную войной землю.

— Только вот, Николай Федорович, тягловой силы у нас всего ничего. Уже б пахать в самую пору, а чем? Хоть самим в плуги ипрягайся...

— Вот если б нам те два трактора достать, что председатель в сорок первом в речку загнал, — вставила Женя Лыкова.

— Что за тракторы? — повернулся к ней Ватутин.

— Да наши, колхозные, — опередил Женю с ответом дед Балаин. — Угнать-то их в сорок первом не успели, так наш председатель, Щеголев, самолично завел их да в Черный Вир — помнишь самый глубокий вир? — с берега и пустил. Немцы за то его казнили. А тракторы и по сей день на дне.

— Хорошо, — сказал Ватутин, — я приплюну пару артиллерийских тягачей. Заодно механики-водители и приведут тракторы в рабочее состояние.

Вот так за беседой с родными и сельчанами и пролетело время, выкроенное Н. Ф. Ватутиным для поездки в село Чешухино. Вскоре бронетранспортер слова мчал его по знакомой с детства дороге на Валуйки. Командующего ждали войска фронта.

К началу июля 1943 года советское командование завершило подготовку к битве на Курской дуге. Войска, действовавшие в районе Курского выступа, получали значительное усиление. Так, в состав Центрального и Воронежского фронтов с апреля по июль поступило 10 стрелковых дивизий, столько же истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, 13 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 14 артиллерийских полков, 8 гвардейских минометных полков, 7 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков и другие части. С марта по июль в распоряжение двух вышеуказанных фронтов было поставлено 5635 орудий и 3522 миномета, а также 1294 самолета¹.

Получение получили и Степной военной округ, те полки и дивизии Брянского и левого крыла Западного фронтов, которые по плану Ставки ВГК тоже привлекались к операции.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976, т. 7, с. 135.

Расположение советских войск было следующим. Армии Центрального фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского обороняли северный фас Курского выступа протяженностью до 306 километров — от Александровки до Коренево. Воронежский фронт под командованием генерала Н. Ф. Ватутина оборонял южный фас выступа в 244 километра — от Коренево до Волчанска.

Одновременно с подготовкой обороны на Курской дуге советское командование продолжало продумывать и тщательно взвешивать все детали предстоящих наступательных действий па лето и осень 1943 года. Особую заботу Ставки и Генштаба составлял выбор направления главного удара. Думали над этим основательно и не сразу пришли к лучшему решению. Первоначально многих заинтересовало предложение командования Воронежского фронта. Н. Ф. Ватутин предлагал сосредоточить главные усилия южнее Курска и нанести удар на Харьков, Днепрпетровск с задачей овладеть крупным плацдармом на правом берегу Днепра с последующим выходом на рубеж Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях — и на рубеж Черкассы, Николаев. По мнению Военного совета Воронежского фронта, именно здесь наступление позволяло достичь решающих для исхода войны результатов. Оно вывело бы из строя группу фашистских армий «Юг» — наиболее активную в то время силу противника, лишило бы гитлеровцев богатейшей продовольственной базы и таких важных промышленных районов, как Донбасс, Криворожье, Харьков и Днепрпетровск. Кроме того, наши войска приблизились бы к границам южных союзников гитлеровской Германии и тем ускорили выход последних из войны. В операции Н. Ф. Ватутин предлагал использовать войска своего фронта, а также Юго-Западного, Южного, а на заключительном этапе и Центрального фронтов с соответствующим усилением за счет резервов Ставки ВГК.

План операции, разработанный Ватутиным, вначале

серьезно заинтересовал Ставку и Генеральный штаб. Конечно же он был заманчивым. Но по мере его дальнейшего детального изучения выявились и определенные изъяны. Во-первых, план не затрагивал центр советско-германского фронта, и главное — западное стратегическое направление, не ставил под угрозу крупную группировку противника — группу армий «Центр», которая, оставшись вне воздействия советских войск, продолжала бы угрожать флангам наших важнейших фронтов; оказывалось в стороне и киевское направление, весьма важное в политическом, экономическом и чисто военном отношении.

После долгих дебатов план командования Воронежского фронта был, по существу, отвергнут. Удар на Харьков, Полтаву и Киев Генеральный штаб признал более перспективным. И действительно, выход наших войск к столице Украины — важному экономическому и политическому центру страны давал большие стратегические перспективы. Во-первых, при этом достигалось выполнение тех задач, которые планировалось достичь в случае наступления в направлении на Днепропетровск (элемент из плана Н. Ф. Ватутина). Во-вторых, при успешном выполнении нового плана расчленился бы фронт противника (особенно в случае выхода советских войск к Карнатам), затруднилось взаимодействие между важнейшими его группировками. Из района Киева в равной степени можно было угрожать флангам и тылу как группы армий «Юг», так и правому крылу группы армий «Центр». Наконец, при таком варианте советские войска вообще приобретали бы наиболее выгодное положение для последующих действий. Поэтому этот план и был принят¹.

Ватутин воспринял весть об отклонении его плана спокойно. К тому же он видел — новый план более перспективен. Поэтому-то и продолжал с присущей ему энергией

¹ См.: Штоменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981, кн. 1, с. 222.

и скрупулезностью готовить войска фронта к выполнению ближайшей задачи — обороне.

В те дни он почти не бывал на своем КП. Его запыленный «виллис» видели то в одном соединении, то в другом. Николай Федорович на месте оказывал помощь командирам в подготовке войск к первому этапу операции — преднамеренной обороне. А возвращаясь из войск — будь то днем или ночью — тут же вызывал к себе недавно прибывшего к нему нового начальника штаба фронта генерала С. П. Иванова, вместе с ним анализировал все увиденное в передовых частях и соединениях, прикидывал на карте варианты зрелых решений, внимательно выслушивая при этом и мнение своего собеседника. Засыпал всего на два-три часа. А затем — снова в войска.

Позднее генерал С. П. Иванов так напишет о своем командующем: «Генерал Н. Ф. Ватутин с неизменным вниманием относился к пуждам и запросам штаба, с его стороны штабисты всегда встречали полное понимание и всестороннюю поддержку. Да это и не удивительно. Ведь пройдя все ступени штабной службы, вплоть до заместителя начальника Генерального штаба, он знал все профессиональные тонкости, о событиях судил масштабно, сразу схватывая суть дела. Это был настоящий генштабист, человек отменной работоспособности, сильной воли и исключительной деловой целеустремленности. В нем, как нельзя лучше, сочетались черты командующего и руководителя крупного штаба. Самым тесным образом Н. Ф. Ватутин поддерживал контакты с войсками, куда он часто выезжал, причем о своих поездках ставил в известность и штаб. Он всегда знал о запросах, пуждах, настроениях не только командного, но и рядового состава, а при необходимости оперативно оказывал действенную помощь»¹.

Тщательно проанализировав обстановку и исходя из данных разведки, Ватутин пришел к выводу, что по вой-

¹ Битва на Курской дуге. М., 1975, с. 59.

скам его фронта гитлеровцы скорее всего ударят с трех направлений. Первое — из района Белгорода на Обоянь. Второе направление — из района все того же Белгорода, но только уже на Корочу. И, наконец, третье — из района Муромы и Терновой на Волчанск и Новый Оскол.

Два первых направления Николай Федорович считал наиболее вероятными. Поэтому он принял решение сосредоточить главные усилия на левом крыле фронта. Здесь, на участке в 164 километра (около 68 процентов общей протяженности фронта), командующий сосредоточил 83 процента стрелковых дивизий, до 90 процентов танков и САУ, свыше 86 процентов артиллерии¹.

В состав Воронежского фронта в то время входили 38, 40, 69, а также 6 и 7-я гвардейские, 1-я танковая и 2-я воздушная армии, а также 35-й гвардейский стрелковый, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Эти силы генерал Н. Ф. Ватутин расположил следующим образом: в первом эшелоне — 38, 40, а также 6 и 7-я гвардейские армии; во втором — 1-я танковая и 69-я армии. В резерве находились 35-й гвардейский стрелковый, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса, ряд артиллерийских частей и соединений.

В районе Курского выступа было оборудовано восемь оборонительных полос и рубежей. Общая глубина их достигала 250—300 километров. Каждая армия первого эшелона в свою очередь возвела по три полосы. Как Воронежский фронт, так и Центральный построили три фронтовых рубежа. Восточнее Курского выступа войска Степного военного округа оборудовали оборонительный рубеж по линии Россошное, Белый Колодезь. И наконец, по левому берегу Дона был построен государственный рубеж обороны.

Основой инженерного оборудования первого эшелона являлась широко развитая система траншей, а также хо-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 136.

дов сообщения. В главной полосе войска Воронежского фронта подготовили 4—5 траншей полного профиля, причем сплошных траншей. В среднем в дивизии, обороняющейся в этой полосе, было отрыто до 70 километров траншей и ходов сообщения. В ходе боя это должно было обеспечить осуществление широкого маневра живой силой и огневыми средствами как по фронту, так и по глубине. Здесь же сооружались и огневые точки типа дзотов, в среднем 6—7 на километр фронта.

На важнейших направлениях войсками Воронежского и Центрального фронтов были отрыты противотанковые рвы, а все берега рек и оврагов эскарпированы. В лесах и рощах устроили завалы, усиленные фугасами. В глубине обороны предусматривалось в нужный момент разрушение мостов, шоссеиных дорог и железнодорожных путей.

Всю оборону, а это прежде всего касалось первого эшелона, строили как противотанковую, основу которой составили противотанковые опорные пункты. Их возвели не только в батальонных, но кое-где даже и в ротных районах обороны. Имелась и противотанковые районы, созданные самостоятельно или в пределах полковых участков обороны.

В состав каждого противотанкового опорного пункта было выделено 3—5 противотанковых орудий, 2—5 минометов, до 5 противотанковых ружей, от отделения и до взвода саперов и отделение автоматчиков. Некоторые ПТОПы, расположенные на важнейших направлениях, имели до 12 орудий. В предвидении встречи с «тиграми», «пантерами» и «фердиандами» было приказано усилить опорные пункты 85-мм орудиями, а в 6-й гвардейской армии Воронежского фронта по приказу Н. Ф. Ватутина в ПТОПы включили даже 152-мм гаубицы.

В среднем в стрелковом полку первого эшелона на направлении главного удара противника было оборудовано

по 3—5, а в стрелковой дивизии — по 9—15 противотанковых опорных пунктов.

Важное место в общей системе противотанковой обороны отводилось подвижным артиллерийско-противотанковым резервам. В стрелковом полку этот резерв, как правило, включал 2—3 противотанковых орудия, до взвода противотанковых ружей, до взвода автоматчиков и отделение саперов с противотанковыми минами. В армиях же в этот резерв входило 2—3 истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, которые согласовывали свои действия с армейскими подвижными отрядами заграждения.

Словом, все было готово для встречи врага.

Благодаря хорошо организованной наземной и воздушной разведке Ватутин знал, что против войск его фронта противник сконцентрировал довольно значительные силы: 5 пехотных дивизий 2-й армии группы армий «Центр», 4-ю танковую армию и основные силы оперативной группы «Кемпф» группы армий «Юг», насчитывавшие еще 24 дивизии. Из них 15 дивизий были пехотные, 8 танковых и моторизованная. Кроме того, против войск Воронежского фронта враг планировал бросить два отдельных батальона тяжелых танков и дивизион новейших штурмовых орудий.

Ставка ВГК и Генеральный штаб через своих представителей оказывали всестороннюю помощь командованию и войскам фронтов, готовящихся к решительной схватке с врагом. Так, в подготовке войск Воронежского фронта к оборонительным боям активное участие принял представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский, а действия Центрального, Брянского и Западного фронтов координировал Г. К. Жуков. Действия авиации направляли командующий ВВС А. А. Новиков и его заместители Г. А. Ворожейкин и С. А. Худя-

ков. С небольшими оперативными группами они постоянно находились в районах КП фронтов.

К началу июля 1943 года советские войска всесторонне подготовились к предстоящим сражениям на Курской дуге.

Итак, генералу армии Н. Ф. Ватутину вновь предстояло померяться силами с Манштейном, который на этот раз командовал группой немецко-фашистских армий «Юг».

Как Ставка ВГК, так и командующие фронтами, привлеченными к битве на Курской дуге, знали о времени начала вражеского наступления — где-то в период с 3 по 6 июля. Но затем из показаний пленного, захваченного разведчиками 13-й армии Центрального фронта, стало известно, что враг наметил нанести свой главный удар в 3 часа 5 июля. Тот же день и час сообщил и перебежчик, сдавшийся боевому охранению на Воронежском фронте.

Но были минуты, когда Ватутин усомнился в показаниях этого перебежчика. Дело в том, что уже во второй половине дня 4 июля после артиллерийской подготовки и ударов авиации фашисты перешли в полосу обороны его фронта в наступление. Вскоре удалось выяснить, что активные действия ведут всего лишь передовые отряды 4-й немецкой танковой армии против боевого охранения 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. Выходит, что это не что иное, как разведка боем. Значит, генеральное наступление врага нужно и в самом деле ждать ночью или на рассвете 5 июля...

Как томительны часы ожидания! Н. Ф. Ватутин старается казаться спокойным, но по тому, как он то присаживается к столу, то снова встает и начинает мерять комнату штаба тяжелыми шагами, видно — волнуется.

Волнуется и представитель Ставки А. М. Василевский. Правда, он делает вид, что всецело занят картой, по то и дело украдкой смотрит на часы.

Ватутин тоже вглядывается в светящийся циферблат своих часов. Коротко роняет:

— Уже без пяти два...

— Скоро пачнем,—отрывает взгляд от карты Василевский.— Еще минут двадцать пять, и...

Резкий телефонный звонок прерывает его. Александр Михайлович берет трубку, называет себя. Несколько секунд внимательно слушает. Говорит:

— Да, пока тихо... Нет-нет, пачнем, как и запланировано. Хорошо, буду держать вас в курсе событий... Хорошо.

Кладет трубку, поясняет Ватутипу:

— Верховный. Интересуется, какая у нас обстановка. Тоже, чувствуется, находится в напряженном состоянии. Спросил, как с запланированной артиллерийско-авиационной контрподготовкой.

— Да уж скорее бы начать,—нетерпеливо говорит Ватутин.

Последние минуты ожидания еще томительнее.

Но вот А. М. Василевский встает, еще раз внимательно смотрит на часы. Кивает Н. Ф. Ватутипу:

— Давай, Николай Федорович, команду! Пора!

Ватутин быстро подходит к другому телефону, снимает трубку. Произносит короткие резкие фразы. Лицо его при этом еще больше камнеет.

После того как отдапы пужные команды, Ватутин и Василевский напряженно ждут. Минуту, другую. И вот до их слуха доносится тяжелый грохот. Он все нарастает, ширится, сливается в адскую симфонию звуков. Бьет тяжелая артиллерия, рвутся авиационные бомбы, реактивные снаряды «катюши».

Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Была дезорганизована подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования была нарушена.

Целых три часа потребовалось гитлеровскому командованию, чтобы навести в своих потрепанных, дезорганизованных и результате контрподготовки войсках мало-мальский порядок и все же бросить их в генеральное наступление¹. Главный удар, как и предполагал Ватутин, враг наносит на Обоянь. Гитлеровское командование бросило в бой пять танковых, одну моторизованную и две пехотные дивизии, поддержанные двумя отдельными батальонами тяжелых танков «тигр» и дивизионом новых штурмовых орудий «фердинанд».

Предугадал Николай Федорович и направление второго удара врага — на Корочу. На этом направлении действовали три танковые и столько же пехотных дивизий противника.

Таким образом, уже в первый день наступления враг ввел в сражение против войск Воронежского фронта в общей сложности пять пехотных, восемь танковых и моторизованную дивизии.

Гвардейцы Чистякова и Шумилова с исключительной отвагой и мужеством встретили врага. Боевые донесения тех дней повествуют о беспримерном героизме бойцов и командиров 214-го полка 73-й гвардейской стрелковой дивизии, которые двенадцать часов сдерживали натиск 120 вражеских танков, в числе которых было 35 «тигров», и двух полков пехоты. Гвардейцы уничтожили 39 танков и более тысячи гитлеровских солдат и офицеров.

Особую стойкость проявили бойцы 3-го батальона. Противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью они сожгли 12 бронированных машин врага. К концу боя в строю батальона осталась лишь треть бойцов и командиров. Но они не пропустили вражеские танки.

За этот подвиг все воины батальона были награждены орденами и медалями, а трое из них — капитаны А. А. Бельгин, Н. В. Ильясов и сержант С. П. Зорин —

¹ См.: Василевский А. М. Дело всей жизни, с. 279.

удостоились высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза.

В первый день наступления гитлеровским войскам не удалось прорвать оборону армий Воронежского фронта ни на одном из двух выбранных ими направлений. Они лишь вклинились в нее на отдельных участках на 8—10 километров.

Но Ватутин отлично понимал, что Манштейн, зная, кто стоит перед ним, не смирится с подобным положением и попытается во что бы то ни стало взять реванш за свои поражения на Северо-Западном фронте в 1941 году и под Сталинградом зимой 1942 года. Поэтому-то к следующему дню сражения Николай Федорович готовился с особой тщательностью.

Он поставил войскам фронта задачу: упорной обороной изматывать наступающего противника, не давая ему возможности растекаться в местах вклинивания в сторону флангов. Командующий 1-й танковой армией генерал М. Е. Катуков получил приказ выдвинуть два корпуса на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии и занять ими оборону на рубеже Меловое, Яковлево.

Одновременно 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса по приказу Ватутина начали совершать ночной марш в районы Тетеревино, Гостищево, чтобы с рассветом 6 июля нанести оттуда контрудар в направлении Белгорода¹.

Командующий Воронежским фронтом не оставил без внимания и северо-восточное направление. Чтобы не допустить здесь развития наступления врага, он выдвинул сюда из второго эшелона фронта 69-ю армию генерала В. Д. Крюченкина и 35-й гвардейский стрелковый корпус генерала С. Г. Горячева, а для предотвращения прорыва противника в северо-западном направлении значительно усилил за счет своих резервов оборону 40-й армии.

Как и предполагал Ватутин, утром 6 июля гитлеров-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 150.

ское командование бросило против войск Воронежского фронта крупные танковые силы: на отдельных направлениях плотность вражеских танков и штурмовых орудий достигла 100 машин на километр фронта. Казалось, что ничто не сможет устоять перед такой мощью. Но враг имел дело с советскими воинами, защищающими свою Родину. А перед ними была бессильна даже хваленая крупновская сталь.

Первыми в бой вступили танкисты-катуковцы. На рубеже Меловое, Яковлево разгорелись ожесточенные танковые сражения. «В течение нескольких часов сотни танков превратились в металлический лом. Земля стонала от разрывов снарядов, авиационных бомб и грохота танков. В небе непрерывно находились сотни самолетов, шли ожесточенные воздушные бои. От черных туч пыли, поднятой танками, взрывами артиллерийских снарядов, авиационных бомб, и копоти горевших машин земля и небо стали серыми и мрачными. Исчезла линия горизонта, скрылось солнце, его раскаленный диск еле пробивался сквозь мглу»¹.

Большую помощь танкистам оказывали авиаторы. Десятки тысяч бомб сбросили на врага советские бомбардировщики, ряды наступающих фашистских танков обрабатывали метким огнем штурмовики. Их действия надежно прикрывали истребители. Только части и соединения 2-й воздушной армии за этот день совершили 892 самолето-вылета и сбили в воздушных боях около 100 вражеских самолетов.

Над южным флангом Курского выступа, который обороняли войска И. Ф. Ватутина, сражался с фашистскими стервятниками младший лейтенант И. Н. Кожедуб, ставший впоследствии трижды Героем Советского Союза. В тот день 6 июля совершил свой беспримерный подвиг

¹ Люки открыли в Берлине. М., 1973, с. 32.

гвардии лейтенант А. К. Горовец. Он сбил в одном бою 9 самолетов противника, но и сам пал смертью храбрых. Постмертно гвардии лейтенант А. К. Горовец был удостоен звания Героя Советского Союза.

Двухдневное сражение против войск Воронежского фронта не принесло гитлеровцам желаемого успеха. На обоянском направлении они смогли продвинуться лишь на 18 километров, а на участке Яковлево, Лучки выйти ко второй полосе обороны 6-й гвардейской армии.

Незначительного успеха немецко-фашистские войска добились и на корочанском направлении. Правда, они захватили плацдарм на восточном берегу Северского Донца и на узком участке фронта вышли ко второй полосе обороны 7-й гвардейской армии. Но все это было добыто врагом ценой огромных потерь.

Советское командование учитывало, что гитлеровцы будут наращивать свои усилия и рваться вперед. Чтобы воспрепятствовать этому, Ставка ВГК усилила войска Воронежского фронта. Из состава Степного военного округа (с 24 часов 9 июля—Степной фронт) в распоряжение Н. Ф. Ватутина была передана 5-я гвардейская танковая армия, которая к утру 8 июля должна была сосредоточиться юго-западнее Старого Оскола. Воронежский фронт получил также дополнительно два танковых корпуса — 2-й из состава Юго-Западного фронта и 10-й из 5-й гвардейской армии.

7 июля гитлеровским войскам не удалось выйти ни в район Обояни, ни в район Корочи. Советские воины продолжали удерживать вторую полосу обороны. И только севернее совхоза «Комсомолец» и в районе Богородицкое, в центре 6-й гвардейской армии, противник преодолел вторую полосу, продвинулся на 12 километров и узким клином вышел к тыловой (армейской) полосе обороны.

Группа «Кемиф» в этот же день продвинулась от 3 до 5 километров и овладела районом Беловская, Ястребово.

Генерал Ватутин решил нанести контрудар по вклинившейся группировке врага и восстановить положение на второй полосе обороны. Для этой цели он привлек: 1-ю танковую армию, левофланговые соединения 40-й армии, переданные фронту 2-й и 10-й танковые корпуса, а также 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. К сожалению, ему не удалось осуществить задуманное: фашисты бросили на обоянское направление дополнительные силы и упредили контрудар.

Рано утром 8 июля после мощной авиационной и артиллерийской подготовки противник снова перешел в наступление, стремясь во что бы то ни стало расширить прорыв в сторону Обояни. Для осуществления этого плана гитлеровское командование сосредоточило здесь до 500 танков, большое количество пехоты и артиллерии. На всем фронте протяженностью до 30 километров вновь развернулась напряженная борьба. Атаки вражеских танков поддерживались авиацией, действовавшей над полем боя группами по 40—50 самолетов.

У Обоянского шоссе основной натиск главной группировки войск противника сдерживали лишь 3-я механизированная и 49-я танковая бригады, а также части 67-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии. Но они сумели сорвать все попытки врага прорваться по шоссе на север. Лишь к исходу дня, измотав гитлеровцев, советские воины по приказу отошли на новый рубеж в двух километрах южнее Новоселовки, где вновь заняли оборону.

Успех защитников Обоянского шоссе был обусловлен и тем, что в самый критический момент Н. Ф. Ватутин нанес по правому флангу танкового клина врага два контрудара. Один — силами 2-го гвардейского танкового корпуса севернее Шонино, и другой — силами 5-го гвардейского танкового корпуса из района севернее Яковлево. Удар также нанесли 2-й и 10-й танковые корпуса и левофланговые соединения 40-й армии. Противник вы-

нужден был отвлечь часть своих сил на эти направления и ослабить натиск вдоль Обоянского шоссе¹.

Однако к исходу 8 июля немецко-фашистское командование вновь бросило вдоль Обоянского шоссе крупные силы. Врагу удалось ценой больших потерь выйти на южную окраину Верховенья. Но здесь их встретили выдвинутые по приказу Ватутина 200, 112 и 22-я танковые бригады, а также ряд артиллерийских частей. Вместе с ними героически сражались с врагом воины 67-й гвардейской стрелковой дивизии. Н. Ф. Ватутин принял и ряд других мер, чтобы усилить здесь оборону.

Противник продолжал сильные атаки и в полосе 7-й гвардейской армии. В частности, развернув на узком участке фронта до 250 танков, он сосредоточил основные усилия на участках обороны 92, 94 и 81-й стрелковых дивизий. С большим трудом занял Мелехово и Мясоедово, но дальше продвинуться не смог.

У немецко-фашистского командования были все основания быть недовольным действиями своих войск. Ведь оно планировало на четвертый день операции быть уже в Курске. Но прошло 7, затем 8 июля, а фашистские соединения не дошли даже до Обояни.

Ватутин видел приближение переломного момента, но пока не распространял мнения о близости победы: слишком тяжелыми и напряженными были бои. Напротив, в трудные минуты, отдавая распоряжения на ввод резервов, он неизменно подчеркивал: «Используем последние пушки», «Применим последние средства». Но резервы эти были далеко не последними. Войска все подходили и подходили. Просто эти реплики командующего дисциплинировали командиров, заставляли обходиться тем, что у них есть.

Утром 9 июля на 10-километровом участке фронта в наступление против войск Ватутина перешли огромные

¹ См.: Советские танковые войска 1941—1945. М., 1973, с. 129.

массы пехоты, поддержанные более чем 500 танками. Сюда же немецко-фашистское командование бросило и значительные силы авиации, которая в течение дня сделала до 1500 самолето-вылетов. Это позволило гитлеровцам как на обоянском, так и на корочанском направлениях продвинуться вперед еще на 6—8 километров.

На Воронежском фронте создалась критическая ситуация. Ватутин уже ввел в сражение все имевшиеся в его распоряжении резервы. Ведь войскам его фронта, в отличие от Центрального, где фашисты нанесли удар лишь в одном направлении, приходилось отражать натиск врага одновременно на двух.

Ватутин доложил о создавшейся ситуации в Ставку. Получив подкрепление, войска Воронежского фронта остановили противника. Не добившись развития успеха на обоянском и корочанском направлениях, гитлеровское командование решило перенести главные усилия своих войск на Прохоровку, намереваясь выйти к Курску кружным путем.

Но ни 10, ни 11 июля 4-й немецкой танковой армии и оперативной группе «Комиф» не удалось прорваться ни к Прохоровке, ни к Корочо.

Не сумев сломить сопротивление войск Воронежского фронта, Манштейн запросил помощи. Он заверял свое верховное командование в том, что если такая помощь ему будет оказана, то он выиграет «третье наступление на Востоке».

В распоряжение Манштейна были переброшены лучшие фашистские соединения: танковые дивизии «Рейх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» и основные силы 3-го танкового корпуса. Эти дивизии имели в своем составе новейшие танки «тигр» и самоходные орудия «фердинанд». К тому же усиленную ударную группировку противника должна была поддерживать вся его авиация, действовавшая на южном фланге Курского выступа.

Но в это самое время Ватутин, усилив свои войска за

счет стратегических резервов, ждал приказа, чтобы напестить по вражеской группировке мощнейший контрудар и уничтожить вклинившегося в его оборону противника. В этом контрударе должны были принять участие 6-я гвардейская и 1-я танковая армии, действовавшие с рубежа севернее Меловое, Крутлик в направлении на Яковлево. Из района Прохоровки главный удар на этом же направлении наносила 5-я гвардейская танковая армия и часть сил 5-й гвардейской армии. Восточнее Белгорода в наступление переходили три стрелковые дивизии 7-й гвардейской армии.

В ночь на 12 июля Ватутин заслушал решения на сражение командующих 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армиями.

— Построение моей армии — в два эшелона, — докладывал Н. Ф. Ватутину генерал П. А. Ротмистров. — В первом эшелоне — три танковых корпуса, во втором — механизированный корпус и сильный резерв. Ударю по двум направлениям: основными силами армии — западнее Прохоровки, а мой заместитель генерал Труфанов — южнее нее.

— Силы Труфанова? — заинтересовался Ватутин.

— Три бригады и танковый полк, — ответил Ротмистров. — Из бригад — две механизированные и танковая.

— Учли, что у противника имеются «тигры»? Ведь у них дальность прямого выстрела больше, чем у тридцатьчетверок.

— Учел, товарищ командующий. Решение: используя лучшую маневренность наших танков, смело идти на сближение. А уж тогда... Тогда «тигры» растеряют свои преимущества перед тридцатьчетверками.

— Хорошо, — согласился Н. Ф. Ватутин. И уже А. С. Жадову: — Распоряжение об использовании всей пушечной артиллерии для стрельбы по танкам прямой наводкой до войск доведено?

— Так точно.

— Тогда по местам, товарищи командармы. Утром нас ждет серьезное испытание.

О том, как был осуществлен этот контрудар, И. Ф. Ватутин писал в своем донесении Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину:

«...Контрудар 5 гв. та Ротмистрова и 5 гв. а Жадова начался 12.7.43 г. в 8 час. 30 мин. В результате контрудара правый фланг Жадова продвинулся около 4 км, а левый фланг был потеснен танковыми частями противника также около 4 км.

Танковая армия Ротмистрова с приданными ей 2 и 2 гв. тк непосредственно юго-западнее Прохоровки на узком фронте сразу вступила во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17 тд противника, которые двинулись навстречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло ожесточенное массовое танковое сражение.

Противник потерял здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся вперед. Правда, Ротмистров не вводил в бой своего мехкорпуса и отряда Труфанова, которые частично использовались для парирования ударов противника по армии Крюченкина (69-я армия. — Прим. авт.) и по левому флангу армии Жадова.

Одновременно с этим Катюков совместно с Чистяковым нанесли ряд ударов против 48 тк противника, причинив ему значительные потери.

В результате этих боев главная группировка противника окончательно была обескровлена и разгромлена. 13.7.43 г. противник производил уже слабые атаки на прохоровском, обоянском и ивнянском направлениях, а 14.7.1943 г. перешел здесь к обороне и продолжал проявлять активность лишь против Крюченкина. Однако было ясно, что и против Крюченкина он выдыхался, силы его были истощены.

...На корочапском направлении противник, оттеснив

7 гв. армию Шумилова к востоку от Крутой Лог, силами 3 тк (6, 7 и 19 тд), 167, 168 и 198 пд устремился на северо-восток против армии Крюченкина и к 15.7.43 г. добился здесь некоторого территориального успеха, овладев Мал. Яблоново, Плота, Ржавец, Выползовка и Александровка.

Однако уже 12 и 13.7 армия Крюченкина за счет ресурсов фронта была усилена десятью иптанами¹, одним полком РС, одним танковым полком, а затем и одной тяжелой пушечной бригадой. Кроме того, части Крюченкина поддерживались частью сил 5 мк и отряда Труфанова из армии Ротмистрова. Это усиление дало возможность нанести большие потери противнику и остановить его наступление.

Противник с утра 16.7 и на участке Крюченкина перешел к обороне. 7 гв. армия Шумилова провела несколько контратак, приковывая тем самым на себя часть сил противника.

...Как только противник перешел к обороне, начались контратаки наших войск и сильная боевая разведка. Вскоре был обнаружен отход противника. Войска Воронежского фронта начали немедленно преследовать противника и к исходу 23.7.43 г. восстановили положение»².

По окончании оборонительного сражения на Курской дуге Н. Ф. Ватутин доносил Верховному Главнокомандующему:

«1. План противника сорван. Нигде противнику не удалось прорвать нашего фронта. Он лишь потеснил наши войска на глубину до 40 км.

Противник втянул в эту операцию все свои резервы с юга, стянул сюда свою авиацию. Это дало возможность в более легких условиях начать наши наступательные операции в районе Орла и на юге.

¹ Истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 6, л. 48—51.

Противник, стянув в район Белгорода крупные силы и не достигнув цели, понес огромные потери и потерпел поражение.

...При отходе противник оставил на поле боя трофеи — орудия, машины и другое военное имущество, большей частью разбитое. Много подбитых танков и машин он эвакуировал. Трофеи подсчитываются.

К настоящему времени противник до пяти-шести довольно потрепанных танковых дивизий направил для действий против ЮЗФ, ЮФ и в район Орла. Остальные его силы осели на его старом оборонительном рубеже.

II. Войска фронта проявили большое упорство в обороне... Ни одна часть не погибла и в окружение не попала. Большую маневренность проявили иптаповские полки и ибр¹. Менее маневренными оказались танковые соединения. Все части фронта налицо...

К 15.7.43 г., т. е. к моменту перехода противника к обороне, а также и в настоящее время войска фронта вполне боеспособны...

К 20.7.43 г. войска Воронежского фронта несколько пополнены людьми и матчастью. Стрелковые дивизии 6 гв. армии имеют каждая от 5300 человек и больше.

III. Работа авиации носила напряженный характер. Авиация Воронежского фронта за период с 5 по 17.7 произвела 10 821 самолето-вылет.

IV. Общий вывод: к настоящему времени войска Воронежского фронта, понес поражение противнику и восстановив свое прежнее положение, способны вести активные наступательные действия...»²

¹ Потребительские бригады.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 2073, л. 6, л. 52—61.

Как только вражеские соединения перешли к обороне, Ватутин сразу же, не прекращая беспокоящих противника атак, стал готовить войска к решительному контрнаступлению. Но именно в этот момент было получено указание Ставки о прекращении активных действий. Вначале Николай Федорович недоумевал: почему? Но, поразмыслив, понял правоту и дальновидность Ставки Верховного Главнокомандования. Да, там не сомневались, что войска Воронежского фронта смогут прорвать оборону противника. Но какой ценой! Ведь войска Воронежского фронта, понеся ощутимые потери за двадцать предыдущих дней и ночей, устали, им нужно пополнение в личном составе и боевой технике.

Это же самое подтверждает и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Обсудив обстановку с командованием фронта, с Генштабом и с Верховным, мы приняли решение остановить войска и тщательно подготовить их к переходу в контрнаступление с глубокими задачами.

Ведь прежде чем перейти в наступление, фронтам было необходимо:

- произвести перегруппировку сил и средств;
- провести тщательную разведку целей в интересах авиационного и артиллерийского наступления;
- произвести пополнение войск, понесших потери; особенно это касалось 6-й и 7-й гвардейских, 1-й танковой армий и ряда артиллерийских частей;
- заготовиться горючим, боеприпасами и всем необходимым для проведения глубокой наступательной операции¹.

И еще одно немаловажное обстоятельство имела в ви-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1983, т. 3, с. 62.

ду Ставка ВГК. 12 июля начали контрнаступление Западный, Брянский и Центральный фронты. Их удары разваливали вражескую оборону на огромном протяжении. Немецко-фашистское командование было вынуждено срочно ввести в бой все свои наличные резервы. Истощав же их и не добившись стабилизации обороны, оно стало снимать войска и с других фронтов.

Вот тут-то перешли в контрнаступление Южный и Юго-Западный фронты. В этой обстановке гитлеровской ставке не осталось ничего другого, как забрать у Манштейна несколько корпусов и дивизий, ранее действовавших против войск Воронежского фронта, и спешно перебросить их с белгородско-харьковского направления на орловское и в Довбасс.

Только тогда Н. Ф. Ватутин получил приказ готовить удар на белгородско-харьковском направлении. Его войска в этой операции должны были действовать в тесном взаимодействии с войсками Степного фронта, которыми командовал генерал И. С. Конев. Координацию действий двух фронтов осуществлял представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Вступал в действие план операции под кодовым названием «Полководец Румянцев».

По замыслу Ставки войска генералов Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева должны были нанести удар смежными крыльями обоих фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки, Новая Ведолага с целью расколоть белгородско-харьковскую группировку войск противника, а затем охватить и разгромить вражеские соединения в районе Харькова. После решения этой задачи для советских войск открывались возможности продвижения к Днепру, создавалась угроза тылу и коммуникациям добасской группировки противника.

На подготовку операции отводилось всего около десяти суток. Чтобы уложиться в столь сжатый срок, от ко-

маандования фронтов, штабов и политорганов требовалось огромное напряжение сил. В те дни «виллис» Ватутина видели на фронтовых складах, на железнодорожных станциях, где шла выгрузка прибывающих войск усиления, боевой техники и боеприпасов.

В период подготовки к операции активно проводилась дезинформация противника. Так, чтобы ввести гитлеровцев в заблуждение относительно истинного направления главного удара, в районе Суджи имитировалось сосредоточение одной танковой и одной общевойсковой армий. В результате немецко-фашистское командование поверило в то, что советские войска готовятся к наступлению на суджском направлении. Об этом говорит тот факт, что даже после начала наступления войск Воронежского и Степного фронтов на Богодухов, Валки, Новая Водолага гитлеровцы долгое время продолжали держать на суджском направлении значительное количество своих войск.

У маршала А. М. Василевского в воспоминаниях есть такие строки, характеризующие полководческий талант генерала Н. Ф. Ватутина: «Хочется особо отметить, что важнейшие задания, которые возлагали на генерала Ватутина ГКО и Верховное Главнокомандование при подготовке и проведении крупнейших военных операций, как правило, выполнялись отлично. Он умел решительно сосредоточивать силы и средства на главном направлении, наращивать усилия и внезапно наносить мощные удары во фланг и в тыл вражеским группировкам, искусно применять крупные массы танков для развития наступления в оперативную глубину, организовывать прочное взаимодействие родов войск и видов вооруженных сил, надежно поддерживать непрерывное и твердое управление войсками»¹.

Именно эти черты с особой яркостью проявились у Ватутина во время белгородско-харьковской операции. Она

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973, с. 377.

началась утром 3 августа. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки на участке прорыва Воронежского фронта вперед пошла 5-я гвардейская армия. К 13 часам ее части и соединения продвинулись на 4—5 километров. Для наращивания удара Н. Ф. Ватутин ввел в сражение соединения первого эшелона сразу двух танковых армий.

Развивая успех стрелковых дивизий, танковые корпуса завершили прорыв тактической зоны обороны врага и, продвигаясь к югу, вскоре разобили томаровский и белгородский узлы сопротивления противника. За один только день наступления армии фронта продвинулись вперед на 30 километров! Наступая на одном оперативном направлении, 1-я и 5-я гвардейская танковые армии представляли собой своеобразный бронированный меч, наносивший глубокий рассекающий удар.

Это был первый случай в Великой Отечественной войне, когда для развития успеха в качестве подвижной группы фронта использовались две танковые армии.

Командующий 1-й танковой армией М. Е. Катуков, ставший впоследствии маршалом бронетанковых войск, вспоминая события тех дней, писал: «...во вражеской обороне образовался коридор, в который и были введены две танковые армии — 1-я и 5-я гвардейская. В памяти моей запечатлелось грандиозное движение советских танков, вошедших в прорыв. Мы шли по правой стороне пятикилометрового коридора двумя корпусными колоннами. Слева таким же порядком двигалась 5-я гвардейская армия. Нас прикрывала с воздуха эскадрилья «яков». Между колоннами сохранялась зрительная связь. За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта. Пройдя коридор прорыва, корпуса развернулись и вступили в бой с гитлеровцами»¹.

¹ Катуков М. Е. На острие главного удара. 2-е изд., испр. М., 1976, с. 244.

За 4 августа подвижная группа Воронежского фронта преодолела с боями уже 50 километров!

Тем временем войска Степного фронта 5 августа освободили от немецко-фашистских захватчиков Белгород. После этого особенно упорное сопротивление противник стал оказывать на флангах прорыва. Враг стремился любой ценой остановить наступление советских соединений, но это ему не удалось. Корпуса 1-й танковой армии за пять дней продвинулись вперед более чем на 100 километров и к исходу 7 августа овладели важным опорным пунктом вражеской обороны — городом Богодуховом. 5-я гвардейская танковая армия освободила Казачью Лопань и Золочев — крупные узлы сопротивления вражеской обороны, прикрывавшие Харьков с северо-запада.

Таким образом, мощным ударом танковых объединений вражеская оборона была рассечена на две части. Между 4-й танковой армией немцев и оперативной группой «Кемпф» образовалась 55-километровая брешь¹.

В это время Ставка ВГК, установив выдвижение крупной вражеской группировки в район Харькова и учитывая предстоящую ожесточенность борьбы за город, решила усилить войска Степного фронта, действующие на этом направлении. 8 августа в распоряжение генерала Конева из состава Юго-Западного фронта была передана 57-я армия, а 9 августа Ватутин получил приказ передвинуть 5-ю гвардейскую танковую армию своему соседу.

10 августа командование Воронежского и Степного фронтов получило очередное указание Ставки: «Изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщений в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова. Для этой цели 1-й танковой армии была поставлена задача — перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гвардейской

¹ См.: Курская битва. М., 1983, с. 105.

танковой армии Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефы»¹.

Выполняя это указание, Ватутин приказал увеличить темпы наступления, двигаться вперед днем и ночью.

Уже к 11 августа армии Воронежского фронта значительно расширили прорыв вражеской обороны в западном и юго-западном направлениях и вышли к железной дороге Харьков — Полтава. К этому же времени 53, 69 и 7-я гвардейская армии Степного фронта вплотную подошли к внешнему оборонительному обводу вокруг Харькова, а 57-я армия генерала Н. А. Галена овладела Чугуевом и вышла с востока и юго-востока на подступы к Харькову.

Воодушевленные успехом соседей, войска Воронежского фронта еще стремительнее двинулись вперед. Развивая наступление на юг и юго-запад, они продвинулись так далеко, что создали реальную угрозу глубокого охвата группировки немецко-фашистских войск в районе Харькова.

Немецко-фашистское командование предпринимало отчаянные усилия к тому, чтобы остановить наступление советских войск и удержать Харьков. К 11 августа в районе южнее Богодухова были сосредоточены танковые дивизии СС «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг». Они нанесли контрудар по войскам 1-й танковой армии и левому флангу 6-й гвардейской армии.

Ватутин связался с Катковым, чтобы узнать о сложившейся обстановке.

— Положение серьезное, товарищ командующий, — доложил Катков. — Немцы ударили так неожиданно, что я даже армию как следует развернуть не успел.

— Советую обороняться в одношеронном построении, — несколько помедлив, сказал Ватутин. — Разворачивайте на переднем крае все три корпуса, организуйте по-

¹ ЦАМО, ф. 135, оп. 2642, д. 34, л. 187.

днижные засады на высотах, опушках рощ, на окраинах населенных пунктов. Для сведения: против вас действует 3-й танковый корпус противника. Это показал только что захваченный в плен танкист, обер-лейтенант. Он же раскрыл и цель этого контрудара — выйти в тыл ударной группировке нашего фронта и поставить нас в критическое положение. Сил для этого у фашистов больше чем достаточно — до 400 танков.

— Да и авиации немало, — вздохнул на другом конце провода Катуков. — Самолеты все время над нами висят. Бомбят непрерывно.

— Понимаю, трудно, Михаил Ефимович. Но нужно выстоять во что бы то ни стало. На вашу армию сейчас вся надежда.

— Выстоим.

Несмотря на упорные атаки, танковым дивизиям врага, считавшимся лучшими в вермахте, к тому же пополненным новой материальной частью, так и не удалось прорвать оборону советских войск южнее Богодухова и выйти к городу. В боях 11—17 августа они лишь потеснили здесь наши соединения к северу, но, понеся ощутимые потери, вынуждены были перейти к обороне¹.

Гитлеровское командование пыталось удержать Харьков любой ценой. С этой целью оно стало спешно готовить новый контрудар на Богодухов. Ватутин предвидел это. Нужно было найти ответы на три вопроса: где, когда, какими силами. И эти ответы Ватутин вскоре получил. По данным разведки, немецко-фашистские войска намеревались нанести контрудар с северо-запада. Для выполнения этого плана в районе Ахтырки сосредоточивались моторизованная дивизия «Великая Германия», 10-я моторизованная дивизия, 51-й и 52-й отдельные батальоны тяжелых танков, части 7, 11 и 19-й танковых дивизий.

¹ См.: Курская битва, с. 106.

Для удара из района южнее Ахтырки выдвигалась танковая дивизия СС «Мертвая голова»¹.

У Н. Ф. Ватутина же к тому времени главная ударная сила — 1-я и 5-я гвардейская танковые армии — была значительно ослаблена в предыдущих боях. Так, в 1-й танковой армии оставалось всего 134 танка, а в 5-й гвардейской танковой — 155².

Ситуация создавалась чрезвычайно сложная. В этих условиях Н. Ф. Ватутин вынужден был обратиться в Ставку с просьбой о помощи. Его просьба была удовлетворена. В распоряжение Ватутина из резерва были переданы 47-я и 4-я гвардейская армии.

Контрудар из района Ахтырки гитлеровцы предприняли рано утром 18 августа. Первой его приняла на себя 27-я армия Воронежского фронта. Однако под напором большого числа танков, поддержанных значительными силами артиллерии, бомбардировочной авиации, она начала медленно отходить, изматывая и обескровливая врага.

Несмотря на понесенные потери, к исходу дня немецко-фашистским войскам все же удалось楔кнуться в оборону войск Воронежского фронта на глубину до 24 километров. Пытаясь развить наметившийся успех, гитлеровское командование бросило из района южнее Ахтырки в направлении на Колонаеве главные силы танковой дивизии СС «Мертвая голова».

Но развития успеха не получилось. К исходу 20 августа 47-я и 40-я армии подошли к Ахтырке с севера и северо-запада, глубоко охватив левый фланг фашистских войск, наносивших контрудар. Затем в сражение вступила и 4-я гвардейская армия, ударив по Ахтырке с северо-востока.

Продвижение вражеских танков было окончательно остановлено. Немецко-фашистские войска получали при-

¹ См.: Курская битва, с. 107.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 178.

каз о переходе к обороне. Но Ватутин продолжал варачивать удары по противнику, теперь уже по войскам его правого крыла. В период с 22 по 25 августа части и соединения Воропежского фронта наголову разгромили вражескую группировку и освободили город Ахтырка.

Не лучше складывалась обстановка для противника, обороняющегося непосредственно в районе Харькова. 13 августа армии Степного фронта прорвали здесь внешний оборонительный обвод, находившийся в 8—14 километрах от города, а через несколько дней завязали бои на его северной окраине.

С каждым днем положение харьковской группировки немецко-фашистских войск все более осложнялось. А Гитлер продолжал настаивать на удержании Харькова. Однако 22 августа, во второй половине дня, поняв бесперспективность дальнейшей обороны города и опасаясь полного окружения, вражеское командование было вынуждено начать отвод своих войск из Харькова.

К полудню 23 августа город был полностью очищен от противника. А вечером того же дня Москва салютовала освободителям Харькова 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Успешное контрнаступление советских войск на белгородско-харьковском направлении как бы подвело итог под всей Курской битвой. За период с 3 по 23 августа только войска генералов Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева разгромили 15 дивизий противника, из них 4 танковые. За три недели наступления войска Воронежского и Степного фронтов продвинулись с боями в южном и юго-западном направлениях в среднем на 140 километров.

26 августа в передовой статье газета «Правда» писала: «Родной Харьков вернулся в семью советских городов. Красное знамя снова взвилось над второй столицей Украины. Блестящей победой советского оружия завершилась гигантская битва... Под Харьковом разгромле-

ны отборные немецкие дивизии, потерпел крушение гитлеровский план использования всей Украины как базы для снабжения разбойничьей немецкой армии. Заря освобождения ярко разгорается над Днепром. Чутко прислушиваются измученные, истрадавшие советские люди и на левом и на правом его берегу к радостным вестям, идущим с Востока».

...После Харькова были еще бои по освобождению Донбасса и Левобережной Украины. А затем, уже 6 сентября, Ставка ВГК нацелила войска Воронежского фронта непосредственно на Киев.

В СРАЖЕНИЯХ ЗА ДНЕПР И КИЕВ

Еще тогда, когда не полностью распрямилась Курская дуга, когда волны Воронежского фронта еще отражали контратаки врага под Ахтыркой, на КП к Н. Ф. Ватутину прибыл генерал А. И. Антонов, первый заместитель начальника Генерального штаба. На командном пункте в то время находились заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, лишь за полчаса до этого приехавший из войск фронта, где он знакомился с положением дел, а также начальник штаба Воронежского фронта генерал С. П. Иванов.

Поздоровавшись с присутствующими, генерал Антонов сказал, что прибыл по личному указанию И. В. Сталина, чтобы поставить перед командованиями фронтов юго-западного направления перспективные задачи.

— Знаю, что времени у вас мало, — сказал Алексей Ишнокентьевич, — что обстановка крайне напряженная, но все же прошу вас, товарищи, уделить мне сорок пять минут.

— Говорите, Алексей Иянокентьевич, — кивнул Антонову Жуков, — мы вас слушаем.

— Первое требование Ставки — никакой паузы после завершения операции по овладению Харьковом, — сказал Антонов. — Второе. Ставка располагает надежными сведениями, что враг намеревается отсидеться за Днепром, чтобы собраться с силами. Третье. Открытие второго фронта в этом году опять не состоялось, действия же англо-американцев в Сицилии не отвлекли с советско-германского фронта ни одной дивизии. Четвертое, главное, — задача войск Воронежского фронта форсировать Днепр с ходу и как можно быстрее взять Киев. У меня все.

Антонов помолчал. Затем, обведя глазами присутствующих, предложил:

— Прошу, товарищи, высказать ваше мнение. Верховный приказал внимательно рассмотреть все предложения, облегчающие решение этой трудной задачи.

Первым начал Жуков. Глядя на Антонова, сказал: — Я уже докладывал Сталину, что нужны резервы, и немалые. Танковые, артиллерийские и авиационные части и соединения нуждаются в систематическом восполнении боевых потерь в людях и технике. Кроме того, они должны накопить необходимый резерв.

— Понятно. — Антонов перевел взгляд на Ватутина. — А вы что скажете, Николай Федорович?

— Думаю, — сказал Ватутин, — что следует разрешить на освобожденных территориях призыв всего мужского населения, способного носить оружие. Надо также всемерно поддерживать энтузиазм войск. Они утомлены непрерывными боями. Мы форсировали Воронеж, Сосну, Сейм, Тим, Хорол, Оскол, Корочу, Северский Донец и многие другие водные преграды, но это были сравнительно мелководные реки. Теперь предстоит преодолеть могучую реку. Давайте не скупиться на награды: людей, которые персплынут Днепр и закрепятся на пра-

вом берегу, надо достойно поощрять, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза¹.

— А какие предложения будут у начальника штаба фронта? — обратился Антонов к генералу Иванову.

— У меня предложение одно, — ответил тот, — предоставлять больше инициативы фронтовому командованию, не связывать нас указаниями, где именно форсировать Днепр, когда это делать, какие силы использовать. Я просил бы также помочь в организации разведки.

— Хорошо, и доведу все ваши просьбы и пожелания до Верховного Главнокомандующего, — пообещал Антонов².

К 9 сентября Жуков и Ватутин на основании полученных указаний Ставки ВГК разработали план наступательной операции войск Воронежского фронта на киевском направлении. Утвержденный затем Верховным Главнокомандующим, этот план, в частности, предусматривал: войскам Воронежского фронта нанести удар в общем направлении на Киев, главные усилия фронта сосредоточить на своем правом крыле. Здесь должны быть развернуты 38-я, 40-я и передаваемая фронту из резерва Ставки 3-я гвардейская танковая армии, а также три танковых и кавалерийский корпуса. Этой группировке фронта в процессе наступления предстояло глубоко охватить войска группы фашистских армий «Юг» с севера, выйти в направлении Киева к Днепру и главными силами форсировать реку на участке Ржищев, Кацев, с

¹ 9 сентября в войска пришла директива, предлагавшая за успешное форсирование крупных рек и за закрепление плацдармов на их берегах представлять к высшим правительственным наградам, а за преодоление таких рек, как Днепр ниже Смоленска или равных ему, — к присвоению звания Героя Советского Союза.

² См.: Огонек, 1983, № 44, с. 15.

тем чтобы в дальнейшем продолжать операцию на Ира-
добрережье.

Вспомогательный удар должны были нанести 47, 52
и 27-я армии, имея ближайшей задачей перерезать ком-
муникация врага Полтава — Киев и развивать далее
наступление в направлении Черкассы.

Выход подвижных соединений фронта к Днепру пла-
нировался на 26—27 сентября, а главных сил общевой-
сковых армий — 1—5 октября.

Чтобы растянуть войска противника и тем самым об-
легчить форсирование реки, армии фронта по замыслу
Ватутина должны были выйти к Днепру по возможно-
сти одновременно и по всей полосе наступления.

10 сентября войска правого крыла фронта мощным
ударом прорвали оборону гитлеровцев юго-восточнее го-
рода Ромны, а 13 сентября соединения 40-й армии гене-
рала К. С. Москаленко на широком фронте форсировали
реку Сула и освободили город Лохвица.

20 сентября Ватутин приехал в 40-ю армию. Поздо-
ровавшись с командармом, с ходу заинтересовался:

— Кирилл Семенович, а чья это идея щиты с при-
зывами на пути войск выставлять? Прекрасные призы-
вы! Особенно вот эти. — Ватутин расстегнул нагрудный
карман кителя, достал сложенный вчетверо листок бума-
ги, зачитал: — «Герои Волги и Дона, вас ждет Днепр!
Преследуйте врага, не давайте ему передышки!» Или:
«До Днепра — один переход. Вперед, советские воины!»

— Это работа полковника Севастьянова, товарищ ко-
мандующий, — доложил Москаленко, — начальника по-
литотдела армии.

— Прекрасные призывы! — еще раз повторил Вату-
тин. — А где сейчас Севастьянов?

— Как всегда, в передовых соединениях, товарищ
командующий.

— Жаль. Хотел лично объявить ему благодарность

за прекрасную агитацию. Ну а коль такое дело... Тогда уж вы, Кирилл Семенович, передайте Севастьянову благодарность от моего имени.

— Слушаюсь.

В этот момент на КП К. С. Москаленко пришли члены Военного совета армии генералы А. А. Епишев и К. В. Крайнюков. Н. Ф. Ватутин оживился:

— Вовремя вы пришли, товарищи. Присаживайтесь, есть серьезный разговор. — Подождав, пока все усядутся, Николай Федорович продолжал: — Вот какое дело. Есть возможность вашей армии выйти к Днепру раньше запланированного срока. Ведь вы находитесь к нему ближе всех. Военному совету и политотделу армии необходимо мобилизовать людей на то, чтобы не только первыми достичь Днепра, но и первыми форсировать его. Задача ясна?

Ватутин пояснил, что это нужно еще и потому, что другим армиям фронта, преследующим противника, вряд ли удастся захватить переправы через Днепр. 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко, на которую возлагались особые надежды, к сожалению, была переброшена из-под Курска в район боевых действий с опозданием. Сейчас танкисты продвигаются в общем направлении на Яготин и Переяслав-Хмельницкий. Наступают в высоком темпе, преодолевая до 75 километров в сутки, но...

— Короче говоря, — продолжил командующий фронтом, — вряд ли нам удастся захватить переправы целыми. Фашисты отвели большинство своих частей и соединений за водный рубеж и разрушили основные мосты. Так что придется полагаться главным образом на свои силы и возможности. Форсировать Днепр надо с ходу, на широком фронте, — закончил Ватутин. — От темпа нашего наступления зависит освобождение не только Киева, но и всей Правобережной Украины.

— Сделаем все возможное, товарищ командующий, —

говорил от лица всех присутствующих на КП генерал Михаленко.

Ватутин был прав, говоря, что немецко-фашистское командование, для того чтобы спасти от полного разгрома южное крыло восточного фронта, постарается отвести свои войска, оборонявшиеся на Украине, за Днепр, создать здесь оборонительный заслон и восстановить стратегический фронт.

Советское Верховное Главнокомандование тоже прекрасно понимало, какое огромное значение для отступающего противника имеет Днепр. Поэтому оно и предпринимало все меры для того, чтобы наши войска форсировали его с ходу, захватили на правом берегу плацдармы и не дали врагу возможности закрепиться на этом рубеже.

3-я гвардейская танковая армия, несмотря на опасения Н. Ф. Ватутина, не подвела: к исходу дня 22 сентября она передовыми частями вышла к Днепру. На рассвете следующего дня мотострелковый батальон 51-й гвардейской танковой бригады на отремонтированном пароме переправился через реку и после короткого боя захватил населенный пункт Зарубенцы.

Но еще несколькими часами раньше на занятый противником берег переправились на рыбацкой лодке четверо воинов-гвардейцев — Н. Е. Петухов, В. И. Иванов, Н. Д. Семенов и В. А. Сысолятин. Им было приказано скрытно выйти к окраине села Григоровка и по сигналу ракеты вступить там в бой. Главное — посеять среди фашистов панику, отвлечь их внимание, дав возможность основным силам батальона переправиться на правый берег.

Четверка героев выполнила возложенную на нее задачу. Около часа длился на окраине Григоровки неравный бой. Пал смертью храбрых Николай Петухов, пуля раздробила колено Василию Сысолятину, был дважды ранен, но не вышел из боя Иван Семенов.

Отважные воины дали возможность батальону переправиться и с ходу занять Зарубенцы. Вслед за этим от гитлеровцев была освобождена и Григоровка.

За этот подвиг всем четверым гвардейцам (Н. Е. Петухову — посмертно) было присвоено звание Герои Советского Союза. После войны в Киевском историческом музее были установлены мраморные бюсты Н. Е. Петухова, В. Н. Иванова, И. Д. Семенова и В. А. Сысолятина. На стенде, материалы которого рассказывают о подвиге гвардейцев, есть и копия письма Военного совета Воронежского фронта, в котором говорится:

«Ваша героическая переправа через Днепр, цепкое закрепление на правом берегу, готовность не щадя жизни отстаивать каждый клочок отвоеванной родной земли и неукротимо двигаться все дальше вперед — на запад — служат примером для всех воинов.

Вам выпала великая честь вызволять родную Украину, славный Киев из гитлеровской пелены, сражаться на Днестре — решающем рубеже, где мы должны сломать хребет фашистскому зверю.

Вы действуете, как суворовцы, — смело, ловко, стремительно и потому побеждаете.

Благодарим за честную солдатскую службу. Желаем дальнейших боевых успехов».

К исходу 22 сентября к Днепру вышли и передовые части 40-й армии. Однако успешное продвижение армий правого крыла фронта, перекрывшее даже максимально запланированные скорости, породило и свои трудности. Войска оторвались от баз снабжения, и никакие, даже наивысшие, темпы восстановления выведенных из строя гитлеровцами железных дорог не могли обеспечить движение поездов непосредственно за наступающими.

В этой обстановке Ватутин, исчерпав все свои возможности для исправления сложившегося положения, обращается с донесением непосредственно к И. В. Сталину. В нем он, в частности, пишет:

«Войска Воронежского фронта большинством армий вышли на реку Днепр, а остальные армии выйдут в ближайшие два-три дня, в то же время тылы армий и фронта растянулись от Белгорода до Днепра на 480 километров, что совершенно не дает возможности нормально обеспечивать войска боепитанием.

Подача боеприпасов и горючего от войск отстает, а также тратится большое количество горючего, потому что от Сум — Лебедина на 330 километров все подается исключительно автотранспортом, в связи с тем что здесь оказываются фронтовые железнодорожные коммуникации.

Наш фронт приступил к восстановлению железнодорожного участка, проходящего по тылам фронта, — Нежин — Прилуки — Гребенка — Золотоноша и Бахмач — Прилуки.

24.9 была готова линия к пропуску поездов Нежин — Прилуки, к 30.9 будет готова линия от Гребенки и 3.10 — до Золотоноши. Но линия железной дороги Бахмач — Нежин находится на участке Центрального фронта и в его подчинении, поэтому для пропуска поездов через его участок требуется ваше решение.

Мы обратились в Управление Тыла Красной Армии для разрешения пропуска нам через Бахмач — Нежин четырех пар поездов ежедневно до станции Прилуки и с 30.9 с продлением линии железной дороги до Гребенки еще четырех пар, всего 8 пар.

26.9 получили от Управления Тыла Красной Армии ответ, что нам разрешено только две пары, со ссылкой на то, что это основная коммуникация Центрального фронта, в то время как Центральный фронт имеет железнодорожные линии Брянск — Бахмач, Бахмач — Гомель, Льгов — Ворожба — Бахмач.

Воронежский фронт в этом направлении не имеет ни одной линии. Полтава — Гребенка, которая нам планируется как основная магистраль, сильно разрушена и

требует длительного времени для восстановления. Фронт же должен передислоцировать тылы армий и фронта сейчас, немедленно и сделать необходимые запасы на линии Нежин — Золотоноша, ибо с продвижением дальше за Днепр наших войск коммуникации еще больше растянутся и мы затрудним успешное выполнение боевых задач армий из-за недостаточной подачи боеприпасов, горючего и продовольствия.

Исходя из этого, Военный совет просит вас разрешить нашему фронту подачу 8 пар поездов в сутки из Белгорода через Сумы — Ворожба — Бахмач — Нежин на Прилуки — Гребенка — Золотоноша.

Командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н. Ватутин...»¹

Настойчивость командующего и его глубокое знание предлагаемого вопроса сделали свое дело — такое разрешение было получено. Да и в своей полосе Воронежский фронт в результате самоотверженных усилий войск и железнодорожников с помощью местного населения с каждым днем улучшал тыловые коммуникации, разрушенные врагом при отступлении.

И все-таки ждать, пока войска фронта будут в достаточной степени обеспечены всем необходимым для боя и форсирования, Ватутин не мог. Ведь у него имелась директива Ставки, обязывающая форсировать Днепр с ходу.

22—30 сентября войска Воронежского фронта вели упорную борьбу за захват плацдармов на правом берегу Днепра и очищали левый берег от оставшихся частей противника. Так, 38-я армия фронта после напряженных боев полностью ликвидировала важный плацдарм гитлеровцев в районе Дарницы, на котором оборонялось семь фашистских дивизий. Всего же к концу сентября вой-

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 6, л. 15—16.

сками фронта было захвачено на правом берегу Днепра девять небольших плацдармов, в том числе букрицкий и лютежский.

По распоряжению Ставки ВГК 60-я армия Черняховского и 13-я армия Пухова с 5 октября передавались из Центрального фронта в Воронежский.

В два часа ночи И. Д. Черняховскому позвонил начальник штаба Воронежского фронта генерал С. П. Иванов и передал приказ к двенадцати часам дня прибыть к командующему фронтом.

По пути в штаб Воронежского фронта Черняховский с волнением думал о предстоящей встрече с Ватутиным.

В штабе Черняховский застал командующих 13-й армией генерала Пухова и 38-й генерала Чибисова. Невольно подумал: быть новой задаче. Одновременный вызов трех командармов, армии которых располагались к северу от Киева и составляли правое крыло фронта, красноречиво говорил об этом.

И действительно, начальник штаба фронта начал знакомить командующих армиями с новой задачей — предстоящим наступлением на киевском направлении.

В это время вошел Ватутин. Он явно спешил освободить командармов. Каждая минута у командующего фронтом была в эти дни на учете, дорожил он и временем своих подчиненных.

— Здравствуйте, товарищи! Давненько же мы с вами не виделись. — Сел рядом с Ивановым, спросил: — Ознакомили с задачей?

— Так точно, — ответил Иванов. — Но пожелания и замечания командармы еще не высказывали.

— Хорошо, заслушаем. Прошу первым товарища Пухова.

У командарма 13-й замечаний по задаче не было. Его армия переходила на захваченном плацдарме к обороне, и Пухова это вполне устраивало, ибо после многодневных боев войска устали и нуждались в передышке.

Подошла очередь Черняховского. Ему было что сказать. Войска 60-й армии, уставшие и изрядно поредевшие, тоже нуждались в передышке и пополнении. А им предлагалось без всякой оперативной паузы вновь перейти в наступление.

— Не подумайте, товарищ командующий, что я против наступления, — взволнованно говорил Черняховский, глядя на пачавшего хмуриться Ватутин, — я — «за». Киев мне тоже дорог, это не только сердце Украины, но и часть моего собственного сердца. В этом городе прошла моя юность, там я получил военное образование, обзавелся семьей. И поэтому-то я уже сейчас тревожусь о неподготовленности армии к выполнению такой почетной задачи. Мы не закрепили еще как следует плацдарм, нужно привести войска в порядок и хотя бы частично пополниться людьми и боевой техникой. На это потребуется минимум суток десять, нам же отводят всего лишь трое.

— Все ясно, Иван Данилович, — пристукнул по столу ладонью Ватутин. — Да, времени на подготовку маловато. Военный совет фронта докладывал об этом в Ставку. Но, товарищи, — Николай Федорович обвел взглядом присутствующих, — нас торопят, поэтому и мы торопим. Так что о том, что уже твердо решено, говорить не стоит. Какие еще будут пожелания?

Других пожеланий не было. Все упиралось во время. И коль на подготовку операции отводилось всего лишь трое суток, то многие пожелания и главное из них — о накапливании необходимых для наступления сил и средств — отпадали сами собой.

Еще до подхода к Днепру букринский выступ особенно привлекал внимание Ватутина. Привлекал по двум причинам. Во-первых, он находился недалеко от Киева. Во-вторых, будучи обращен в нашу сторону, этот выступ представлял собой идеальный участок для форсирования реки. Весьма существенным являлось и то обстоятельство

ство, что при преодолении Днепра выступ можно было простреливать огнем с трех сторон.

Все это, несомненно, способствовало тому, что форсирование на букринский плацдарм, осуществлявшееся вначале с помощью подручных средств (мощные переправочные средства и тяжелые конструкции мостов, перевозившиеся по железной дороге в разобранном виде, не успели к началу форсирования), было проведено успешно.

Однако в дальнейшем, в ходе боев за расширение захваченных плацдармов и последующих наступательных действий, район букринского выступа обнаружил в себе и другие, уже негативные, особенности. Это прежде всего сильно пересеченная местность, сковывающая маневр войск, особенно танковых, и препятствующая полному использованию их ударной мощи.

Данное обстоятельство конечно же не могло укрыться от внимания Н. Ф. Ватутина, но раз бывавшего на букринском плацдарме. Беспокоило оно и Г. К. Жукова, также ознакомившегося на месте с положением дел. 5 октября он писал Николаю Федоровичу:

«Вводить танковую армию¹ раньше, чем будет захвачен рубеж выс. 175,2, высоты, прилегающие к западной части Вел. Букрин, Мал. Букрин, Колесище, выс. 209,7, невозможно по следующим причинам:

1. Глубина обороны противника сейчас эшелонирована до Мал. Букрин включительно.

2. Местность настолько пересечена, что танковая армия вынуждена будет двигаться только по тропинкам и дорогам, преодолевая на своем пути большие крутизны высот.

3. Маневр ее по фронту с целью обходов будет невозможен из-за характера местности.

4. Тактическую оборону включительно до Мал. Бук-

¹ 3-я гвардейская танковая армия.

рая нужно сломать артиллерией и пехотой с танками поддержки и самоходными орудиями. Только с захватом вышеуказанной линии танковая армия должна обогнать боевые порядки пехоты. Более ранний ввод ее на этой местности погубит армию»¹.

Жуков даже ставил вопрос: а правильно ли выбрано направление главного удара, не лучше ли, пока есть время, использовать для этой цели другой плацдарм, например лютежский?

Ватутин настаивал: только с букринского. Ведь сюда уже стянуты основные силы фронта, перебрасывать их на какой-нибудь другой плацдарм — лишь затянуть время. К тому же другие плацдармы еще малы по размерам, на них и вовсе не развернуться. Что же касается пожеланий Жукова, то они будут обязательно учтены.

И действительно, готовя наступление с букринского плацдарма, Николай Федорович, казалось, предусмотрел все. Так, 40-й армии согласно его приказу предстояло нанести главный удар своим левым флангом, силами 47-го стрелкового корпуса и к исходу первого дня наступления овладеть рубежом Стайки, Янивка, а второго — рубежом Халецьа, Черняхов, Переселение. Силами же 8-го гвардейского и 10-го танковых корпусов выйти в район Долина, Гусачевка, высота 200,0, Антоновка.

27-я армия, которая занимала восточную часть букринского плацдарма, слева от 40-й армии, получила задачу во взаимодействии с 40-й разгромить противника и к исходу второго дня выйти на рубеж Кагарлык, Липовец. Именно в ее полосе должна была вступить в бой 3-я гвардейская танковая армия, чтобы к исходу второго дня наступления выйти в район Ставы, Шпендовка, Запрудье. 47-й армии Ватутин ставил задачу к этому же сроку достичь рубежа Зеленьки, Емтиха.

Наступление войск Воронежского фронта началось

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 5, л. 8—9.

12 октября. После артиллерийской и авиационной подготовки 47, 40 и 27-я армии пошли вперед, но сразу же натолкнулись на сильное сопротивление противника. Не помог и несколько преждевременный ввод в сражение 3-й гвардейской танковой армии: в первый день наступления 47-й стрелковый корпус 40-й армии совместно с частями и соединениями 27-й и 3-й гвардейской танковой армий продвинулся вперед всего на 5—8 километров, сумев овладеть лишь населенным пунктом Ходоров.

Еще меньших результатов добился 52-й стрелковый корпус 40-й армии. Он продвинулся не более чем на километр. В результате 40-я армия не смогла осуществить задуманное Ватутиным соединение букринского и щучинского плацдармов. 47-я армия, нанесившая удар со студенецкого плацдарма, также не сумела соединиться с 27-й армией.

Итак, первый день наступления не принес желаемых успехов. Ватутин приказал к утру 13 октября перебросить на правый берег всю оставшуюся на левобережье артиллерию, подвезти боеприпасы и горючее.

Однако и противник продолжал проявлять большую активность в районе букринского выступа. В частности, он направил все усилия своей авиации на нанесение ночных ударов по переправам, препятствуя усилению советских войск на правом берегу. Поэтому армиям Воронежского фронта на следующий день пришлось наступать почти в том же составе, что и накануне.

Это конечно же сказалось на результатах: армии фронта не добились заметного успеха ни 13 октября, ни в последующие десять дней. Правда, к 21 октября удалось-таки с большим трудом соединить щучинский плацдарм с букринским и подойти к восточным окраинам населенных пунктов Ульяники и Липовый Рог, а правофланговые части 27-й армии овладели Ромашками. На этом и исчерпался достигнутый успех.

В чем же крылись причины неудачи? Уже после вой-

ны, анализируя события тех октябрьских дней 1943 года, бывший командующий 40-й, а затем 38-й армией дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза К. С. Москаленко выделял несколько из них. В-первых, указывал он, противник регулярно прослушивал переговоры, которые велись на захваченных нашими войсками плацдармах. Знал об этом и Ватутин. Поэтому требовал, чтобы велась дезинформация врага. И она велась. Правда, в весьма ограниченном объеме. Сковывали небольшие территории плацдармов. К тому же все то, что предпринималось для введения противника в заблуждение относительно наших планов и сил, довольно быстро раскрывалось врагом — его авиация буквально вписала над плацдармами, тогда как самолеты 2-й воздушной армии, которая поддерживала войска Воронежского фронта, практически бездействовали из-за острой нехватки горючего.

Во-вторых, между началом форсирования нашими войсками Днепра и последующим переходом их в наступление прошло без малого двадцать дней. За это время гитлеровцы сумели перебросить на угрожаемые участки довольно значительные силы. Как указывает Москаленко, уже к 11 октября на участке от Халепья до Ржищева заняла оборону 34-я пехотная дивизия противника, а далее до Ходорова — 10-я моторизованная и эс-совская танковая дивизия «Рейх». В свою очередь непосредственно в букаринской излучине находились 72, 112, 167, 225-я пехотные, 7-я, 19-я танковые и 20-я моторизованная дивизии. А против войск 47-й армии фронта в районе Студенец, Бобрица и южнее действовали 3-я танковая и 57-я пехотная немецкие дивизии.

Кроме того, в тот же период, и особенно в последнюю неделю перед нашим наступлением, фашистское командование усиленно укрепляло свои позиции на всем фронте от Гребенки до Бучака, в то время как наше командование из-за отсутствия переправочных средств к

началу форсирования, слабого авиационного прикрытия не смогло перебросить на правый берег достаточно сил и средств, чтобы расширить захваченные плацдармы (хотя бы букринский) и повести с них без какой-либо оперативной паузы наступление¹.

Ватутин наблюдает в бинокль за действиями своих наступающих войск. Он видит, как с запада в плотном строю идут на букринский плацдарм фашистские бомбардировщики. Вот головные машины уже срываются в пике. Мощные взрывы сотрясают берег Днепра. Бомбардировке вторит вражеский артобстрел. Атакующие танки и пехотные цепи окутываются пылью и дымом...

Командующий видит, с каким упорством его войска отвоевывают у противника каждый метр правобережья, постепенно теснят врага, но ему уже ясно, что успеха здесь не добиться...

Ватутин круто разворачивается и по земляным ступням спускается с площадки наблюдения в блиндаж. Здесь кроме генерала К. С. Москаленко, хозяина блиндажа, находятся командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П. С. Рыбалко и командующий 27-й армией генерал С. Г. Трофименко. Это их части сейчас там, в огне...

Командармы выжидающе смотрят на Ватутина. Что-то он скажет?

Несколько минут в блиндаже стоит тишина. Гул авиации там, наверху, не в счет. Ватутин хмуясь смотрит на разостланную на столе карту, но, кажется, не видит ее.

Чувствуя, что пауза затягивается, командующий фронтом наконец нарушает ее. Говорит твердо:

— Приказываю атаки здесь прекратить! Войскам закрепиться на достигнутых рубежах. Дальнейшие указания получите позже. А пока все свободны.

¹ См.: Москаленко К. С. На юго-западном направлении. М., 1979, кн. 2, с. 129—133.

Минут через десять и он сам покидает КИ 40-й армии.

...Трудно, очень трудно признаться даже самому себе в том, что что-то тобой недодуманно, принято поспешно, без учета важных обстоятельств. Невольно хочется сослаться на объективные причины, которых, если только захотеть, можно найти немало. Но не таков Ватутян. Да, объективные причины есть. Но не только и даже не столько они привели к неудаче. Сейчас, вглядываясь в карту, он понимал, что не все учитывал, отставив перед Ставкой свой план главного удара с букринского плацдарма. Мотивировал свое решение тем, что это плацдарм, мол, самый обширный, достигает по фронту одиннадцати и в глубину — до шести километров. И как-то не обратил внимания на то, что лютежский плацдарм, с которого планировался вспомогательный удар, к этому времени войска 38-й армии с помощью танкистов генерала А. Г. Кравченко расширили до пятнадцати километров по фронту и до десяти — в глубину. К тому же и местность там — не то что на букринском плацдарме: ровная, позволяет использовать танковые войска на всю их мощь. Значит, нужно пока не поадно исправлять допущенную ошибку.

23 октября И. В. Сталин заслушал по телефону доклад Н. Ф. Ватутяна об обстановке на фронте. Николай Федорович доложил все как есть: о бесперспективности удара на Киев с юга, с букринского плацдарма, и о тех благоприятных условиях, которые сложились на северном, лютежском, плацдарме. И. В. Сталин согласился с его доводами и приказал прислать соображения командования фронта по данному вопросу.

Прежде чем созрело новое решение, Военный совет фронта обсудил и проработал несколько вариантов сосредоточения дополнительной группировки в районе Лютожа. Ведь передислокация войск с букринского плацдарма была очень сложной, ибо перебрасывать силы

нужно было вдоль фронта, с двойным форсированием рек Днепр и Десна. И перебрасывать не просто общевойсковую армию, что конечно же легче, а 3-ю гвардейскую танковую армию.

И все-таки было принято именно такое решение. Его одобрил и представитель Ставки Г. К. Жуков.

Командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П. С. Рыбалко был вызван на КП фронта уже под вечер. На командном пункте кроме Н. Ф. Ватутина находились Г. К. Жуков и начальник штаба фронта С. П. Иванов. Выслушав новую задачу, Рыбалко со свойственной ему иронией сказал:

— Что ж, форсировать так форсировать. Я готов, тем более что с правого берега на левый перебраться легче: левый-то пологий.

— Действительно так, — слегка улыбаясь, подтвердил Ватутин. — Только надо учесть, что под Лютежем нужно будет снова переправляться с левого на правый, а он крутой.

— Ничего, переправлюсь, — заверил Рыбалко.

Жуков, не поощрявший шуток в деловых разговорах, сказал, обращаясь к начальнику штаба фронта генералу Иванову:

— Семен Павлович, готовься сразу же после совещания ехать на Букрин. Будешь вместе с Рыбалко головой отвечать за переброску его армии и всех других соединений в Лютеж.

— Слушаюсь, товарищ маршал.

Неожиданно вмешался Рыбалко. Нахмурившись, он заявил:

— Коль будем перебрасывать мои танки, перебрасывайте и пехоту Москаленко.

Г. К. Жуков неодобрительно посмотрел на П. С. Рыбалко и сказал:

— Указания в армии идут сверху вниз, а не наоборот. Забывать об этом не следует. Перебросим с Букрина

те силы, которые пужны под Лютежем, а пехоту найдем поближе.

Рыбалко нахмурился. Наступила пауза. Ее нарушил генерал Иванов:

— Товарищ маршал, у меня есть предложение. Если нельзя рокировать 40-ю армию, то давайте рокируем ее командование.

— А что, это идея, — поддержал своего начальника штаба Ватутин¹.

— Согласен, — кивнул Жуков.

Директиву Ставки ВГК о переносе основных усилий вверенных ему войск на лютежский плацдарм Н. Ф. Ватутин получил еще до этого разговора, 24 октября. В ней, в частности, говорилось:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затруднявшие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии...

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1-го Украинского² фронта с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром киевской группировки противника и овладение Киевом»³.

Итак, перегруппировка. Теперь основную роль в операции должно будет сыграть наступление войск фронта с лютежского плацдарма.

В то же время действия войск фронта с букринского плацдарма позволили стянуть сюда довольно значительные силы киевской группировки противника и даже его резервов с ближайших оперативных направлений. Следо-

¹ См.: Оговек, 1983, № 44, с. 17—18.

² С 20 октября 1943 г. Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский.

³ ЦАМО, ф. 132, оп. 2842, д. 34, л. 267—268.

вательно, нужно во что бы то ни стало продолжать скрывать здесь эти силы, убедить врага в том, что советские войска по-прежнему намерены нанести основной удар южнее Киева. Поэтому переброску 3-й гвардейской танковой армии, артиллерии следовало произвести как можно незаметнее, со всеми доступными средствами маскировки.

И это было достигнуто. Как вспоминает бывший начальник штаба фронта Герой Советского Союза генерал армии С. П. Иванов, чтобы скрыть от противника уход с букринского плацдарма танковой армии и артиллерии усиления, 40, 27 и 47-я армии расположили в своих полосах обороны большое количество макетов танков и орудий. Радиосвязь 3-й гвардейской танковой армии работала в прежнем районе. Насколько мастерски все это было сделано, свидетельствует то, что вражеская авиация и артиллерия до самого момента перехода наших войск в наступление с лютежского плацдарма наносила удары по скоплениям маскировочных объектов.

Итак, благодаря предварительно проведенным мероприятиям по дезинформации противника командование 1-го Украинского фронта добилось внезапности наступления с лютежского плацдарма. Отдел по изучению армий Востока генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии, оценивая положение на советско-германском фронте, накануне этого наступления даже сделал такой примечательный вывод: «После неудачных октябрьских боев на букринском плацдарме основные события в поябре развернутся в районе Мелитополя и Кривого Рога. Там советские войска попытаются замкнуть кольцо вокруг 6-й и 1-й танковой армий. Вторым ударом будет нанесен на Исков или Двинск — Рига с целью сокрушить пемецкий северный фланг»¹.

1 ноября 1943 года, когда войска на лютежском плац-

¹ ЦВИА: Документы и материалы, ф. 239, оп. 98, д. 123, л. 28.

дарме ждали сигнала, чтобы начать активные действия, началось наступление войск 1-го Украинского фронта с буковинского плацдарма. Ватутин предпринял его для того, чтобы до конца ввести противника в заблуждение, надежнее сковать его силы перед южным плацдармом. И его замысел удался. Гитлеровское командование не только не сняло отсюда ни одной дивизии, но даже перебросило сюда дополнительные части и соединения с других участков.

Вечером 2 ноября Н. Ф. Ватутин отдал приказ о начале наступления главной ударной группировки севернее Киева, с лютежского плацдарма. Атака была назначена на 8 часов 40 минут 3 ноября. Военный совет фронта обратился к воинам: «Товарищи! Перед нами Киев — мать городов русских, колыбель нашего Отечества. Здесь много веков назад зародилась наша могучая Русь. Здесь с оружием в руках отстаивали от врагов свободу и независимость русского и украинского народов наши отцы и матери, наши деды и прадеды... За нашу Советскую Родину, за вашу свободу и счастливую жизнь, за Украину, за Киев, вперед на разгром врага!»

3 ноября точно в назначенное время на врага обрушился мощный удар не с юга, а с севера. В нем на первом этапе приняли участие войска 60-й, 38-й армий и часть сил 5-го гвардейского танкового корпуса. Уже к исходу дня эта ударная группировка продвинулась вперед от 5 до 12 километров.

Ставка ВГК внимательно следила за ходом операции войск 1-го Украинского фронта. 3 ноября на имя Н. Ф. Ватутина поступила телеграмма, подписанная И. В. Сталиным и А. И. Антоновым. Отмечая, что лютежский плацдарм является «важнейшим и наиболее выгодным плацдармом на правом берегу р. Днепр, имеющим исторически важное значение для изгнания немцев из Правобережной Украины», Ставка указывала: «Операцию, начатую на правом крыле фронта, не затягивать, т. к.

каждый лишний день дает только преимущество противнику, позволяя ему сосредоточить сюда свои силы, пользуясь хорошими дорогами, тогда как у нас разрушенные противником дороги затрудняют и ограничивают маневр».

В заключение Ставка потребовала не позднее 5 ноября перерезать железную дорогу Киев — Коростень и не позднее 5—6 ноября освободить столицу Советской Украины.

В течение последующих двух дней Ватутин ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию генерала Рыбалко, 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Баранова, вторые эшелоны и резервы 60-й и 38-й армий, в том числе 1-ю чехословацкую отдельную бригаду под командованием полковника Л. Свободы. Командирам танковых корпусов Николай Федорович приказал стремительно продвигаться к Киеву, не боясь отрыва от пехоты.

Ввод в сражение новых сил позволил уже 4 ноября прорвать тактическую зону обороны противника. Стремительное наступление продолжалось и ночью. Танкисты выполняли приказ командующего фронтом: «Больше шума, сеять, сеять среди врага панику». Танки шли с зажженными фарами, включенными сиренами, ведя по гитлеровцам огонь из пушек и пулеметов.

К утру 5 ноября передовые отряды танковых корпусов оседлали шоссе Киев — Житомир, перерезав тем самым главную коммуникацию, питающую с запада киевскую группировку войск противника.

В районе Святошино проходил последний оборонительный рубеж врага. Здесь, несколько оправившись от натиска советских войск, гитлеровцы попытались было организовать сопротивление. Но гвардейцы-танкисты во взаимодействии с частями 50-го стрелкового корпуса генерала С. С. Мартыросяна сломили сопротивление противника.

Первой на западную окраину Киева в районе кинофабрики вышла 167-я стрелковая дивизия генерала

И. И. Мельникова. А во второй половине дня 5 ноября северо-западной окраины столицы Украины достигли части 5-го гвардейского танкового корпуса под командованием генерала А. Г. Крапченко. 38-я же армия (ею, как уже говорилось, с конца октября стал командовать генерал К. С. Москаленко, передав 40-ю армию генералу Ф. Ф. Жмаченко) ворвалась в город с севера и северо-запада.

Высокое воинское мастерство и беспримерный героизм проявили в уличных боях за Киев воины 20-й гвардейской танковой бригады. Многие из них впоследствии были награждены орденами и медалями. А комбриг подполковник С. Ф. Шутов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В боях за Киев активную роль сыграла чехословацкая бригада под командованием полковника Людвика Сябоды. 139 солдат и офицеров этой героической бригады были удостоены высоких советских наград.

В 00 часов 30 минут 6 ноября над столицей Советской Украины взвилось Красное знамя. Верховному Главнокомандующему тут же была послана телеграмма. В ней говорилось: «С величайшей радостью докладываем о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом — столицей Украины, войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи».

В этот же день Москва салютовала доблестным воинам 1-го Украинского фронта.

Генерал армии Ватутин помнил столицу Украины во всей ее довоенной красе. Теперь же он молча, с душевной болью глядел на пожарища и руины, на разрушенный Крещатик и обуглившиеся стены Дома обороны, на охваченный огнем университет...

Вот как описывает в своих воспоминаниях первый

день, проведенный вместе с Н. Ф. Ватутиным в освобожденном Киеве, генерал-полковник К. В. Крайнюков:

«В первые часы освобождения Киева, когда туда только что вошли части Красной Армии, город произвел на нас удручающее впечатление. Его улицы были полупустыми: фашисты угнали в лагеря и на каторгу значительную часть населения...

Измученный, оборванный старик подошел к нам и горько заплакал. Сбивчиво и торопливо он поведал нам об ужасах немецкой оккупации.

— А как дальше будет, не вернется фашист? — спросил он.

Николай Федорович твердо ответил:

— Не вернется, не пустим, погоним дальше. Русские прусских всегда бивали. А с гитлеровцами у нас особый счет. Гром военный прогрехочет и над Берлином.

На площадях, где мы останавливались, вокруг машины командующего собирались местные жители, воины, и порой стихийно возникали короткие митинги. Узнав, что войскам 1-го Украинского фронта, освободившего столицу СССР, командует бывший начальник штаба Киевского особого военного округа генерал Н. Ф. Ватутия, люди оживлялись, слышались радостные возгласы и аплодисменты. А Николай Федорович смущенно улыбался и жестами показывал на бойцов как на главных виновников торжества и творцов победы»¹.

Освобождение столицы Советской Украины вызвало не только радость у всех советских людей, но и широкий международный резонанс. Так, лондонское радио в те дни сообщало: «Занятие этого города советскими войсками является победой, имеющей огромное не только военное, но и моральное значение. ...когда гитлеровцы заняли

¹ Крайнюков К. В. Оружие особого рода. М., 1977, с. 72.

Киев, они хвастливо заявляли, что это повлечет за собой полнейшее поражение советских войск на всем юго-востоке. Теперь... времена изменились. Германия слышит зов похоронного колокола. На нее надвигается лавина»¹.

Новое крупное поражение немецко-фашистских войск в районе Киева еще больше ухудшило военно-политическое положение гитлеровской Германии. Вражеское командование начало принимать срочные меры, чтобы локализовать прорыв советских армий через «неприступный» Восточный вал. В частности, был отменен ранее планировавшийся удар с никопольского плацдарма в южном направлении с целью деблокады Крыма. Под Киев срочно перебрасывались танковая дивизия СС «Рейх», 3-я танковая и 10-я моторизованная дивизии. Из-под Кременчуга прибыли части 198-й пехотной и из Франции 25-й танковой дивизий. Из района Кировограда под Белую Церковь выдвигалась 1-я танковая дивизия. В Казатине и на соседних станциях выгружались части танковой дивизии СС «Адольф Гитлер».

Силы врага, нацеленные в первую очередь против войск 1-го Украинского фронта, собирались немалые. В этих условиях Ватутин упреждает противника. Его армии без какой-либо паузы начинают стремительно преследовать отходящие перед ними немецко-фашистские войска одновременно на житомирском, казатинском и белоцерковском направлениях.

Важная задача возлагалась на 3-ю гвардейскую танковую армию. Ей предстояло с ходу захватить Фастов и Васильков и тем самым не допустить подхода вражеских резервов в район Киева. В боевом распоряжении, которое И. Ф. Ватутин отдал командующему 3-й гвардейской танковой армией генералу И. С. Рыбалко, говорилось: «Фастов завять во что бы то ни стало в кратчайший срок и немедленно донести».

¹ Красная звезда, 1943, 7 ноября.

Рыбалко выделил из состава своей армии 91-ю отдельную танковую бригаду и приказал ее командиру полковнику П. И. Якубовскому, не ввязываясь в бои, безостановочно идти на Фастов. Якубовский точно выполнил приказ командарма: в ночь на 7 ноября танки его бригады ворвались в Фастов и захватили его северную часть. Почти одновременно в город вошли и передовые части 6-го гвардейского танкового корпуса генерала А. П. Панфилова. К утру Фастов был полностью очищен от противника.

Больших успехов наряду с гвардейцами-танкистами генерала Рыбалко добились и воины 38-й армии генерала Москаленко. Части и соединения этой армии за 6 и 7 ноября продвинулись вдоль Житомирского шоссе на 60 километров.

Гитлеровское командование понимало, что с падением Фастова и продвижением к Житомиру войска 1-го Украинского фронта вот-вот поставят под угрозу разгрома северное крыло группы армий «Юг». Поэтому уже с утра 8 ноября противник предпринял контратаки с целью вернуть Фастов. Одновременно гитлеровцы нанесли удар вдоль правого берега Днепра и в направлении города Корнин.

И все же вначале успех продолжал сопутствовать нашим войскам. Танкисты Рыбалко прочно удерживали Фастов, а армия Москаленко, несмотря на то что начавшиеся проливные дожди развезли дороги, подвоз боеприпасов резко снизился, а авиация не имела возможности поддерживать действия наземных войск, не прекращала наступления на житомирском направлении. 13 ноября ее соединения при поддержке 1-го гвардейского кавалерийского корпуса освободили Житомир.

Но тут выяснилось, что гитлеровцам все-таки удалось сосредоточить южнее Киева довольно крупную группировку войск. Ставка ВГК приказала Ватутину немедленно приостановить наступление в центре его фронта,

усилить левый фланг 38-й армии на участке Фастов, Триполье артиллерией, танками, инженерными частями и не допустить прорыва противника к Киеву с юга.

Николай Федорович во исполнение этого приказа начал срочно снимать полки и дивизии с букринского и ищучинского плацдармов и направлять их в район Фастова и Василькова. Туда же были переброшены и соединения, ранее предназначавшиеся для усиления 38-й и 60-й армий.

По окончании этой перегруппировки, а также с подходом 1-й гвардейской армии и 25-го танкового корпуса войскам Ватутина была поставлена задача разгромить белоцерковскую группировку противника и овладеть Попельней, Белой Церковью и Кагарлыком, а в последующем продолжать наступление на казатинском направлении.

Немецко-фашистскому командованию удалось сосредоточить значительные силы и на житомирском направлении. В частности, сюда были стянуты 15 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованная. 15 ноября эта группировка перешла в контрнаступление. 20 ноября с большими потерь гитлеровцам удалось вновь овладеть Житомером.

В период ожесточенных боев в районах Житомира, Фастова и Брусилова войска правого крыла 1-го Украинского фронта сначала остановили противника, а затем продолжили наступление на овручском и коростенском направлениях. Еще 17 ноября 60-я армия генерала Черняховского освободила Коростень, а днем позже 13-я армия¹ во взаимодействии с партизанами А. Н. Сабурова выбила врага из Овруча.

Обстановка менялась подчас быстро и неожиданно. С утра 6 декабря Черняховский объехал корпуса своей

¹ Как и 60-я армия, она была передана из Центрального фронта в распоряжение Н. Ф. Ватутина еще 29 сентября 1943 г.

армия. Все было вроде бы нормально. Но когда он вернулся в штаб армии, позвонил командир 15-го стрелкового корпуса генерал И. И. Людников. Доложил взволнованно:

— Товарищ командарм, противник прорвал оборону дивизии Мищенко и вышел на огневые позиции артиллеристов.

— Но ведь дивизия Мищенко у вас во втором эшелоне, — удивился Черняховский. — Почему же вы не докладывали, когда противник прорвал ваш передний край? Немедленно уточните и доложите, что делается в полосах дивизий первого эшелона.

Запоздалое доведение командира корпуса казалось неправдоподобным. Неужели Людников что-либо напутал?..

Вскоре командир 15-го корпуса позвонил снова. Доложил:

— Дивизии первого эшелона прочно удерживают занимаемую ими оборону.

— Но каким же тогда образом противник вышел на ваши тылы?

— Противник вклинился через позиции корпуса Лазько, товарищ командарм.

Да, это было неприятное известие. Разрезав падвое боевой порядок 30-го корпуса, противник, выйдя в тыл соединениям Людникова, поставил 60-ю армию в крайне тяжелое положение. Нависла реальная угроза ее окружения. И если еще учесть, что немцы на этом участке в несколько раз превосходили войска Черняховского в танках и артиллерии, то...

Иван Данилович потребовал от начальника штаба доклада обстановки.

— Товарищ командующий, противник, сосредоточив крупные силы в районе Житомира, ударом в направлении Малина вклинился в боевые порядки 30-го стрелкового корпуса и дезорганизовал оборону 15-го. Манштейн собрал сильные резервы. Угроза серьезная, противник пы-

тается взять реванш. Если генерала Людникова постигнет та же участь, что и Лазько, мы, пожалуй, не сумеем удержать наши позиции.

В этот момент зазвонил телефон. Трубку взял адъютант командарма майор А. И. Комаров. И тут же передал ее И. Д. Черняховскому.

— Товарищ генерал, командующий фронтом...

— Требую стоять насмерть! — раздался в трубке решительный голос Ватутина. — Через двадцать минут доложите ваше решение.

Двадцать минут... Многого за это время передумал Черняховский. Данные о противнике пока неполны и противоречивы. А тут еще прервалась связь с 15-м стрелковым корпусом. Генерал Людников едва успел сообщить, что немцы крупными танковыми силами навалились на его корпус, попросил разрешения отвести дивизии на более выгодные рубежи, как связь пропала. И ее до сих пор не могут восстановить...

Тем временем уже прошло двадцать минут. Нужно докладывать Ватутину.

Иван Данилович взял трубку.

— Товарищ командующий! Я решил огнем артиллерии, танков и авиации остановить ударную группировку противника на тех рубежах, которые занимает армия, и одновременно готовиться к нанесению контрудара.

— Иного я и не ждал, Иван Данилович, — удовлетворенно отозвался Ватутин. — Военный совет фронта одобряет ваше решение. Действуйте, желаю успеха.

Ватутин намеренно не сообщил Черняховскому о резервах, которые он уже направил в помощь 60-й армии. Пусть-ка командарм исходит пока из того, что имеет. Ну а резерв... В пужный момент он сыграет свою роль.

В тот момент, когда гитлеровцы, чтобы покончить с корпусом Людникова, бросили в бой свои вторые эшелоны, Черняховский ввел в действие на стыке между 30-м и 15-м корпусами этот так кстати подошедший резерв —

противотанковую бригаду и танковый полк. Это-то и решило исход боя в вашу пользу. Контрудар врага захлебнулся.

В декабре гитлеровцы предприняли еще две попытки прорваться к Киеву, но они закончились безрезультатно.

Борьба за Киев явилась важным звеном битвы за Днепр и Правобережную Украину. Она продолжалась более двух месяцев. И выиграли ее советские войска, в частности войска 1-го Украинского фронта под командованием талантливого советского полководца генерала армии Н. Ф. Ватутина.

НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

Немецко-фашистское командование не без оснований предполагало, что основные усилия советских войск в ближайшем будущем будут нацелены на южную половину восточного фронта для наступления к Балканам и Южной Польше. Оно считало, что главный удар Красная Армия нанесет по северному флангу группы армий «Юг» из района Киева с целью выйти на Днестр и румынскую границу, одновременно продолжая наступление на района Днепропетровска, на нижнем течении Днепра и в Крыму, а также против группы армий «Центр» из района Гомеля на бобруйском направлении.

Фашистское командование усилило находившуюся в обороне на северном фланге группы армий «Юг» 4-ю танковую армию шестью свежими соединениями. Теперь в ее составе насчитывалось 26 дивизий, в том числе 7 танковых.

Одновременно гитлеровцы вели ускоренное строительство оборонительных сооружений. Однако к концу декабря на Правобережной Украине они смогли на боль-

шей части фронта оборудовать только главную полосу обороны глубиной 4—6 километров. На важнейших направлениях в 10—15 километрах от переднего края готовилась вторая полоса. В оперативной глубине оборудовались оборонительные рубежи по рекам Ингулец, Ингул, Сивюха, Южный Буг, Днестр.

В конце 1943 года южнее реки Припять действовала войска четырех советских фронтов. 1-й Украинский фронт под командованием Н. Ф. Ватутина удерживал обширный плацдарм на правом берегу Днепра западнее Киева. Южнее 2-й и 3-й Украинские фронты занимали второй крупный плацдарм — от Черкасс до Запорожья. 4-й Украинский фронт в это время охватывал главными силами никопольский плацдарм гитлеровцев, а частью войск закреплялся на левому берегу нижнего течения Днепра, одновременно блокируя в Крыму 17-ю немецкую армию.

Именно этим четырем фронтам по планам Ставки ВГК и предстояло разгромить группы фашистских армий «Юг» и «А» и освободить Правобережную Украину и Крым.

1-му Украинскому фронту было приказано главный удар нанести на Радомышль, Житомир, Бердичев, Жмеринку, а вспомогательные удары — правым крылом в направлении Коростель, Новоград-Волынский и Новомирополь, частью сил — в обход Житомира с запада, левым крылом — на Белую Церковь, восточнее и юго-восточнее нее.

Подготовка к наступлению проходила в очень сложных условиях. Основные силы войск Н. Ф. Ватутина вели в это время тяжелые оборонительные бои против 4-й немецкой танковой армии, стремящейся прорваться к Киеву.

Словом, предстоящая стратегическая операция 1-го Украинского фронта должна была начаться наступлением против сильнейшей вражеской группировки. «Это контрнаступление, — требовала Ставка в своей директи-

ле от 28 ноября 1943 года, — нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом».

Для выполнения поставленной фронту задачи Ставка передала в распоряжение Н. Ф. Ватутина из своего резерва 1-ю гвардейскую, 1-ю танковую и 18-ю армии, а также два отдельных танковых корпуса.

Дел было много. И Ватутин, не щадя себя, работал буквально сутками, готовя войска фронта к предстоящей операции. Вот как описывает одну из своих встреч с ним того периода Г. К. Жуков:

«Сначала я решил поехать на 1-й Украинский фронт, чтобы передать решение Ставки и помочь спланировать предстоящие действия войск.

Н. Ф. Ватутин... был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив и донесений Верховному Главнокомандованию он писал сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта...

Николай Федорович работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровилось.

Коротко познакомив Н. Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав его последние коррективы к плану действий войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив стакан крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба А. Н. Боголюбовым¹ направились в оперативный отдел штаба, чтобы

¹ С 11 ноября 1943 г. генерал А. Н. Боголюбов сменил на этой должности генерала С. П. Иванова.

еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А. Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н. Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А. Н. Боголюбовым. И мы вновь увидели Н. Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

— Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

— Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к наступлению, — ответил Николай Федорович.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что эта была его прямая обязанность.

Беспокойным человеком был Н. Ф. Ватутин. Чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно¹.

Наступление 1-й Украинский фронт начал 24 декабря мощными ударами по 4-й танковой армии противника, все еще угрожающей Киеву. Главный удар в общем направлении на Бердичев, Жмеринка наносили три общевойсковые и две танковые армии фронта. Для гитлеровцев это наступление явилось неожиданным: ни Манштейн, по-прежнему командовавший группой армий «Юг», ни главное командование вермахта и предвидеть не могли, что Ватутину в ходе почти непрерывных оборонительных боев удастся накопить столь внушительные силы для контрудара.

1-я гвардейская армия генерала А. А. Гречко, 18-я армия генерала К. Н. Лесслидзе и 38-я армия генерала К. С. Москаленко при мощной поддержке артиллерии и основных сил 2-й воздушной армии генерала С. А. Красовского уже в первый день наступления прорвали вра-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. т. 3, с. 95—96.

жескую оборону на всю ее глубину. И тут Николай Федорович повторил то, что уже оправдало себя во время Курской битвы: он немедленно ввел в прорыв сразу две танковые армии — 1-ю и 3-ю гвардейскую, которые начали быстро развивать успех общевойсковых армий.

В течение 25—28 декабря в сражении были введены в остальные армии фронта. 13-я повела наступление на Сарны и Ровно, 60-я — на Шепетовку. 40-я и 27-я армии нацелили совместный удар на Белую Церковь.

К 30 декабря войска 1-го Украинского фронта расширили прорыв вражеской обороны до 300 километров по фронту и продвинулись до 100 километров в глубину, завязав бой уже непосредственно за Житомир, Бердичев и Белую Церковь. 4-я танковая армия противника оказалась рассеченной на три части. Вот тут уж у немецко-фашистского командования совершенно исчезли надежды на возможность восстановления обороны по Днепру.

Гитлеровцы делали все от них зависящее, чтобы исправить катастрофическое положение на северном крыле своей группы армий. Так, был отдан приказ сосредоточить в районе Бердичев, Казатин 48-й танковый корпус для контрудара во фланг главной группировке войск Ватутина. Но благодаря стремительным действиям армий 1-го Украинского фронта этот корпус был разбит раньше, чем успел изготовиться для нанесения контрудара.

Тем временем наступление войск 1-го Украинского фронта продолжалось. Особенно ожесточенные бои развернулись за Житомир. Немецко-фашистское командование всеми силами пыталось удержать в своих руках этот крупнейший узел коммуникаций. Оно сосредоточило здесь до шести дивизий, в том числе две танковые. Чтобы ускорить разгром житомирской группировки войск противника, Ватутин принял следующее решение: он приказал 1-й гвардейской армии атаковать врага с востока, 60-й — обойти Житомир с северо-запада, а 18-й и 3-й гвардейской танковой армиям — с юго-востока. Это грозило гит-

леровцам полным окружением. И они, появив нависшую над ними опасность, начали поспешно отходить. 31 декабря советские войска вошли в Житомир.

Теперь гитлеровское командование делало все от него зависящее, чтобы если не остановить, то хотя бы задержать продвижение вперед войск 1-го Украинского фронта. С этой целью оно подтягивало к участку прорыва все свои резервы, осуществляло реорганизацию управления войсками. Так, правофланговые соединения 4-й танковой армии, по существу отрезанные войсками Ватутина от основных сил в каневском выступе, были 1 января 1944 года переподчинены переброшенному из Апостолово в Умань управлению 1-й танковой армии, войска которой в свою очередь передавались управлению 6-й армии. Соединения же 6-й армии (точнее, все что от них осталось) составили 44-й отдельный корпус.

Подобная сверхсложная реорганизация тоже не привела к желаемому результату. 3 января войска 1-го Украинского фронта овладели Новоград-Волыньским, на другой день — Белой Церковью, а 5 января выбили фашистов из Бердичева.

В результате такого успеха разрыв между центром 4-й немецкой танковой армии и ее соединениями, зажатыми в каневском выступе, достиг 110 километров. В этот разрыв Ватутин тут же направил 1-ю танковую и 38-ю армии. Первая из них во взаимодействии с 40-й, 27-й армиями получила задачу наступать в южном направлении на Христиновку и там соединиться с войсками 2-го Украинского фронта, окончательно отрезав противнику пути отхода из каневского выступа.

10—11 января, выполняя приказ Ватутина, части и соединения 1-й танковой, 38-й и 40-й армий вышли на подступы к Виннице, Жмеринке, Христиновке, Умань и юго-восточнее Жашкова, глубоко охватив каневскую группировку войск противника с северо-запада.

...Н. Ф. Ватутин, не отрывая взгляда от разостланной

на столе карты, одновременно внимательно слушал начальника разведотдела штаба фронта генерала И. В. Вишegradова.

— С конца декабря и по одиннадцатое января, — говорил тот, — из резерва группы армий «Юг», с других участков советско-германского фронта, а также из Германии прибыли четыре корпусных управления, шестнадцать дивизий, крупные силы авиации. Сосредоточены они главным образом на винницком, жмеринском и уманском направлениях. Особо отмечаю, что три дивизии из числа прибывших изъяты из группы вражеских армий «Север».

— Вот это хорошо, — удовлетворенно кивнул Ватутя. — Левинградский, Волховский и 2-й Прибалтийский фронты сейчас как раз готовятся к наступлению. Выходит, мы им помогли, оттянув на себя три дивизии. — Помолчал, делая какие-то пометки на карте. Затем спросил: — Ну, а чем еще высшее начальство радуется Маяштейна?

— Есть и еще кое-что, товарищ командующий. Например, то, что вопреки своей же ноябрьской директиве сорок третьего года, согласно которой в Западной Европе для отражения ожидаемого вторжения англо-американских войск должны парализоваться силы, немецкое верховное командование по-прежнему снимает оттуда целые дивизии и перебрасывает на советско-германский фронт, в том числе и Маяштейну...

— Понятно, — нахмурился Ватутя. — Значит, в подкреплениях ему не отказывают... Тогда со дня на день нужно ждать от него какого-либо сюрприза. Хотя что там со дня на день — с часу на час.

Николай Федорович оказался прав. Уже 11—12 января противник сильными танковыми группировками при поддержке авиации напес контрудары по флангам выдвинувшихся вперед соединений 1-й танковой, 38-й и 40-й армий из районов севернее Умани и восточнее Винницы,

а с 14 января также контрудары стали предприниматься по всему фронту.

В этой обстановке Ватутин приказал войскам остановиться на достигнутых рубежах и главные усилия сосредоточить на отражении вражеских контрударов. Он прекрасно знал, что все это временно, что у противника нет достаточных сил для длительной контрнаступательной операции. Поэтому во избежание напрасных потерь будет лучше встретить его на подготовленных рубежах, в обороне.

Почти две недели шли ожесточенные бои с контратакующими вражескими группировками. Большую помощь войскам Ватутина в этот период оказала 2-я воздушная армия, части и соединения которой наносили массированные удары по танковым колоннам фашистов, уничтожали в воздухе вражескую авиацию. Летчики генерала Красовского произвели 4200 самолето-вылетов, из них 2500 — против танковых войск врага¹.

За эти две недели гитлеровцы смогли продвинуться на отдельных направлениях на 25—30 километров. После этого их наступательный порыв иссяк. А войска 1-го Украинского фронта, продолжая оборонительные бои в центре, по приказу Ставки ВГК начали готовиться к дальнейшему наступлению на флангах.

К середине января 1944 года особо важное значение приобрели боевые действия на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов. Здесь немецко-фашистское командование упорно стремилось удержать каневский выступ. А советским войскам требовалось как можно быстрее срезать этот выступ, чтобы сомкнуть смежные крылья вышеназванных фронтов. К тому же крупная вражеская группировка в районе Канева, а также танковые кулаки гит-

¹ См.: Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1968, с. 246.

леровцев западнее и южнее его связывали дальнейшие действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, мешали их продвижению к Южному Бугу.

Ставка ВГК в директиве от 12 января 1944 года требовала в кратчайший срок окружить и уничтожить группировку противника в районе каневского выступа путем наступления армий левого крыла 1-го и правого крыла 2-го Украинских фронтов по сходящимся направлениям на Шполу, создав тем самым возможность для дальнейшего развития удара и выхода войск фронтов на рубеж реки Южный Буг.

По сравнению с ранее поставленной задачей наступления на Христишовку (согласно директиве Ставки от 29 декабря 1943 г.) глубина ударов обоих фронтов теперь значительно сокращалась за счет смещения участков прорыва ближе к Днепру. Это позволяло наступающим армиям миновать танковые заслоны врага, созданные им севернее Умани и северо-западнее Кировограда, и в общем облегчало окружение и разгром курсунь-шевченковской группировки противника.

Перед началом операции Ставка отдала приказ войскам всех Украинских фронтов временно прекратить наступление. Шло пополнение их людьми и боевой техникой. Так, в состав 1-го Украинского фронта были переданы 47-я общевойсковая и 2-я танковая армии, а также механизированный и кавалерийский корпуса. За период с 22 января по 3 февраля фронт получил 400 танков Т-34.

Были значительно усилены и войска других Украинских фронтов.

В этот период командование 1-го Украинского фронта отдало приказ командующим 38-й, 3-й гвардейской танковой, 2-й и 1-й танковыми армиями. Вот что говорилось в нем:

«Командармам 38, 3 гв. танковой, 2 и 1 танковым.

Противник пытается в районе Зозов расширить свой прорыв, и не исключена возможность удара противника

из района Зозов в северном направлении на Казатин с целью свертывания наших боевых порядков.

Для воспрепятствования этому к 6.00 29.1.44 в район Самгородок, Спиченцы вывожу главные силы 3 гв. ТА.

В результате наших перегруппировок на рубеже Голendra, Спиченцы, Оратов действуют четыре армии. Из них 3 танковые.

С целью конкретизации задач и лучшего взаимодействия между армиями приказываю:

1. Ответственность за прочное удержание всего рубежа Голendra, Ротмистровка, Андрусовка, Россоша, Оратов возлагается на командарма-38, в руках которого оставляю все средства усиления, приданные мною. Этими средствами обязываю командарма-38 маневрировать и быстро бросать их на угрожающие направления.

2. Командарму 3 гв. танковой отвечать за рубеж Голendra, Ново-Гребля, Ротмистровка, Андрусовка. Главное внимание рубежу: Шендеровка, Ротмистровка, Андрусовка. В этой полосе действий командарму 3 гв. ТА организовать взаимодействие со стрелковыми войсками, действующими на данном рубеже.

3. Командарму 2 танковой отвечать за рубеж иск. Андрусовка, Россоша, Яблоновицы, Оратов, организовать взаимодействие со стрелковыми войсками 38 армии. Препятствовать в свое подчинение 31 тк 1 ТА.

4. Командарму 1 танковой передать все имеющиеся исправные танки в самоходные установки в состав 31 тк. Все пехотные танки и САУ поставить в оборону первой линии и сдать их 2 ТА. Управление армии, 8 мк без танков и САУ и тылы вывести в район Погребнице, где немедленно приступить к укомплектованию 8 мк, район Погребнице привести в оборонительное состояние. 31 тк передать в подчинение 2 ТА.

5. Общая задача командармов не допустить дальнейшего прорыва противника, прочно удерживать занимаемые рубежи и уничтожать противника контратаками.

На время этой операции 3 гв. ТА и 2 ТА в оперативном отношении подчиняются командарму-38. Главное — в тесном взаимодействии всех родов войск, умелым маневром, активной обороной разгромить винницкую группировку противника и подготовить условия для наступления.

Ватутин, Крайнюков, Боголюбов»¹.

Как видно из этого документа, две танковые армии в оперативном отношении были подчинены общевойсковой. Это было в стиле руководства Н. Ф. Ватутина. Потребовала обстановка — и он без колебаний пошел на такое необычное подчинение.

В январе в соответствии с указаниями Ставки командармам Украинских фронтов почти одновременно готовились три объединенные общим замыслом наступательные операции: Корсунь-Шевченковская, Ровно-Луцкая и Николапольско-Криворожская.

Войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов пришлось готовиться к наступлению в довольно сложной обстановке. Особенно трудно было Ватутину. Ведь ему и его штабу надо было готовить наступление в тот момент, когда армия 1-го Украинского фронта ни на час не выходила из боев, отражая вражеские контрудары восточнее Винницы.

Трудности усугубляла и наступившая ранняя распутица. А для создания ударных группировок требовалось в предельно сжатые сроки произвести значительные переброски войск, подвезти боеприпасы, горючее, продовольствие.

В эти дни ни Н. Ф. Ватутин, ни начальник штаба фронта генерал А. Н. Боголюбов, ни член Военного совета генерал К. В. Крайнюков не знали ни сна, ни отдыха. Благодаря их огромной организаторской работе, а также усилиям политорганов, служб тыла, самоотверженности

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 974, л. 248.

всего личного состава войск возникшие трудности были преодолены. Войска, боеприпасы, горючее и продовольствие были сконцентрированы в нужном месте и в достаточном количестве.

Исходя из общего замысла Корсунь-Шевченковской операции, Ватутин создал ударную группировку войск на левом крыле фронта, у основания каневского выступа. В ее состав он включил 6-ю танковую армию, находившуюся еще в стадии формирования (она имела пока лишь 107 танков и САУ), а также часть сил 27-й и 40-й армий. Соответственно 2-й Украинский фронт имел ударную группировку на смежном, правом, крыле. В нее входили 5-я гвардейская танковая армия, 4-я гвардейская и 53-я армия.

Корсунь-Шевченковская операция началась 24 января ударом 2-го Украинского фронта в общем направлении на Звенигородку. 1-й Украинский фронт вступил в дело двумя днями позже. Противник оказал упорное сопротивление, но все же не смог отразить удар наших группировок. Они прорвали его фронт.

27 января противник, стремясь ликвидировать этот прорыв, организовал против частей 2-го Украинского фронта контрудар с целью закрыть образовавшуюся брешь и отсечь передовые 20-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии. И это ему частично удалось.

Однако 20-й танковый корпус генерала И. Г. Лазарева, не обращая внимания на временный перехват противником его тыловых путей, стремительно продвигался вперед и в ночь на 28 января овладел городом Шпола. Днем этот корпус вышел в район Звенигородки.

Перешедшая в наступление ударная группировка 1-го Украинского фронта прорвала оборону противника, но встретила упорное сопротивление в глубине его обороны. Продвижение ее замедлилось.

В этой обстановке Н. Ф. Ватутин, учитывая, что гитлеровцам удалось закрыть образовавшийся прорыв на уча-

стке 2-го Украинского фронта, решает бросить в район Звенигородки на усиление 20-го и 29-го танковых корпусов 2-го Украинского фронта свой передовой отряд под командованием смелого и талантливого генерала М. И. Савельева в составе 233-й танковой бригады, 1228-го самоходно-артиллерийского полка, мотострелкового батальона и батарей истребительно-противотанковой артиллерии¹.

Отряд М. И. Савельева, умело маневрируя, смело провалился через немецкие части в районе Лисянки и 28 января соединился с 20-м танковым корпусом 2-го Украинского фронта в городе Звенигородке, перерезав основные тыловые пути корсунь-шевченковской группировки противника.

Тем временем оборонявшиеся вражеские войска на участке 1-го Украинского фронта упорно сопротивлялись. 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко в первый день боя имела незначительный успех. Более успешно действовали соединения 27-й армии генерала С. Г. Трофименко, особенно 337-я стрелковая дивизия генерала Г. О. Ляскина и 180-я стрелковая дивизия генерала С. П. Меркулова. Они продвинулись в оборону противника на довольно значительную глубину, чем немедленно воспользовался Н. Ф. Ватутин: он ввел в прорыв 6-ю танковую армию, которая перерезала тыловые пути противника. Это положительно сказалось на последующем развитии событий.

К 30 января, введя в бой дополнительные силы, в том числе второй эшелон 5-й гвардейской танковой армии, 18-й танковый корпус и кавалерийский корпус генерала А. Г. Селиванова, ударной группировке 2-го Украинского фронта удалось отбросить гитлеровцев и вновь образовать брешь в их обороне.

Продвигаясь вперед, войска обоих фронтов отсекали корсунь-шевченковскую группировку противника и нача-

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 3, с. 103.

ли сжимать ее к центру окружения. Одновременно был создан и внешний фронт окружения, чтобы не допустить деблокирования вражеской группировки со стороны Умани. Для этого были использованы 6-я танковая армия 1-го Украинского фронта, усиленная 47-м стрелковым корпусом, и 5-я гвардейская танковая армия 2-го Украинского фронта, усиленная 49-м стрелковым корпусом и 5-й инженерной бригадой. Фланги внешнего фронта окружения прикрывались 40-й и 53-й армиями.

Это было сделано очень своевременно, ибо немецко-фашистское командование тут же начало принимать меры для спасения своих войск, оказавшихся в котле. В районе Ново-Миргорода подошли 3, 11 и 4-я танковые дивизии врага, чуть позже — 13-я танковая дивизия. В районе Ризино начали сосредоточиваться 16-я и 17-я танковые дивизии противника.

В первых числах февраля вражеские войска попытались прорвать внешний фронт на участке 2-го Украинского фронта в районе Ново-Миргорода. Однако их попытки были отбиты. Тогда, перегруппировав свои ударные силы на участок 1-го Украинского фронта, противник 3 и 4 февраля нанес два удара в районе Ризино и Толмач, Искривное.

В районе Ризино гитлеровцам удалось вклиниться в оборону наших войск. Командование противника было уверено, что на сей раз успех прорыва обеспечен. Генерал Хубе, командующий 1-й немецкой танковой армией, не скупился на обещания. В одной из перехваченных его радиограмм он заверял окруженных: «Я вас выручу, Хубе».

Но фашистский генерал поспешил с заверениями. Советские воины вскоре остановили его танки.

Движимое гуманными соображениями, советское командование решило направить окруженным вражеским войскам ультиматум. Он гласил:

«Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через ваших личных представителей, которым надлежит ехать легкой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблев на Хировку.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировки 9 февраля 1944 г. в 11 часов по московскому времени.

Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окруженных ваших войск, и ответственность за их уничтожение попсете вы.

Заместитель Верховного Главнокомандующего
Маршал Советского Союза Г. Жуков.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ватутин. Командующий войсками 2-го Украинского фронта генерал армии И. Конев»¹.

Этот ультиматум наши парламентареры вручили окруженному противнику через командующего стеблевским боевым участком полковника Фукке в 15 часов 50 минут 8 февраля.

Одновременно над районом окруженной вражеской группировки войск с самолетов были разбросаны листовки следующего содержания:

«Всему офицерскому составу немецких войск, окруженных в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса находятся в полном окружении. Войска Красной Армии железным кольцом ок-

¹ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 3, с. 107.

ружили эту группировку. Кольцо окружения все больше сжимается. Все наши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолетов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолетов Ю-52.

Вы, офицеры окруженных частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведет только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповрежденной.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие»¹.

Однако командование окруженных вражеских войск отклонило советский ультиматум. Больше того, в ночь на 12 февраля гитлеровцы, сконцентрировав все свои силы на узком участке, попытались вырваться из котла и соединиться с деблокирующими соединениями генерала Ху-

¹ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 3, с. 107—108.

бе. Их удар был нацелен на Стеблев. Вначале им удалось несколько потеснить советские войска, расстояние между окруженной группой и деблокирующей группой противника сократилось до 12 километров. Но чувствовалось, что для соединения сил у гитлеровцев не хватит.

Н. Ф. Ватутин в эти часы находился в довольно скверном настроении. Во-первых, он только что разговаривал по телефону с Г. К. Жуковым. Пришлось доложить, что противник, воспользовавшись пургой, сумел неожиданно ударить и по его войскам, потеснить их на два-три километра и даже занять Хилки. Правда, благодаря срочно принятым мерам, он уже остановлен, но все же... Во-вторых, Георгий Константинович передал ему свой утренний телефонный разговор с И. В. Сталиным. Суть его сводилась к следующему: Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а Ватутину оставить руководство войсками на внешнем фронте. И Сталин вроде бы склонен удовлетворить эту просьбу командующего войсками 2-го Украинского фронта.

— Но данный вопрос пока до конца не решен,— заканчивая разговор, сказал Г. К. Жуков.— Думаю, что я убедил Верховного в том, что передача управления войсками вашей 27-й армии 2-му Украинскому фронту только затянет ход операции.

Итак, неприятный вопрос еще до конца не решен. И все же на душе у Николая Федоровича спокойно. И предчувствие не обмануло его. Ближе к полудню была получена директива Ставки следующего содержания:

«Командующему 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом.

Тов. Юрьеву¹.

Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех

¹ Псевдоним Г. К. Жукова.

войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202-й стрелковых дивизий, 54, 159-го укрепленного района и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. Снабжение 27-й армии всеми видами оставить за 1-м Украинским фронтом.

Командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

2. Тов. Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника.

Исполнение донесите.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. Сталин.

А. Антонов

12 февраля 1944 года.

№ 220022»¹.

Ознакомившись с директивой, Ватутин позвонил Жукову. С обидой сказал:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что

¹ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 3, с. 111.

... все смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

— Николай Федорович, это приказ Верховного, — ответил Г. К. Жуков, — мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

— Слушаюсь, приказ будет выполнен¹.

Заканчивая телефонный разговор, Жуков еще раз напомнил Ватутину приказ Сталина: продолжать лично заниматься операцией 13-й и 60-й армий в районе Ровно, Луцк, Дубно. Ну а окруженную корсунь-шевченковскую группировку до конца ликвидируют войска 2-го Украинского фронта. Ждать уже недолго — дня три-четыре...

До 17 февраля шли ожесточенные бои по уничтожению окруженной в районе каневского выступа вражеской группировки, а также отражались удары войск противника, стремившихся деблокировать ее. Всего в окружении гитлеровцы потеряли 55 000 человек убитыми и более 18 000 пленными².

Одновременно с разгромом вражеской группировки в районе каневского выступа войска 1-го Украинского фронта осуществили своим правым крылом Ровно-Луцкую наступательную операцию. Цель ее заключалась в овладении районом Ровно, Луцк, Шепетовка, чтобы затем с этого рубежа ударить с севера во фланг и тыл группы фашистских армий «Юг».

Главный удар из района западнее Сарны на Ровно и Луцк должна была наносить 13-я армия генерала

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 3, с. 111—112.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1977, т. 8, с. 75.

Н. П. Пухова, а вспомогательный, на Шенетовку, — часть сил 60-й армии генерала И. Д. Черняховского.

Эта операция осуществлялась в условиях труднопроходимой лесисто-болотистой местности. Но именно этот фактор и решил использовать Ватутин для развития операции. Он предполагал, что противник не ожидает здесь крупного наступления, поэтому не будет держать на этом участке фронта большого количества войск. Следовательно, сплошного фронта обороны гитлеровцы, вероятнее всего, создавать не станут, разве что перехватят отдельными опорными пунктами основные дороги.

Предположения командующего фронтом полностью подтвердились наземной и воздушной разведкой. И тогда Николай Федорович начал действовать. Основную ставку он решил сделать на два гвардейских кавалерийских корпуса, действия которых поддержала бы авиация. Весь расчет — на внезапность наступления и применение обходного маневра.

Ватутин, давно предпочитая такую форму боевых действий, как внезапность, знал, что она дает огромные преимущества. Внезапность застает противника не подготовленным к удару: его войска оказываются не в лучшем положении для отражения этого удара. Внезапность вынуждает врага поспешно принимать новый план: он теряет инициативу и по воле вынужден приспособлять свои действия к действиям нападающего. И наконец, внезапность подрывает веру войск противной стороны в свое командование и даже веру командующего и его штаба в самих себя.

Вот этот-то эффект внезапности командующий 1-м Украинским фронтом и решил использовать при проведении Ровно-Луцкой операции. Она началась 27 января. В первый же день наступления соединения 13-й армии прорвали оборону противника, а гвардейские кавкорпуса, скрытно, по бездорожью, при содействии партизан пройдя более 100 километров, оказались тем временем в тылу

врага в 2 февраля внезапным ударом овладели Ровно и Луцком.

Несколько хуже обстояли дела в полосе наступления дивизий 60-й армии. В районе Шепетовки они встретили упорное сопротивление противника, который заранее укрепил этот важный узел железных дорог. Только 11 февраля гитлеровцы были выбиты из Шепетовки.

С выходом 13-й армии и соединений 60-й армии на рубеж Маневичи, Луцк, Шепетовка цель Ровно-Луцкой операции была в основном достигнута. Войска правого крыла 1-го Украинского фронта еще глубже охватили северный фланг группы немецко-фашистских армий «Юг». Преодолев лесисто-болотистые районы, армии Ватутина заняли выгодные позиции для последующего удара в южном направлении во фланг и тыл этой стратегической группировке врага.

Одновременно создались благоприятные возможности для развития наступления в направлении Ковеля. Отбитые у гитлеровцев крупные узлы шоссейных и железных дорог — Ровно, Здолбунов, Шепетовка — улучшили условия маневра силами и имели большое значение для снабжения войск в предвидении этого наступления.

После поражения в ходе Корсунь-Шевченковской, Ровно-Луцкой и Никопольско-Криворожской наступательных операций, осуществленных нашими войсками, немецко-фашистское командование уже и не помышляло о восстановлении своей обороны по рубежу реки Днепр. Оно стремилось лишь закрепиться потрепанными в боях армиями на занимаемых рубежах. При этом гитлеровское командование полагало, что начавшаяся с конца января распутица не позволит советским войскам в ближайшее время продолжать наступление на Правобережной Украине.

Но подобное предположение было ошибочным. Советское политическое и военное руководство, проанализировав стратегическую обстановку, пришло к выводу о целе-

сообразности продолжать наступление Украинскими фронтами без какой-либо паузы. Решение Ставки ВГК сводилось к тому, чтобы одновременными мощными ударами на широком фронте от Полесья до устья Днестра расчленив немецко-фашистские войска и, уничтожая их по частям, завершить освобождение Правобережной Украины.

Решающую роль в развитии наступления Ставка по-прежнему отводила войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов. Согласно отданным ею 18 февраля директивам 1-й Украинский фронт под командованием генерала Н. Ф. Ватутина должен был нанести удар с рубежа Дубно, Шепетовка, Любар в общем направлении на Чортков с целью отрезать основным силам группы вражеских армий «Юг» пути отхода на запад в полосе севернее Днестра. Удар 2-го Украинского фронта планировался с рубежа Звенигородка, Шпола в общем направлении на Умань и далее к Днестру.

Учитывая условия распутицы, советское Верховное Главнокомандование стремилось свести к минимуму перегруппировку войск: были лишь изменены разграничительные линии между фронтами да некоторые армии передавались из одного фронта в другой. В частности, Ватутин получил указание передать соседу слева 2-ю и 6-ю танковые, а также 40-ю общевойсковую армии, перегруппировав основные силы на правое крыло фронта. Взамен переданных армий он получил из резерва Ставки 4-ю танковую армию генерала В. М. Баданова.

Для создания ударной группировки 60-я армия по приказу Ватутина оттягивалась в правую сторону своей полосы, а левую уступала 1-й гвардейской армии. Та в свою очередь передавала свою полосу 18-й армии, фронт которой в результате этого удваивался. В целях маскировки проводимых мероприятий 60-я армия должна была оставить на старых позициях один стрелковый корпус, передавая его 1-й гвардейской армии. Последняя делала то же самое

в своей прежней полосе, получая взамен 17-й гвардейский стрелковый корпус из 38-й армии. В состав ударной группировки фронта Ватутин перемещал 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии, семнадцать стрелковых дивизий и одну артиллерийскую, а также целый ряд артиллерийских и инженерных частей с левого крыла фронта.

Наступление ударной группировки фронта Н. Ф. Ватутин планировал провести в два этапа на общую глубину 80—85 километров в течение 12 дней. На выполнение ближайшей задачи (на глубину 50 километров) он отводил трое суток, а дальнейшей (на глубину до 35 километров) — девять суток. Последующие действия не планировались, а только указывалось их направление — на Чортков¹.

Не были ли заниженными темпы наступления? Нет. При разработке плана очередного наступления Н. Ф. Ватутин учел все, в том числе природные и климатические условия.

А они были далеко не благоприятными. Местность, где должны были на этот раз развернуться боевые действия, представляла собой равнину, изрезанную густой сетью речных долин и оврагов, особенно у левых притоков Днестра. Реки, среди которых наиболее крупными были Южный Буг, Днестр и Прут, в тактическом отношении затрудняли развитие наступательной операции, тем более что форсировать их надо было в период весеннего разлива. Дорожная сеть в значительной степени была разрушена, что также затрудняло маневр войск, а также подвоз и эвакуацию. Немногочисленные шоссе, еще годные к использованию, пришлось предоставить артиллерии на автотракторной тяге и автотранспорту, тогда как пехоте, артиллерии на конной тяге, гужевому транспорту

¹ См.: Москаленко К. С. На юго-западном направлении, кн. 2, с. 240.

и гапкам оставались лишь проселочные, сильно раскисшие дороги.

В подобных условиях противостоящие друг другу войска, как к магниту, тянутся к городам и дорогам с твердым покрытием. Естественно, разгораются жестокие бои за населенные пункты, являющиеся узлами дорог, и наступающим приходится преодолевать особенно яростное сопротивление противника, что замедляет их продвижение вперед. Все это и было учтено Ватутиным при определении темпов наступления и сроков проведения операции.

Немецко-фашистское командование, лихорадочно искавшее наиболее радикальное средство борьбы с наступающими советскими войсками, именно в удержании узлов коммуникаций и видело весной 1944 года способ остановить победоносное движение армий 1-го Украинского фронта. С этой целью оно и решило объявить крепостями населенные пункты, являющиеся узлами коммуникаций. В них сосредоточивались войска, создавались запасы всего необходимого для жизни и боя гарнизона, назначался комендант, который в случае падения такой «крепости» должен был расплачиваться за это головой. Предполагалось, что «крепости» преградят пути к важным дорогам или рубежам, а их гарнизоны в случае необходимости будут вести бой в окружении, сковывая и задерживая продвижение наступающих.

Генерал Н. Ф. Ватутин в те дни конечно же не знал, что гитлеровское командование вдохновится идеей «крепостей». Но он ясно и отчетливо представлял себе характер предстоящих боевых действий, учитывая падение морального духа немецко-фашистских войск. Поэтому при постановке задач армиям им были предусмотрены мероприятия, которые в конечном итоге свели к нулю все усилия фашистского командования по организации «упорной обороны в крепостях». Так, 13-й армии при штурме Дубно было приказано с фронта этот населенный пункт не атаковать, а, обойдя его с северо-запада и юго-востока, блокировать

вадцативосьмидесятый его вражеский гарнизон и не допустить прорыва войск противника из Дубно на юго-запад.

И в дальнейшем Ватутин требовал применения подобной тактики. Когда к югу от Шенотовки и в районе Любар противник создал уалы сопротивления, ликвидация которых могла отнять много времени и сил, Николай Федорович приказал обойти их с флангов. Это позволило 60-й и 1-й гвардейской армиям успешно развивать наступление в глубину, нанося удары в промежутках между узлами сопротивления. И тотчас же вражеские гарнизоны, боясь окружения, бросали свои «крепости» и начинали отход. В результате разгром их всегда происходил на открытой местности, вне укреплений. Это сэкономило время и силы наступающих.

Но перейдем к непосредственной подготовке операции. Внимательно проанализировав результаты наземной и авиационной разведок, Н. Ф. Ватутин сделал вывод, что одним из важнейших направлений будет винницкое. Именно здесь, на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов, противник располагал наиболее многочисленной группировкой войск, в которую входили самые боеспособные танковые дивизии. Вероятность нанесения этими силами удара в северном направлении и предопределила необходимость надежно прикрыть его. Эту задачу Ватутин возложил на доукомплектованную и пополненную 38-ю армию с приданными ей мощными средствами усиления. В соответствии с замыслом предстоящей операции армии предстояло сковать фашистские войска на левом фланге фронта и тем самым обеспечить возможность нанесения главного удара на правом, где оборона противника была значительно слабее.

Но на втором этапе операции Ватутин требовал от командования этой армии, оставив в обороне на своем правом фланге четыре дивизии, остальными семью (в 38-й армии в этот период было одиннадцать стрелковых дивизий, десять артиллерийских полков и другие средства уси-

ления) по взаимодействию с 1-й танковой армией, расположенной в районе Погребище, подготовить наступление в направлении Бабиц, Райгород с целью содействия правому крылу 2-го Украинского фронта в овладении районом Гайсин.

Итак, Ватутин планировал нанесение сильнейшего удара правым крылом своего фронта. Это позволило захлестнуть войска противника, перерезать его коммуникации. И если в августе 1943 года при разгроме белгородско-харьковской группировки немецко-фашистских войск бывший тогда еще Воронежским фронт наносил по противнику фронтовой удар, то теперь Ватутин изыскал возможность ударить в обход вражеской группировки, по самому слабому ее месту.

Помимо перечисленных выше задач, которые Ватутин поставил 38-й армии, она должна была одновременно со срыванием противника и подготовкой наступления на Бабиц и Райгород демонстрировать подготовку к более крупному наступлению. Этим Николай Федорович хотел убедить вражеское командование в том, что главный удар фронта готовится именно здесь, на винницком направлении, а не на правом крыле фронта. С этой целью 38-я армия должна была во всей своей полосе вести разведку боем, рекогносцировку местности группами командного состава, пристрелку артиллерии и осуществлять ряд других демонстративных мероприятий.

Началось проведение мероприятий по дезинформации противника. Цель их состояла в том, чтобы гитлеровцы поверили, будто бы в центре и на левом фланге этой армии сосредотачиваются 3-я гвардейская танковая армия и стрелковый корпус. Там подготавливался мнимый район размещения войск, проводились расчистка дорог, ремонт мостов, оборудовались посадочные площадки для авиации. На местности были расставлены 400 макетов танков. Демонстрировались сосредоточенные стрелковых дивизий, пристрелка всех видов артиллерии и усиленное движение

транспорта, активизировались действия разведки и рекогносцировка местности. По указанию Военного совета фронта армейская газета, которая подбрасывалась нашей разведкой врагу, в своих материалах делала прозрачные намеки на ведущуюся подготовку к наступлению на Немиров.

Соответственно были расставлены радиостанции 3-й гвардейской танковой армии, то и дело выходящие в эфир. Наконец, войскам 38-й армии был отдан ложный приказ на наступление, выдан двухсуточный сухой паек, пополнен запас боеприпасов и произведено уплотнение боевых порядков дивизий.

Непосредственным результатом перечисленных мероприятий было совершенствование противником занимаемых перед 38-й армией рубежей, активизация его воздушной разведки над передним краем и в глубине обороны армии, перегруппировка с целью создания тактических и оперативных резервов. В частности, 6-я немецкая танковая дивизия была переброшена в город Немиров. Словом, план по дезинформации противника, разработанный Ватутиным, давал свои результаты. Можно было готовиться к нанесению главного удара.

Но принять участие в окончательном освобождении Правобережной Украины от немецко-фашистских захватчиков Николаю Федоровичу Ватутину уже не пришлось.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

21 февраля из Москвы прилетел Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Ставка вновь поручила ему координацию действий 1-го и 2-го Украинских фронтов в предстоящей операции. В тот же день он прибыл в штаб 1-го Украинского фронта, где ознакомил Н. Ф. Ватутина и членов

Военного совета фронта с некоторыми новыми указаниями Ставки.

В соответствии с этими указаниями 1-й Украинский фронт готовил главный удар на района Дубно, Шепетовка, Любар в общем направлении на Черновицы, с тем чтобы разгромить прокуровско-винницко-камениц-подольскую группировку противника¹. 2-й Украинский фронт должен был наступать в общем направлении на Бельцы, Яссы. Частью сил предполагалось наступать на Хотин, взаимодействуя с левым крылом 1-го Украинского фронта. 3-й Украинский фронт готовил удар на Одессу, Тирасполь, с тем чтобы освободить приморские районы, выйти на Днестр и захватить там плацдарм.

С выходом в предгорья Карпат предполагалось расцечь стратегический фронт противника, лишив его возможности маневра по кратчайшим путям. При благоприятном исходе этой операции вся южная группа немецко-фашистских войск вынуждена была бы пользоваться коммуникациями только через Фокшанские ворота, Румынию и Венгрию, а это были очень далекие пути для маневра.

После уточнения обстановки и задач, утвержденных Ставкой, фронты начали ускоренную подготовку новых наступательных операций.

Днем 28 февраля Г. К. Жуков вновь был в штабе 1-го Украинского фронта. После двухчасовой совместной работы по уточнению некоторых деталей предстоящей операции Н. Ф. Ватутин сказал Г. К. Жукову:

— Я хотел бы съездить в 60-ю и 13-ю армии, чтобы проверить, как там решаются вопросы взаимодействия с авиацией и будет ли подготовлено материально-техническое обеспечение к началу операции.

Г. К. Жуков посоветовал Николаю Федоровичу послать

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 3, с. 113—114.

туда своих заместителей, а самому заняться рассмотрением решений всех командармов, еще раз проверить взаимодействие с авиацией и устройство фронтового тыла. Но Н. Ф. Ватутин вставал на своей поездке, ссылаясь на то, что давно не был в 60-й и 13-й армиях. Г. К. Жуков наконец согласился, поскольку хотел лично заняться со штабом фронта, управлением тыла и командующими родами войск.

Утром 29 февраля генерал армии Н. Ф. Ватутин и член Военного совета фронта генерал-майор К. В. Крайнюков выехали в штаб 13-й армии, который находился в Ровно.

По прибытии почти сразу же начали совещание с руководящим составом армии. На нем присутствовали командарм генерал И. П. Пухов, член Военного совета генерал М. А. Козлов, начальник политотдела армии полковник Н. Ф. Воронов, начальник штаба генерал Г. К. Малавдин, командир 25-го танкового корпуса генерал Ф. Г. Аннушкин, командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал В. Г. Баранов, командир 6-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал С. В. Соколов и другие.

В своем выступлении Ватутин подчеркнул, что предстоящая наступательная операция преследует цель разгромить группировку противника в районе Кременец, Старокоянтин, Тернополь и овладеть рубежом Киселин, Горохов, Радехов, Красное, Золочев, Тернополь, Проскуров, Хмельник. В дальнейшем войска фронта наступают в общем направлении на Чертков с целью отрезать южной группе гитлеровских войск пути отхода на запад в полосе севернее реки Днестр. Главный удар планируется нанести с фронта Торговица, Шепетовка, Любар силами 13, 60, 1-й гвардейской армий, а также 3-й гвардейской и 4-й танковых армий.

Николай Федорович дал указание генералу Пухову атаковать Дубно не с фронта, а с северо-запада и юго-востока. Он подчеркнул, что не стоит идти на противника

в лоб, а лучше обходить его опорные пункты и искать слабые места в обороне.

Командующий фронтом напомнил, что кроме танкового корпуса 13-й армии приданы два кавалерийских. При этом он заметил, что в лесной местности конница легче маневрировать, нежели танкам.

Особое внимание Ватутин уделил вопросам взаимодействия, связи и управления войсками. Он лично проверил, как в 13-й армии налажено взаимодействие между наземными войсками и авиацией, между пехотой, артиллерией и танками.

— Вашей армии надлежит не только нанести удар в направлении на Броды, — подчеркнул он в заключение, — но и надежно прикрыть фланг фронта, обеспечить справа нашу главную ударную группировку.

После совещания Н. Ф. Ватутин выехал в 60-ю армию. А вечером маршалу Г. К. Жукову доложили с полевого аэродрома о том, что туда привезли тяжело раненого командующего фронтом Н. Ф. Ватутина¹.

О том, как это все случилось, свидетельствует член Военного совета фронта генерал К. В. Крайнюков.

Совещание затянулось. Они уехали от генерал-лейтенанта Н. И. Пухова уже в шестом часу вечера. Ватутин приказал водителю ехать теперь в 60-ю армию, к генералу И. Д. Червяховскому, штаб которого располагался в Славуте.

Сначала ехали по Ровенскому шоссе, затем Ватутин заметил проселочную дорогу, которая ответвлялась от шоссе. Приказал водителю остановить машину, сказал Крайнюкову:

— А зачем нам, собственно, делать крюк? Эта дорога тоже ведет к Славуте. Здесь всего каких-нибудь двадцать

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 3, с. 114.

пять километров. Давайте спрямим путь, а? Да и Черняховский, думаю, заждался нас.

Член Военного совета согласился, и машины свернули на проселок.

Проехали одно село, другое. Нигде ни души. Все будто бы вымерло. Въехали на окраину села Милитин. Внезапно машина с охраной, ехавшая несколько впереди машины командующего, была обстреляна. Правда, ее водитель сумел среагировать на опасность и вывести машину задним ходом из села.

Порученец командующего подбежал к Николаю Федоровичу и взволнованно доложил:

— Там бандеровская засада!

В этот момент из-за крайних хат села показались бандиты. Их было много, а охрана Ватутина состояла всего лишь из десяти автоматчиков. Бандиты сосредоточили огонь по машинам и стали окружать залегшую группу бойцов во главе с Ватутиным.

Генерал Крайнюков предложил командующему взять портфель с оперативными документами и под прикрытием их группы выйти из боя. Но Николай Федорович наотрез отказался, заявив, что ему не к лицу оставлять бойцов в столь сложной ситуации. Документы же он отправил с одним из офицеров штаба, дав ему в сопровождение автоматчика.

Бой продолжался. Ватутин уже отстреливался не из пистолета, а из автомата погибшего бойца. И тут его настигла вражеская пуля. Тяжело раненного, его положили в уцелевший газик. В машину сели также генерал К. В. Крайнюков и порученец командующего. Под огнем бандитов машина проехала километра два и остановилась. Видимо, был поврежден мотор.

Член Военного совета, порученец и водитель поехали Н. Ф. Ватутина дальше на руках. Сзади еще слышались выстрелы. Это охрана продолжала бой с бандеровцами.

Вскоре навстречу им попались сани, запряженные па-

рой лошадей. Порученец крикнул вознице, чтобы тот остановился. Командующего положили в сани и тронулись в путь по направлению к Ровенскому шоссе. Ехали медленно, но все равно сани то и дело подбрасывало на ухабах. Николай Федорович крепился, не стонал, а только морщился от спальной боли. Пола его простреленной бекиши намокла от крови.

Наконец выехали на Ровенское шоссе. Оно было ровным, накатаным. Поехали быстрее. В первом же встретившемся на пути населенном пункте удалось найти военного врача, который оказал Н. Ф. Ватутину помощь.

Снова уложили раненого в сани и двинулись дальше. И тут навстречу подались машины с автоматчиками. Оказывается, это командующий 13-й армией выслал роту охраны на помощь Н. Ф. Ватутину. О чрезвычайном происшествии с командующим фронтом Н. П. Пухову доложил офицер штаба, вынесший портфель с документами.

Колонду замыкала санитарная машина. На ней Николай Федорович и был доставлен в госпиталь.

Генерал К. В. Крайнюков позднее вспоминал:

«Доставив раненого командующего фронтом в военный госпиталь в Ровно и проконсультировавшись с врачами, я доложил о происшествии по ВЧ Верховному Главнокомандующему, сообщил о состоянии здоровья Н. Ф. Ватутина и о том, что оперативные документы не попали к врагу. Сталин более или менее спокойно пожурил нас и с укоризной сказал:

— В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы не взяли даже надежной охраны. Так не годится!

Вслед за устным докладом по ВЧ я направил Верховному Главнокомандующему из штаба Тринадцатой армии следующее письменное донесение:

«Гов. Сталину.

Докладываю о происшествии с генералом армии Ватутиным. 29 февраля 1944 года, возвращаясь из штаба

Тринадцатой армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырех машин и личной охраны в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде в северную окраину д. Миялятин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов...

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты.

Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга Тринадцатой армии ранение относится к категории тяжелых, требующих лечения минимум два месяца. К оказанию мед. помощи привлечены все лучшие силы. На 3.00 1.3.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в Пятьсот шестом армейском госпитале в Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.3 обязательно эвакуировать самолетом «Дуглас» в Москву.

Член Военного совета Первого Украинского фронта генерал-майор Крайнюков¹.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин был эвакуирован не в Москву, а в Киев. Для его лечения в столицу Советской Украины были командированы из Москвы опытейшие специалисты.

Вначале дела Ватутина пошли вроде бы на поправку. Вот выписка из бюллетеня о состоянии его здоровья: «В течение ночи температура больного была нормальная. Больной удовлетворительно спал. Утром больной довольно активен, хорошо покушал».

Но затем в бюллетенях появились и тревожные нотки: «Пульс 104. Температура к 12 часам поднялась до 39,3, без озноба. Пульс 120».

¹ Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1970, с. 74—75.

Началась борьба с инфекцией. Температура не спадала. На консилиуме ведущих хирургов было признано необходимым для спасения жизни раненого произвести срочную ампутацию ноги.

5 апреля Военный совет 1-го Украинского фронта получил следующее сообщение:

«В 14.00 была произведена высокая ампутация бедра. Операцию больной перенес удовлетворительно. К концу дня больной постепенно выходит из состояния послеоперационного шока. Пульс колеблется в пределах 120—140, наполнение его улучшилось, синюхи нет, температура 37,6. появился аппетит, и больной поел».

Боевые товарищи и друзья генерала армии Н. Ф. Ватутина вздохнули было с облегчением. Но... Последующие бюллетени снова пачали предвещать беду. А в ночь на 15 апреля 1944 года генерала армии Николая Федоровича Ватутина не стало.

«В лице тов. Ватутина, — говорилось в сообщении ЦК ВКП(б), СНК СССР и Наркомата обороны, — Государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны»¹.

Тяжелое горе обрушилось на жену полководца Татьяну Романовну и осиротевших детей. Но еще больше сил, чтобы пережить эту утрату, потребовалось его матери Верре Ефимовне. Ведь эта простая русская женщина в феврале 1944 года получила известие о том, что от тяжелых ран, полученных в бою, скончался ее сын — Афанасий Федорович Ватутин. Через месяц — новая похоронка, уже на младшего, Федора. И вот теперь она пришла к гробу своего третьего сына...

17 апреля в 18 часов, когда войска склонили боевые знамена перед могилой выдающегося военачальника, радио донесло до украинской столицы раскаты прощального траурного салюта Москвы, отдавшей от имени Родины

¹ Правда, 1944, 15 апр.

последнюю воинскую почесть Н. Ф. Ватутину — полководцу, коммунисту, герою.

* * *

Прошли годы. В канун 20-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР присвоил генералу армии Н. Ф. Ватутину звание Героя Советского Союза (посмертно).

Сейчас в Киеве, над привольным Днепром, возвышается монумент герою-полководцу. Отсюда, с кургана, хорошо видны дороги, по которым Н. Ф. Ватутин вел армию своего фронта в победное наступление.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Путь краскома	3
Северо-Западный фронт	25
Удар левым крылом	54
«Малый Сатурн»	78
Огненная дуга	90
Белгородско-харьковское направление	110
В сражениях за Днепр и Киев	128
На Правобережной Украине	157
Последний бой	183

Юрий Дмитриевич Захаров

ГЕНЕРАЛ АРМИИ Н. Ф. ВАТУТИН

Редактор *А. А. Войлов*

Редактор (литературный) *А. М. Дмитриева*

Художественный редактор *Н. В. Полова*

Технический редактор *О. В. Токарева*

Корректор *Н. М. Колцова*

ИБ № 2510

Сдано в набор 02.04.85. Подписано в печать 12.06.85.
Г-82867. Формат 70×108₁₆. Бумага тип. № 1. +1 над.— 1/4 п. л.—
0,35 усл. печ. л. Гарн. обшкн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 6. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-над. л. 8,96. Усл. кр. отт. 8,92.
Изд. № 2/2. Тираж 65 000 экз. Зак. 784. Цена 40 к.

Восниздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Восниздата,

103006, Москва, К-6, проезд Сказурцова-Степанова, дом 3.